

18+

ИСТОКИ И ТЕНИ

ЕЛЕНА ГАРБУЗОВА

Елена Гарбузова

Истоки и тени

«Издательские решения»

Гарбузова Е.

Истоки и тени / Е. Гарбузова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700260-8

Рассказы, где привычная идиллия вдруг начинает превращаться в кошмар, потому что в нашем мире скрывается нечто более ужасное, чем сама смерть... и гораздо более могущественное. Захватывающие и пугающие, будоражащие воображение и предостерегающие, эти рассказы — маленькие вселенные. Можете смотреть, можете изучать, можете трогать, но будьте осторожны. Эти рассказы вдохновлены реальными событиями. Эта книга — мистическая головоломка без правил.

ISBN 978-5-00-700260-8

© Гарбузова Е.
© Издательские решения

Содержание

Окно на восток	6
Загадка	10
Дыхание Посейдона	14
Русалка	18
Черная дама	21
Обратный отсчет	24
Теплый ветер	28
Перекресток	31
Незримый дух	36
Свидание	39
Небо на рассвете	42
Нечаянная радость	46
Лестница в небо	49
Обещание	53
Застывшее время	56
Шиповник	60
То, что не снилось мудрецам	63
Улей	67
Предчувствие	70
Ведьма	73
Запах смерти	77
Старинные часы	80
Теория квантового бессмертия	84
Поздняя ночь	89
Рыжий жеребенок	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Истоки и тени

Елена Гарбузова

© Елена Гарбузова, 2026

ISBN 978-5-0070-0260-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Окно на восток

Скучная была ночь. Длинная как список преступлений. Время тянулось нестерпимо долго, ныли колени, душу томила та самая, по-настоящему осенняя тоска. Тоска, разъедающая сердце, не оставляющая надежд. Игорь Владимирович Бортков возвращался в давно забытые места. Он не был в родном городе уже больше двадцати лет. Хотел ли он вернуться? Едва ли. Родители его давно состарились, да и самому мужчине уже давно перевалило за сорок лет. Он равнодушно отсчитывал каждый год прожитой жизни, полностью утратил вкус к настоящему. Все казалось таким же грязным, бурым, осиротевшим, как осеннее поле за окном. Промозглый дождь насекал в стекла, голые деревья тряслись под хлесткими порывами ветра.

Игорь Владимирович был одинок. Он возвращался домой не потому, что испытывал влечение к этому ничтожному, Богом забытому месту, а потому что накануне позвонила его мать и впервые за долгое время попросила их навестить. Отец тяжело занемог. Пять лет назад у него обнаружили болезнь Паркинсона. И если раньше Бортков отмахивался от жалоб матери, то сейчас дело пахло керосином. Подергивание подбородка и пальцев постепенно переросло в черную дыру, куда уходили все силы его отца, такого крепкого, здорового прежде. Две недели назад отец открывал дверь и упал, сломав шейку бедра. Врачи наотрез оказались оперировать это ранее такое сильное, а теперь немощное, иссохшее тело. Больной постоянно лежал в кровати, а мать словно застыла от горя и невозможности что-либо изменить. Когда Бортков увидел ее на перроне маленькой, словно съездившейся железнодорожной станции, то обомлел. Он помнил мать цветущей белокурой женщиной с полными руками, с наивной, широкой улыбкой. Улыбка погасла, а вместе с ней истлела и сама женщина. На перроне стояла дряхлая старуха, сгорбленная, поникшая, седая. Увидев сына, она заплакала, лицо ее задрожало. Было больно видеть эти опухшие глаза, обвисшие щеки. Мать чем-то напоминала старого бульдога, у которого отняли хозяина. Сердце у Игоря Владимировича защемило.

— Ну, будет, будет, мать... Хорош ныть, слезами горю не поможешь.

Он говорил ей эти избитые, ничего не значащие слова, но понимал, что ничего уже нельзя изменить, что время безвозвратно утеряно. Там, где сияла радость, навеки поселились сумерки, тусклые, непреодолимые. Вся дорога до дома была насквозь пропитана слезами и дождем.

Отец лежал в кровати и водил костлявой рукой, словно отыскивая в душном пространстве комнаты что-то давно утерянное, по-настоящему правильное. Он был похож на мумию в саркофаге. Кровать была огорожена длинной, заскорузлой доской и больной, измученный, лишенный возможности вырваться из этого преждевременного гроба, бился о дерево, стонал, разговаривал с химерами своего воображения. Он не увидел сына, да и не узнал его. В комнате дурно пахло мочой, отчаянием, невозможностью что-либо изменить. Уставший Игорь Владимирович поморщился и сказал матери:

— Ты бы ему снотворное дала, мать. Видишь, мучается мужик. Да и мы хоть отдохнем с дороги.

Мать послушно засуетилась. Руки ее дрожали, таблетки сыпались на пол. Когда отец успокоился и заснул, Игорь Владимирович тоже отправился в кровать. Спалось плохо. Истошно выла соседская собака, то ли с голоду, то ли с тоски. Да и как тут не завывать, когда дождь хлещет в бока, а конура совсем прохудилась? Было жарко натоплено, кровать казалась слишком мягкой, а подушки слишком высокими. Промучившись всю ночь, Бортков встал на рассвете и стал бродить по дому, засунув руки в карманы, уткнувшись взглядом в одну точку. Ноги его в старых тапках шаркали по полу, и сам он казался себе старым, потрепанным тапком с прохудившимся войлоком. Проходя мимо зеркала в коридоре, мужчина на миг остановился

и глянул в темную поверхность. Это зрелище, увы, тоже не принесло удовлетворения. Игорь Владимирович крикнул, глубоко вздохнул и прошептал:

— Вот же отменное мурло, породистое. Тучная свинья — не иначе. А ведь мне еще и полтоса нет. Глянуть противно, ей-Богу.

Бортков внезапно вспомнил времена, когда он пробегал по коридору рядом с этим самым зеркалом и, кинув быстрый, лукавый взгляд на свое отражение, замечал юркое, ловкое тело, лукавые глазенки, светящиеся радостью. Он громко, с криком пересекал коридор и опрометью, с разбегу взбирался на любимый чердак. Чердак этот хранил многочисленные детские тайны. Сколько всего интересного, загадочного, непостижимого скрывалось в его пыльном чреве! Огромные стопки книг и журналов, фарфоровые сервизы и статуэтки, коробки просроченных конфет, акварельные наброски, старая одежда, проектор, микроскоп, карта мира, и еще бесчисленное множество искрящихся, удивительных детских сокровищ. Что-то давно забытое, радостное шевельнулось на дне души Игоря Владимировича. Подбирая длинные брюки, скрипя старыми ступенями и отдуваясь, он забрался по лестнице, открыл люк и вдохнул в себя, пыльный, сырой воздух чердака. И на него вдруг прыгнуло само детство. То самое, яркое, теплое и безмятежное, которого он так тщетно искал при встрече с родным домом. То же самое старое облезлое кресло, та же стопка пожелтевших газет рядом. Он помнил каждый угол, каждый корешок книги, каждый цветок на обоях. Какой простой, знакомый мир!

Игорь Владимирович с удовлетворением откинулся на кресле и закрыл глаза. Да, кресло подозрительно скрипело и кренилось, но так же сильно оно скрипело и в детстве, словно выражая рассохшееся неудовольствие. Как быстро промелькнули годы! Как недавно он сидел в этом самом кресле, рассматривал журнал, а лучи солнца на рассвете слепили его глаза, обещали новый день, радостный, полный открытий и свершений. Окно было прямо на востоке и солнце, бодро просыпаясь и потягиваясь после ночи, щекотало его нос, глаза, щеки. Это была необъяснимая игра жизни. Растрескавшееся окно лучилось светом. Занавеска вздувалась под порывом ветра, взмывала в сторону, и в окно влетал аромат весны и счастья. Это цвела яблоня под окном, старая, огромная, узловатая. Как ни странно, это дерево никогда не сдавалось и было полно сил и соков жизни. Вот и тогда оно широко простирало к солнцу свои старые руки и дарило ветру белые лепестки. Ветер плясал над цветами, вскидывал лепестки, и они осыпали все вокруг, влетали даже в окно, опадая на пыльный пол. А что было в окне? А в окне его ждало настоящее чудо... незнакомая девочка в белом платье, вся сияющая, радостная, озаренная солнечным светом. Маленький Игорь познакомился с ней, когда она собирала яблоки в подол своего платья. Его не смутила подобная наглость, а скорее привела в неописуемый восторг. Ему тоже хотелось брать как можно больше от внешнего мира, брать жадно, суетно, ненасытно, не задумываясь об обязанности отдавать.

Соседскую девочку звали Полина. Скоро они стали совсем неразлучны. Их часто видели в поле, в чужих огородах, в лесу. Их узнавали по залиvistому хохоту, по озорным проделкам. Они сами были похожи на ветер, который невозможно потрогать или приручить. Игорь привык к этому восточному ветру. Каждое утро, как только слепящий луч солнца пробирався на чердак, он выглядывал в окно и видел там Полину, радостную, зовущую. Они сливались с жарким, бездумным летом, растворялись в нем.

Время пробежало быстро. Говорят, что редко с первой любовью живешь всю жизнь, иначе она теряет свое очарование. Вероятно, это правда. Но также, правда и то, что первая любовь с нами навсегда в сердце, что ее очень тяжело забыть. Сидя в кресле, отдаваясь своим воспоминаниям и мечтам, Игорь Владимирович размышлял с грустной улыбкой:

— Да уж, неловко как-то вышло с Полинкой. Куда она, собственно, пропала? Право, не помню. Может, совсем растворилась в безумии того лета, последнего, важного? Пролетела и сгинула в вечности. А я остался один. Живу и понимаю, что кроме нее мне никто другой не нужен. Как-то поздно я осознал, что ближе ее, роднее никого у меня и не было. Бездарно все

прошло. Университет, учеба, случайные связи с женщинами, врачебная практика, наглые больные, невежество, пошлость, хамство. Начальство душит, пациенты все на одно лицо... Бабы вокруг мерзкие, меркантильные. Здоровье шалит, родители скоро оставят. Но самое страшное даже не это. Страх в том, что я часто думаю, что никогда не смогу отпустить эту самую Полину, буду думать о том, а могла ли сложиться моя жизнь иначе, если бы мы были вместе.

Игорь Владимирович очнулся от дремоты. Тело знобило после бессонной ночи, колени по-прежнему ныли. Он с трудом поднялся и открыл глаза в надежде увидеть окно на востоке, свою давно забытую, счастливую жизнь. И вдруг его словно обухом ударили по голове, а сердце забилося. Окна не было! Бортков кинулся к глухой стене, царапал по ней пухлыми пальцами и словно ошалел. Он кричал, бился, горячо шептал:

— Как же это? Что же это? Где окно на востоке? Зачем вы его убрали, замуровали, изничтожили? Как можно?

Испуганная мать проснулась от его криков, поднялась на чердак.

— Игорюша, что случилось, мой милый? Что с тобой, мой мальчик?

— Мама, мама, где оно?

— Что?

— Как что? Окно на востоке! Куда оно исчезло? Куда вы его убрали... и зачем собственно?

— Бог с тобой, родной. Никогда оно не было на востоке. На чердаке всегда окно было на севере. Еще твой дед говорил, что специально его сделал, чтобы свет солнца не бил в глаза, не мешал читать. Он любил тут отдыхать от шумной жизни и специально сделал так, чтобы его ничто не отвлекало. Ты просто давно не был дома и забыл, а сейчас устал, не выспался, вот и нервы твои шалют. Успокойся, ступай, поспи еще.

Пол словно поплыл под ногами, в глазах помутилось. Игорь Владимирович увидел окно на другой стене и застонал. Он бросился вниз, стал судорожно рыться в альбомах с фотографиями. Они смотрели на него тусклыми глазами и с полинявшим укором. Все эти предки с выцветшими лицами ухмылялись, глумились над ним. Отец в соседней комнате бормотал, проклиная свои навязчивые галлюцинации, мешавшие спать. Руки тряслись, выхватывая черно-белые кадры далекого детства. Игорь Владимирович вырвал из стопки свое смеющееся лицо на чердаке и обомлел. Окно действительно было на севере. Мужчина опустил на пол, теряя остаток надежд. Как, как принять этот серый, безнадежный и странно изменившийся мир? Мир, где ноют суставы. Мир, где отец бродит среди призраков своего воображения и разъедается болезнью, а мать похожа на старую, потерянную собаку? А главное... как принять тот факт, что нет того счастливого окна на востоке, куда врывалось солнце и весенний ветер? Окна, где смеялась Полина и грызла зеленое, круглое яблоко... Нет, нет, это не он сейчас сидит на полу, просто он перешел в другую, пошлую, мерзкую, скучную реальность. Реальность, где нет предвосхищения счастья, смеха, открытий. Реальность унылую и безрадостную. Игорь Владимирович тщетно искал доказательств этого колдовства, дурмана, морока. Мать наблюдала за ним, и слезы стекали по ее дряблым, обрюзгшим щекам. Сын смотрел на нее безумными, широко округлившимися глазами, словно не узнавая. Внезапно он дико захохотал, вскинулся и, подняв вверх указательный палец, гордо провозгласил:

— Врете вы все, все, быть этого не может. Что там, за твоим фальшивым северным окном? Ничего настоящего. Пустая улица и соседний дом. А где же старая яблоня? А?!

Он распахнул дверь, жадно вдохнул в себя осенний воздух и кинулся прочь из постылого дома. Дома, в котором его так коварно пытались обмануть. Он вырвался в ту самую давно забытую, спрятанную радость, которую у него украли. Но украли не так, как Полина украла яблоко. Та делала это наивно, не сознавая своего греха. Она понимала, что весь мир общий, целый, щедрый. Она смеялась, а не извинялась и не смотрела испуганно. А именно так смотрела его мать, эта странная, нелепая, чужая старуха. Она протягивала к нему руки и умоляла:

— Игорюшенька, куда же ты? Вернись! На улице так холодно, уже срывается снег. Хотя бы куртку накинь, прошу тебя! Ну что же ты делаешь?

Но он не слушал ее, бежал, сбивая ноги о землю, которая обледенела под дыханием приближающейся зимы. Он убегал от этой страшной колдуньи, пытающейся сбить его с истинного пути. Пути к давно забытому счастью. Он всего лишь обогнул дом, но казалось, что прошли целые годы испытаний и мук. И он нашел свою яблоню. Ту самую яблоню, которую когда-то видел в окне. Она была такой же старой и узловатой, словно испещренной морщинами времени. Крики матери заглушал ветер, ее уже совсем не было. Игорь Владимирович упал на колени, раскинулся руками на черной, промерзлой земле. Было так холодно, что даже трещали ветви деревьев. Но он совсем не чувствовал немилосердную, безжалостную злобу ноября. Обняв землю, отдаваясь воспоминаниям, Бортков зарыдал от умиления. Потом он медленно поднялся, устремил руки к небу и долго смотрел на отвесно падающий снег. Тот медленно опускался на его красное, разгоряченное лицо и медленно таял, растворяясь в вечности.

И вдруг случилось странное. Серое небо прорезал ослепительный луч солнца. Небо треснуло, улыбнулось, и в эту прореху хлынул ослепительный белый дождь, который, как ни странно, совсем не таял, отвергая мороз, презирая привычные законы жизни. Игорь Владимирович подставил ладони под это нежное, атласное, осыпающееся чудо. В какой-то момент он сжал кулак, но совсем не почувствовал холода. Протянув кулак к самому лицу, Бортков раскрыл его и радостно улыбнулся. На ладони лежали лепестки яблони. Он вернулся домой.

Загадка

— Метет-то как, метет! Ни черта не видать! Все бесы сегодня танцуют! Давненько такой зимы не было. Настоящий сочельник, а? Как в детстве золотом! В последнее время не зима, а один выперд в лужу, холостой выстрел. Ах, что за ужас, что за страсть! Балдеж!

Полная проводница прямо лоснилась благодушием. Щеки ее пылали пунцовым румянцем, рот так и трещал громкими словами и сытой радостью. Катя Морошкина молча сходила с поезда, теснясь в сторону от горячего напора проводницы. Так болела голова после долгого пути, а тут еще эта неугомонная женщина, все напирала, дышала прямо в лицо, суежилась.

Катя была худенькая, маленькая, словно сотканная из паутины и тумана девушка с огромными, немного испуганными глазами. Она ехала из города навестить тетю, жившую в деревне. Перед Рождеством так хочется обрести настоящее тепло в семейном кругу, сродниться с чем-то светлым, давно забытым. Родители Кати жили в другой стране, а сама девушка училась в медицинском училище, жила в общежитии. Ей так не хотелось оставаться одной в этом затхлом, обшарпанном здании с покосившимися дверями, сквозняками, свистящими в коридоре. В здании, откуда все уехали на праздники. Все уехали, а она осталась в полном одиночестве, неприкаянная, жалкая. Звонок тети совсем не отвечал ее надеждам на счастье, но все же на безрыбье, как известно, и рак рыба. Она не колебалась, со вздохом приняла приглашение и отправилась в путь.

Поезд прибыл почти ночью с большим опозданием из-за непогоды. Весь перрон засыпало снегом, словно сама станция была отрезана от внешнего мира и давно умерла без покаяния. Проводница со скрежетом отодвинула подножку вагона и, неуклюже переваливаясь на ступенях и хохоча, прыгнула прямо в снег. Странно было видеть эту женщину, смеющуюся, бодрую, жизнерадостную в краю тьмы и безжалостного снега, бьющего прямо в лицо. Хищно улыбаясь, она ослабилась и заявила Кате:

— И куда, ты, дуреха, собралась? Посиди до утра на вокзале, попроси, чтобы пустили на ночь в будку сторожа. Поезд, спешу тебя обрадовать, опоздал, а последний автобус уже ушел. От переезда до деревни еще километра три будет. Собьешься с пути. Найдут утром твой хладный труп, обглоданный волками. Хотя на тебя, такую тощую, даже волки не польстятся, зубы ломают. Ха-ха-ха.

Красные щеки затряслись, глаза хитро запрыгали. И на миг ошеломленной Кате показалось, что в них сверкнули странные, зеленые искры. Ей стало немного не по себе, сердце сжалось и затрепетало. Грубость этой неприятной женщины, ее необоснованная насмешка и неприязнь превращали снег вокруг в настоящий буран, бьющий по нервам, надеждам, вискам, стянутым тупой болью. В вагоне был так душно! Голова раскалывалась, тело ослабло, немного тошнило. Черные кудри проводницы, выбившиеся из-под шапки, словно стали змеиться за пеленой снега, шипеть. Или это шипел поезд? Кто знает... Было так холодно и одиноко в этом пугающем месте, где даже не было следов на перроне. Катя словно оказалась одна-одинешенька во всем мире. Она вдруг осознала, что сделала большую глупость и страшно испугалась. Но не могла же она в поезде остаться? Надо выходить! Может, и правда на переезде в будке будет кто-нибудь, и она попросится туда на ночь. Как обидно! И все это произошло прямо накануне Рождества! Что за злой рок, суровая насмешка судьбы! Слезы покатались из глаз, и Катя, не мигая, смотрела на зловещую проводницу, словно окоченев под порывами ветра.

— Не слушайте эту старую ведьму, милая девушка. Я хорошо знаю дорогу до деревни и провожу Вас. Доберетесь в целости и сохранности. Часа еще не пройдет, а дома будете. Не волнуйтесь.

Тихий, спокойный голос возник из ниоткуда. Парень стоял по колено в сугробе и словно слился с белым дыханием метели. Он был еще совсем молодой, лет двадцати, не больше. Ясные,

добрые глаза, тонкие губы, ласковая улыбка. Лицо было какое-то незапоминающееся, обычное, ничем не примечательное. Увидишь такое — и сразу забудешь, выветрится из памяти. Странно и необычно было в нем лишь то, что одет парень был абсолютно не по моде, да и совсем без головного убора, а волосы у него были абсолютно седые, почти белые. Катя с подозрением глянула на чужака и заколебалась. Но какая-то таинственная гармония словно лучилась из глаз незнакомца, вселяла доверие и уверенность. Во всяком случае, он точно был приятнее дерзкой проводницы. Выбора не было. Катя решилась и обреченно пошла рядом с этим незнакомым попутчиком. Он ступал так же тихо, как и говорил, подстраиваясь под темп девушки, очевидно стараясь, чтобы ей было удобно.

Первые десять минут они брели молча. Словно привыкали друг к другу, робели. Катя, осознав, что парень пытается идти с ней в ногу, прибавила шаг, мечтая поскорее добраться до дома тети. Вся дорога до деревни была усеяна широкими холмами, а справа виднелась проезжая часть, которая уже почему-то была очищена тракторами. Очищена не слишком широко, но этой полосы вполне хватало для того, чтобы без проблем поместиться двоим пешеходам. Катя очень удивилась тому, что этот своеобразный «тротуар» среди сугробов был такой прямой, удобный, а самое главное, светлый. И это при том, что сквозь дикую пляску метели не проглядывала ни одна звезда. Луна тоже спряталась за вакханалией белой смерти. Это было глухое поле, без фонарей, без столбов, без участия рук человеческих, и все же на душе было спокойно, а в воздухе подозрительно светло. Потом и выюга как-то странно стихла, а голова перестала болеть. Было так приятно быстро ступать по этому белому, ровному пути, не утопая в снегу, не испытывая ни холода, ни жары, ни боли, ни усталости. Это было похоже на чудо среди ночи. Да и до деревни оставалось совсем ничего. Катя словно возродилась и вдруг остановилась, с удивлением оглянулась на попутчика.

— Простите, я забыла спросить. Вас как зовут?

Парень снова улыбнулся. И улыбка эта, нежная, робкая, словно еще больше осветила дорогу. Легкая волна прокатилась от улыбки к пушистой поверхности снега, а вокруг замерцали звезды. Звезды, искрящиеся в сугробах. Небо перевернулось и утонуло в поле, кувыркаясь в озорном блаженстве, сливаясь с горизонтом. Оно подмигивало, ласкалось, вселяло счастье.

— Я — Андрей. Андрей Морозов.

Катя вдруг покраснела и сказала, задыхаясь от восторга и красоты жизни вокруг:

— Вы меня извините, Андрей, что я так грубо вмешиваюсь в Ваши мысли. Я Вас совсем не знаю, первый раз вижу. Да, все это да! Но право, оглянитесь вокруг. Что за дивная ночь! Какой свет, какое сияние! Так бы и обняла весь этот воздух, весь этот снег, ведь лучше и быть не может! В такую ночь так хочется верить в волшебство. Совсем как в детстве, затаив дыхание и чувствуя мир прозрачно, радостно, чисто. Не поверите, я даже не смею дышать от восторга. Вы знаете, мне ведь совсем не свойственна подобная откровенность, но с Вами, я чувствую, я могу раскрыться до конца, быть самой собой, довериться. Вот скажите, Андрей, откуда эта такая непостижимая загадка сегодня вокруг? Еще там, на станции я думала, что теряю под собой почву, и вдруг такое неожиданное счастье. Я словно птица, вырвавшаяся из клетки!

Андрей слушал ее, улыбался и долго молчал, не мешая, словно любясь сияющей силой молодости и свежей жизни. Искры призрачно вспыхивали в снегу, отражаясь в его глазах. Потом парень ответил:

— Милая Катя, вся наша жизнь — сложная головоломка, хаос загадка. Вы что же... совсем не верили до сих пор в загадки?

Катя на миг сконфузилась. Потом жарко произнесла:

— Ну, как Вам сказать, Андрей. Раньше, в другой жизни, конечно, верила. Когда была еще совсем ребенком. Я помню, как я сидела на диване возле бабушки, а та рассказывала мне историю, как колесо, катившееся ночью по дороге, внезапно превратилось в черную кошку. И

когда бабушка обратилась к ней «кися-кися», то коварное создание захохотало сатанинским смехом и громко провозгласило: «Эге, кися-кися, я не кися, а ведьма!» Ах, какие глупости, но я же верила, пугалась, представляла эту колдунью и долго могла заснуть. Под ложечкой у меня ныло, и в каждом углу мне мерещились черные демоны, ползущие твари, сущности с длинными когтями. Но детство промелькнуло, растаяло, я стала скептической и верю теперь только в то, что стипендии не хватает, чтобы снять квартиру или взять билет, чтобы приехать к родителям на Рождество в другую страну. Ах, да, верю еще в победу капитализма во всем мире. А во все загадочное не верю. Ни в Деда Мороза, ни в зубную фею, ни в то, что на Марсе есть жизнь, ни в инопланетян. Да и какая загадка на нашей планете может быть? Все так предсказуемо, вяло, пошло, банально.

— Пойдите-пойдите. А как же сегодняшняя ночь? Вы забыли?

— Да, да, Вы правы, именно поэтому я так поразились нашему странному пути. Это такая редкость, такое счастливое исключение из общего правила глобальной безнадежности нашей планеты.

Андрей вдруг отвернулся и пробормотал:

— А хотите, расскажу Вам про настоящую загадку, случившуюся в этом месте много лет назад?

— Да, да, конечно, буду рада.

— Что же... сами напросились. Потом не жалуйтесь.

Он криво ухмыльнулся, и искры вдруг погасли в его глазах. Они стали черными, глубокими, тусклыми, темнее ночного неба. И в это самое время холодный, цепенящий ветер вошел прямо в сердце. Голос Андрея тоже странно изменился, стал глухим и надтреснутым.

— Вот одна действительно ужасная и необъяснимая история. Хотели настоящую загадку — извольте получить. Один следак в отставке мне ее рассказал много лет назад. Было это давным-давно, еще в годах семидесятых. Отец с сыном-подростком отправились на дачу. Жену оставили дома. Работала она в тот день, но обещала подъехать на следующее утро. И вот приезжает женщина самым первым поездом, стремительно шагает к деревне, к своим родным. И вроде все хорошо, радостно. Солнышко светит, на травке блестит роса, птички поют. Весна во всей ее ранней прелести! Но чем ближе она подходит к дому, тем тяжелее у нее становится на сердце, тем страшнее предчувствия.словно сердце материнское, женское вобрало в себя все тучи с неба, а небо от этого не стало радостнее, а чувствует себя голым. Подходит женщина эта к дому, а в раскрытом окне почему-то ярко горит свет, хотя был солнечный день. И деревянная ставня как-то скрипит жалобно, словно плачет. На стук никто не отзывался, и женщина открыла дверь своим ключом. И что, Вы думаете, она увидела в этом доме? А? А ровным счетом ничего хорошего. Муж и сын сидели за столом, и рядом стояли чашки с холодным чаем. Они не обернулись, когда женщина вошла, совсем не отреагировали на ее приход. Стояла такая же тишина, как сейчас, даже птицы забыли, что надо петь. Муж и сын были мертвы, а на их бледно-желтых лицах застыл неопиcуемый ужас. Ужас, граничащий с безумием. Приехавшие опера не нашли ни в доме, ни вокруг него следов посторонних. Экспертиза не обнаружила в крови погибших ни следов яда, ни следов наркотиков. Сама же смерть была вызвана сильнейшим испугом. Дело так и не раскрыли, даже не было никаких версий, самых ничтожных. Вот скажите же мне, объясните... что или кто так напугало мужчину и мальчика до смерти?! Молчите? Не догадываетесь? А знаете, что самое странное? Волосы на их головах были белее снега. Снега посреди лета. Но Вы же уже знаете, что от снега тоже бывает светло? Верно? Что же, прощайте, милая, вот и ваша деревня. Здесь я Вас покину.

Незнакомец резко развернулся и быстро исчез за поворотом. Тишина повисла в морозном воздухе, звенящая, жуткая. Катя очнулась, плотно запахла шарф и кинулась опреть к дому тети. Открылась дверь, и из дома хлынул теплый запах выпечки и рождественского уюта. Раздались счастливые вскрики, визги, веселый смех. Катю обнимали, целовали в щеки, глаза,

губы все ее многочисленные племянники. Уже позже, когда она сидела за столом, тетя все всплескивала руками, качала головой и удивлялась:

— Это же надо! Мы тебя сегодня уже и не ждали. Хотели с утра идти на станцию — тебя забирать у Петровича. Снегу намело-не пройти ночью. В такую погоду хозяин собаку не выгонит. А у нас тракторист Васька, паразит такой, как назло, запил перед праздником, дорогу не почистил. Да и автобус сломался в придачу ко всем бедам. Как ты только до нас добралась? Чудо какое-то. И даже не устала скакать по этим сугробам! Ну, мать, ты даешь. Пахать на тебе можно!

Катя сбивчиво и растерянно поведала про своего случайного спасителя, про его мистический рассказ, про то, как ей было вначале радостно, а потом невыносимо страшно.

Тетя долго смотрела на нее испуганными глазами, а после прошептала:

— Как ты говоришь его звали? Андрей? Андрей Морозов? Странно, совсем не знаю такого, никогда не слышала. А ведь почти всю жизнь в этой дыре живу. ЗАГАДКА...

Дыхание Посейдона

Когда Валечке исполнилось около четырех лет, ей приснился странный сон. Сейчас это была уже давно не Валечка, а Валентина Ивановна Бекасова, степенная учительница русского языка и литературы, но память хранила то давнее сновидение так выпукло, ярко и достоверно, что до сих пор при воспоминании о нем сердце сжималось, а руки слегка холодели. Вот и сейчас она сидела перед своим давним обожателем Дмитрием Смирницким и вспоминала события того сна:

— Понимаешь, Дима, я уже женщина в зрелом, так сказать, пикантном возрасте, познала многое, и удивить меня, пожалуй, словно Эверест покорить. Однако тот страшный сон помню как сейчас. И вообще, сказать по правде, это вообще первое воспоминание в моей земной жизни. Словно до этого сна не было ничего действительно важного. Так, бытовая чепуха, не более того.

Дмитрий Сергеевич сидел напротив и смотрел на предмет своего восторга с любопытством и нежностью. Был он довольно плох собой, близорук, носил очки, а его шуплое, скованное тело в тесном костюме словно застыло от напряжения. Собственные руки мешали, скатерть казалась слишком белоснежной. Он постоянно боялся выпачкать ее или показаться свиньей, ведь пальцы так предательски тряслись при виде любимой женщины! Свет в кафе падал прямо в глаза, было нестерпимо душно, дурно пахло дешевыми сигаретами и пивом. Однако роптать мужчина не смел, потому что его обожаемая Валя (так называл он героиню нашего рассказа тайно и в мечтах), впервые в жизни согласилась пойти с ним в публичное заведение. Чувствуя себя полной размазней, Смирницкий все же не сдавался и терпел, кряхтя и вытирая лоб носовым платочком. Общественное положение Дмитрия Сергеевича совсем не отвечало его собственной нерешительности. Он был такой же фигурой в школе, как и его обожаемая Валентина. Да, он всегда был учителем истории, но рядом со своей богиней чувствовал себя, в лучшем случае, уборщиком помещений. Его действительно мало уважали в школе и за глаза называли тряпкой. Ученики не слушались и срывали уроки, коллеги высмеивали и плевали в спину. Он все это видел, понимал, страдал без малейшего протеста и втайне плакал. Впрочем, все можно было снести, но беда никогда не приходит одна. Когда Дмитрию Сергеевичу стукнуло пятьдесят лет, в школу пришла ОНА. Он влюбился в новую учительницу безоговорочно, словно его ударили камнем по голове и спустили взашей по лестнице, не спрашивая, не выясняя его собственных желаний. Он скатился кубарем и ушибся на всю голову. Валентина Ивановна была полной, цветущей дамой зрелых лет, но что-то удивительно теплое, давно знакомое пробегало в ямочках ее полных щек, в сиянии голубых глаз. А волосы? Целая копна белокурых кудрей цвета спелой пшеницы. Увидев ее в первый раз в коридоре школы, учитель истории остолбенел, язык его прилип к горлу и он, прижимаясь к холодной стене, пролепетал:

— Честь имею! Надеюсь, наш концентрационный лагерь не испепелит Вас как сдобную булочку. Печи у нас раскалены до предела, знаете ли.

Валентина Ивановна быстро глянула на эту странную, съежившуюся фигуру у стены и в удивлении произнесла:

— Что Вы несете? А вроде взрослый, серьезный человек. Чертовщина какая-то!

Она прошагала мимо, а несчастный Дмитрий Сергеевич окончательно пропал. Он настолько испугался ее ответа и собственной неловкости при первой встрече, что после еще две недели чувствовал себя плохо. Учитель придумывал тысячи способов, чтобы загладить свою вину и растерянность перед новым лицом в школе. Он так долго истязал свой измученный разум ночами, так робел в присутствии при новых встречах, что даже не заметил, как его вечный, гложущий страх превратился в более пылкое чувство. А когда заметил, было уже поздно. Он втюрился, как сопливый школьник перед выпускными экзаменами.

С тех пор прошло целых пять лет. В волосах Валентины Ивановны постепенно линияло золото, и проявлялась седина. Она еще больше расплнела. Лицо поползло вниз, жакет не застегивался на груди и скрипел. И вот когда учительница уже давно махнула рукой на личную жизнь и приготовилась к пенсии, наш герой, наконец, решился. Дмитрий Сергеевич робко постучал в кабинет, где она проверяла тетради, и бледный, вспотевший от напряжения, закрыл глаза и пригласил ее на свидание.

Произошло это знаковое событие примерно следующим образом. Валентина Ивановна сидела за столом с видом прокурора и недовольно стучала ручкой по журналу. Она не могла взять в толк, почему ее отвлекают в неурочный час. Смирницкий сцепил кулачки и был похож на заискивающего суриката. Голос почему-то стал тонким и предательски дрожал, но учитель истории все же выдал из себя следующую тираду:

— Валентина, дорогая моя Ивановна, так сказать. После уроков я, признаюсь честно, страшно оголодал. Вы знаете, я давеча читал про Грецию. Простая такая книжонка, ерунда на постном масле, комариная плешь. Так вот... там, в этой книжонке, кхе-кхе, было черным по белому прописано, что в Греции есть в одиночестве — грех. В жаркой средиземноморской Греции, полной мужчин с горячей кровью, непозволительно дамам скучать с бокалом вина. В Греции даже представить себе невозможно, как человек может чувствовать себя нормально, сидя в одиночестве в кафе, даже если это длится всего пять или (не дай Бог) десять минут.

Валентина Ивановна заинтересованно посмотрела на него и сдвинула брови.

— Что Вам, собственно, угодно?

— Эмм, я, это самое... Позвольте пригласить Вас составить мне компанию в обеденное время в ближайшем кафе. Пустячок, так сказать, а все же приятнее вкушать яства земные в компании. Избавьте от лишнего греха на совести по греческим канонам.

Валентина внезапно выпрямилась, сощурила в глаза в узкие щелки, потянулась, как кошка, и вдруг махнула полной рукой.

— А, к чертям все! Надоела эта собачья, неблагодарная работа. Погода прекрасная, надо, правда, хоть воздухом подышать, взбодриться. К тому же Вы меня чрезвычайно заинтересовали Грецией. У меня к Вам есть очень много вопросов. Как к профессионалу, так сказать.

Так они оказались в этом душном, тесном кафе. После пары бокальчиков вина, полные щеки у Бекасовой покраснели, глаза подернулись влагой. Она сразу перешла на «ты», а ошеломленный кавалер сидел, не смея вздохнуть от счастья. Впрочем, это было и к лучшему, так как вокруг витал смрад загульной жизни. Той самой жизни, которая обошла его стороной. Валентина Ивановна продолжала:

— Так вот, Дима. То, что я из этого сна узнала, сразу приняла к сведению и никогда не забывала. А ведь была совсем несмышленной соплей. Ты, наверняка, знаешь, что есть философская теория Платона о тенях на стене пещеры, а я увидела во сне вариацию на эту тему. Разумеется, ни о каком Платоне и его философии я в свои юные годы понятия не имела. Древнегреческие поселения были от меня далеки, как апельсины от свиньи. Однако когда что-то впервые увидела по телевизору (о культуре древней Греции, античных мифах), то обратила внимание на крупные белые камни в окрестностях, и была уверена, что это остатки той самой цивилизации, что я видела во сне. Более того, в детстве меня очень привлекали кони, а именно в том регионе был крупный конезавод и ипподром. Мне виделся сюжет в далеком сне, как я скачу на коне. Скачу лучше всех, а все просто в восторге от моей удачи. Позже выяснила, что именно в этой местности жили амазонки — умелые женщины-наездницы. Я словно уловила их дух, вспомнила прошлую жизнь (вероятно, ребенок более открыт к восприятию тонкого плана). Мои способности к рисованию начались с того, что я восхитительно для всех окружающих рисовала коней. Именно коней, больше меня ничто не интересовало. Везде, где только можно: на бумаге, на запотевшем окне, палочкой на земле. Были игрушки-лошадки, дедушка сделал тележку из фанеры, а я запрягала моих вороных и ликовала. Как сейчас помню: одна

из поролона, другая из плюша, набитого ватой. Смешные такие, нелепые. Взрослые настолько были в восторге от моих художественных талантов, что я продолжила их развивать. Но все началось именно с той самой лошадиной страсти. И еще я бесконечно «фантазировала», что где-то очень далеко, в греческом городе, под ногами существуют целые засыпанные города. Была не по годам развитой, и все окружающие с интересом слушали мои рассказы, удивлялись или крутили пальцем у виска. Позже, когда я читала книги, то выяснила, что это вовсе не фантазии, и действительно под многометровыми слоями грунта находились помещения, галереи, подземные ходы, а иногда целые здания и кварталы — во всех старых городах во всем мире. Как я могла про это знать в дошкольном возрасте? Скажи мне, как это возможно? Может, я просто немного того, с прибабахом?

Дмитрий Сергеевич, увлеченный рассказом учительницы, забыл о своей робости. Глаза его загорелись, рот открылся. Он перестал быть жалким, забитым существом, боящимся попросить премию у руководства. Обдавая жаром своего познания Валентину Ивановну, он вдруг заговорил. Заговорил так ярко, убедительно, долго, как никогда не говорил в своей жизни затравленного зверька.

— Нет, нет, моя милая Валентина, ты абсолютно не права относительно себя. Ты вовсе не сумасшедшая, тебя просто однажды коснулось дыхание Посейдона. А к кому прикоснется этот грозный шторм, тот до конца всех времен будет нести в себе это дыхание, свежее, неумное, бурное. Твоя привычная, пошлая жизнь с ее пеленками, распашонками, сосками, куклами забылась сразу же, после этого сна, верно? А иначе и быть не могло! Искра памяти вонзилась в твой разум и ослепила. Ты вспомнила все, и в тот самый момент ты безвозвратно погибла, чтобы опять возродиться. Древние греки верили, что именно Посейдону они обязаны появлением одного из своих любимых, самых прекрасных и самых полезных животных — лошади. Согласно одной из легенд, Посейдон влюбился в Деметру, которая была одной из олимпийских богинь и приходилась ему сестрой. Деметра не сразу ответила на его ухаживания. Капризничала, как избалованная дама, попрекала близкими родственными связями, куражилась над бедолагой. Именно она попросила его потратить немного времени на создание самого прекрасного животного в мире. Мифы гласят, что Посейдону было нелегко создать идеальное животное, поэтому на пути к созданию лошади он сотворил множество других тварей, которые были далеко от совершенства. Он изо всех сил старался оправдать высокие ожидания Деметры. А она все отвергала его, смеялась. Но как только он создал лошадь, Деметра перестала его интересоваться. Насколько прекрасно, гордо и свободно было это животное, что посрамило бабью блажь, затмило собой.

Впрочем, я отвлекся. Вероятнее всего, Валентина, ты жила в прошлой жизни где-нибудь в одном из приморских городов, в которых каждые два года в честь Посейдона проводились Истмийские игры, по своему значению уступавшие лишь Олимпийским и Дельфийским. Великолепные храмы, посвященные Посейдону, были сооружены, в частности, в храме Истмии у Коринфа, в малоазийской Приене, на острове Порос, на мысе Сунион. Ах, так много прекрасных, недоступных, загадочных мест. Кто знает, где ютилось твое подсознание во сне, что оно вспоминало, о ком плакало?

Они настолько увлеклись беседой, растворились друг в друге, что шум вокруг словно затих и превратился в гул моря. Волны накатывали, смывали неприглядную изнанку жизни, шептали о вечности. Слеза медленно скатилась по щеке стареющей женщины. Ей было так близко, тепло рядом с этим почти незнакомым, смешным человеком. Он словно открыл в ней то, что она давно знала, но в чем боялась признаться окружающему миру и самой себе. Валентина Ивановна вздохнула и произнесла:

— Странно, но мне почему-то кажется, что я тебя тоже знаю очень давно, еще с незапамятных времен. С тех самых времен, когда птицы читали стихи, а звезды смеялись над смертными. Не смейся, что я говорю подобное. Смешны не мои мысли, а то место, куда мы попали

по ошибке, куда нас занесла судьба. То, что мы воспринимаем — на самом деле совсем не то, что нам кажется. Нам показывают спектакль, суррогат реальности, мираж в тумане. У меня лично это аналогия с театром, где роли играют плоские фигуры из картона. Довольно близко к образу Платона. А фигурами руководят некие существа жутковатого вида (мне они увиделись в том далеком сне в коричневых тонах). Только мы — настоящие, а все остальное — нет, верь мне. А смысл происходящего — как мы себя поведем в этом нелепом, разыгрывающемся спектакле жизни. Не важны эти одинаковые, повторяющиеся из года в год уроки, наглые ученики, глупое руководство школы. Важно нечто выше этого, скрытый воздух за дверью нашей души. Однажды дверь откроется и нас снова коснется давно знакомое дыхание. Дыхание Посейдона.

С тех пор их часто видели вместе. Все так же шептались за спинами и смеялись над вспыхнувшим чувством в солидном возрасте. Все так же крутили пальцем у виска, все так же упрекали за фантазии. А потом вдруг привыкли и забыли. Ведь человек склонен все забывать, верно?

Русалка

Вот уже ровно неделю Вадим Скворцов жил на море с друзьями. Август круглился сонной, застывшей прелестью. Море с кряхтением разминалось на берегу, солнце застыло в ленивой неподвижности на безупречном небе. Вадим много ел, много спал и почти все время улыбался. Он постоянно повторял друзьям:

— Что есть август? Месяц, когда цикады ругают подруг-стрекоз. А, мне такому хорошему, насыпьте в карман абрикос.

Хотелось почему-то петь, дурачиться, ходить колесом на руках. Друзья его совсем не узнавали. Вся серьезность городского Вадима слизалась барашками нерасторопных волн. Даже очки Скворцова запотели от счастья. Он предчувствовал нечто таинственное, прекрасное, что так часто чувствует человек в отпуске в незнакомой стране. Радовало все: отменная погода, ласковый ветерок, округлые прелести юных дам на побережье. Страшно хотелось любить и быть любимым, несмотря на зрелые годы. Скворцову мечталось, что в него вдруг влюбляется роковая красавица, нежно проводит рукой по щеке, говорит неприличные слова на ушко. Вышагивая по берегу, он гордо втягивал в себя округлившийся живот и напевал один ему знакомый мотив:

— Тру-ля-ля. Надо, надо больше спать, жрать, не пытаться ничего вернуть. Выходить на балкон в полотенце, потом его развернуть. Ловить беспечный воздух, романы крутить, а если сильно захочется — можно и заблудить.

Друзья хохотали и находили подобные экспромты забавными, рассеивающими пляжную скуку. Вадим довольно долго прошагал вдоль побережья, любовался на синеву моря и далекие горы, а после вернулся к своей компании и, кряхтя и отдуваясь, опустился на песок. Он откинулся на полотенце, подставил свое тело солнцу и, зажмурив глаза от неги, собрался предаться прелестям сладкой дремы. Мир уже странно поплыл, накренился, а сквозь розовое свечение закрытых век виделись далекие берега. Он плыл на корабле и видел прекрасных дев с белоснежными крыльями. Они сидели на скалах, словно сказочные птицы, и одна из них, притягательно улыбаясь, прошептала:

— Не спите так долго на солнце, иначе непременно обгорите. Переместитесь, пожалуйста, в тень.

Вадим вздрогнул, словно его ударили током, и открыл глаза. Перед ним стояла незнакомая девушка и загадочно улыбалась. Она повторила:

— Вы меня, наверное, не совсем поняли. Так долго лежать на солнце очень опасно для здоровья. Тем более, никогда не спите на закате. Поверьте моему опыту. Ничего хорошего это Вам не сулит.

Скворцов ошалело воззрился на незнакомку. Это была худенькая, почти прозрачная девушка — подросток с узкими, удлинненными конечностями и пышной копной огненно-рыжих волос. Копна была настолько огромной, что казалось, что она высосала всю силу из этого слабого тела. Девушка стояла, закрывая собой солнце, и волосы по самому краю словно горели неистовым, ослепительным светом. Казалось, что ее голову окружает сияющий нимб. Платье на незнакомке было длинное, белое, полупрозрачное, сотканное из льна. Тонкую шею опоясывала нитка крупного жемчуга. Вадим долго смотрел на странное создание, а после, запинаясь, выдал из себя вполне справедливый протест:

— Это еще почему мне нельзя спать на закате? Имею полное право, как почтенный член общества в законном отпуске. Позвольте прояснить свою рекомендацию. Я буду жаловаться администрации отеля!

Девушка улыбнулась и погрозила пальцем.

— Ай-ай-ай, еще и не слушаетесь. Так знайте, именно на заходе солнца свершается переход умерших в иной мир. Поэтому если лечь спать на закате, мертвые могут забрать с собой душу спящего. Как Вам такая перспектива?

Скворцов, наконец, пришел в себя и попробовал отшутиться:

— Перспектива, конечно, весьма сомнительная. Однако в страховом полисе об этом ничего не было сказано.

— Напрасно смеетесь. Полис — полисом, зато в Священном писании сказано, что на закате не только могут меркнуть краски жизни, но и сон может сократить жизнь. Вам сколько лет исполнилось, если не секрет?

— А какое, собственно, это имеет значение? Ну, предположим, сорок.

Друзья, сидящие рядом, заговорщически ухмыльнулись, сознавая, что, Вадим убавил себе, по крайней мере, лет пять. Они с удовольствием прислушивались к любопытному диалогу.

Девушка хитро прищурила глаза и встряхнула волосами.

— Что же, раз Вы так считаете, пусть будет сорок. И вот блуждаете Вы уже сорок лет по пустыне жизни, а я Вам открою знание, то есть Землю Обетованную. Во время ухода солнца всегда происходит борьба между днем и ночью, светом и тьмой, ангелами и нечистой силой. Тьма, как не прискорбно, всегда побеждает. Поэтому считается, что человек, который ложится спать в этот час, желает себе смерти и непроизвольно приближает ее.

Скворцов вытаращил глаза и отполз в тень, подальше от зловещей пророчицы. Сидя под зонтиком, он обхватил руками колени и недовольно пробурчал:

— Надо заметить, у Вас весьма оригинальный способ флирта. Если Вы хотели со мной познакомиться — не стоило напускать на себя столь таинственный туман. Мы не в средневековье живем. Да и я — человек простой, без выкрутасов. Лучше бы пива стакан принесли, да ласковое слово сказали. Теплое слово и кошке приятно. А то смерть, дыхание вечности, заморильная притча. Не люблю я такого. Пойду-ка я лучше искупаюсь, чего и Вам желаю. Вместо того чтобы пугать отдыхающих, лучше бы сами сняли эту длинную хламиду и в море освежились.

Рыжая незнакомка вдруг повернулась к морю, протянула к горизонту руки и тихо произнесла:

— Непременно. Вот только дождусь, когда тьма победит свет.

Вадим долго размышлял над ее последней фразой, плавая в море. Он настолько погрузился в свои собственные мысли, что даже не заметил, что очки едва держатся на краешке носа. Нырнув очередной раз, он их просто потерял, как будто чья-то дерзкая, озорная рука под водой ловко выхватила очки с переносицы. Внезапно пляж размылся и поблек, на сердце похолодело. Он не видел, куда возвращаться. Все ориентиры на пляже размылись наступающими сумерками и проклятой близорукостью. Сердце тревожно забилося. Постепенно Скворцова охватила настоящая паника.

— Вот же бес попутал. Дернул меня черт драпать от этой рыжей бестии. Ну и пусть бы плела свою дичь, мне от этого ни холодно — ни жарко. Мало ли бабьей дури в мире? Вот моя начальница тоже постоянно хватается за голову и клянет ретроградный Меркурий в своих бедах. Это еще не повод линять с работы при каждом ее кобылячем выверте. Куда же мне теперь плыть? Вправо, влево? Здесь этих отелей как собак нерезаных.

В висках застучало, а правую ногу от нервов стала сводить судорога. Скворцову стало по-настоящему страшно. Волны становились все более полные, тугие, прижимающие его к своей смертельной плоти. Кто-то в глубине мягко коснулся его живота. Это скользкое, мерзкое прикосновение забрало последнюю уверенность. На миг Вадиму показалось, что сил доплыть до берега ему попросту не хватит. Его охватила настоящая паника. Мужчина задыхался, бил по

воде руками, стонал. В момент, когда сил почти совсем не осталось, Скворцов вдруг словно нащупал давно забытый маяк внутри своего сердца и отчаянно взревел:

— Господи, прошу — помоги!

Внезапно волна с отвращением отхлынула от его полного тела, презрительно сморщилась. После она надулась, вспенилась и понесла мужчину прямо к пляжу, извергая из своей темной утробы. Добравшись до берега, Вадим растерянно оглянулся. Друзья увидели его, побежали, стали радостно хватать за руки.

— Все хорошо, Вадя? Мы уже забеспокоились. Хотя ты и хороший пловец, однако, не шути так больше, предупреждай впрямь.

— Да что хорошего? Очки безвозвратно потерял. Найди теперь у этих басурман достойную оптику. Буду кротом ползать до конца отпуска. Та еще радость.

— Не беспокойтесь, я сейчас принесу.

Знакомый голос прошелестел рядом, и огненное пятно пролетело к морю.

Немного позже (не прошло и пяти минут) на его носу вновь оказались очки, и белоснежная, почти прозрачная рука нежно коснулась щеки. Когда зрение вернулось, то рядом лукаво смеялись зеленые глаза. На самой глубине этих глаз сверкали золотые рыбки, или это просто отражались блики от заходящего солнца. Это была она: девушка в длинном белом платье. Щеки ее дрожали от смеха, волосы раздувались. Вся она, жизнерадостная, полная задора и необъяснимой прелести, словно светилась.

Вадим вдруг поразился, как он раньше не замечал, насколько незнакомка была прекрасна, как будто находилась за границами понимания всей земной реальности. Неземное существо, возбуждающее и прелестное! Он схватил ее за руку, которая оказалась холодной как лед. Так хотелось согреть это юное создание, приблизиться к ней, стать с ней единым целым! Скворцов горячо прошептал:

— О, благодарю Вас, моя спасительница! А знаете, что? Приходите сегодня после ужина на террасу: побеседуем, потанцуем, обсудим Ваши познания в области мистического. Нам же еще есть так много, что рассказать друг другу. Как Вы считаете? Вы же тоже из нашего отеля? Браслет же красный?

Девушка неопределенно качнула головой.

— Все может быть.

Он приблизил свою сгоревшую, полную руку к ее узкому запястью. Одинаковые браслеты отливали в сумерках кровавым укором. Незнакомка молча отняла ладонь, загадочно улыбнулась и ушла по направлению к морю. Белое платье вздувалось и трепетало вокруг ее тонкого стана. На небе в этот момент зажглась первая звезда.

После ужина Вадим Скворцов принял душ, прихорошился, побрызгал шею одеколоном и, весело насвистывая, отправился на террасу. Он ждал незнакомку весь вечер, почти до полуночи. Она так и не появилась. Постояльцы отеля с тех пор еще долго видели одинокого мужчину, печально вышагивающего по ступеням террасы в ночное время. Друзья его больше не интересовали, шуточные мелодии были забыты. Он умер для шумного мира и словно погрузился в мир ночной, глубокий, грустный и молчаливый. Душа Скворцова стала беспокойной, а сердце безрадостным. Несчастный влюбленный тянулся лишь к лилиям в парке и бледным звездам на ночном небе. Они непостижимым образом напоминали ему странную девушку на побережье. В это же самое время в одном из номеров отеля только что вселившаяся женщина укладывала своего ребенка в кровать и читала ему стихи перед сном:

Не тянись ты к лилиям рукою!

Не вдыхай волшебный влажный запах!

Околдуют, обовьют русалки

Тонкими зелеными сетями...

Черная дама

— Просто слушайте меня. Все очень просто. Надо взять зеркало, одну свечу, колоду карт, салфетку и красную помаду. Мы разложим карты в форме звезды, зажжем огонь и дружно скажем: «Черная дама, приходи», а потом будем ждать. Только не ржать и не разговаривать — она этого страшно не любит. Если отражение в зеркале начнет дрожать или за спиной кто-то из нас почувствует холод — значит, все получилось. В этот момент нужно быстро-быстро загадать желание. Только не зевать, иначе черная дама прикоснется к кому-то из нас и затащит в потусторонний мир. Ну что, провернем?

Подростки с испугом и интересом слушали бойкую девочку Аню. За окном выла метель, билась о деревянные ставни, и казалось, что кто-то живой, разгневанный и страшный скребется когтями в стекло. Санаторий, где отдыхали школьники, уже давно нуждался в капитальном ремонте. Старые стены с облупившейся краской, скрипящие кровати с прогибающимися сетками, матрасы с сомнительными пятнами, похожими на засохшую кровь. Само здание санатория находилось в темном еловом лесу, куда редко проникало солнце, и только снег добавлял призрачного свечения этому неприятному месту.

Накануне Рождества было скучно. Педагоги уединились в отдельной комнате и распивали вино за предстоящий праздник, спать же еще было рано. Вместо ощущения волшебства в души детей прокрадывался липкий страх. Самое ужасное творилось за окном. Словно издеваясь над испуганными одноклассниками, Луна внезапно разорвала метель и осветила собой каменный, покосившийся крест под старой елью. Откуда он здесь появился — никто точно не знал. Когда-то давным-давно какой-то воспаленный разум придумал миф о его возникновении. Миф стал пользоваться популярностью и оказался настолько живуч, что с течением времени превратился в историческую правду. Дети с ужасом передавали друг другу старую легенду о том, что много веков назад в этом месте жила прекрасная дама, состоятельная и знатная. Все в ней было приятно: и изящество манер, и бледное, удлинненное лицо, и влажная прелесть черных глаз. Владелица поместья владела в совершенстве семью языками, включая латынь и греческий. Кроме этого, она прекрасно рисовала, ублажала слух гостей игрой на фортепиано, пела как соловей, была превосходной наездницей и могла заткнуть за пояс любого мужчину в точных науках. В нее влюблялись все приезжие кавалеры. Бальная книжка была заполнена до отказа, так как все в округе и за ее пределами восхищались этим прелестным созданием. Один столичный поэт даже посвятил целую поэму ее маленькой ножке. Простим стихоплету эту маленькую слабость, мужчины ведь так любят увлекаться телесными совершенствами юных дев. Словом, даму любили и носили на руках, а предложения руки и сердца не заставляли себя долго ждать. Прелестница была настолько хороша собой и умна, что женихи даже забывали об ее огромном состоянии, а это говорит о многом в любую эпоху.

Время шло. Завидная невеста стала в восемнадцать лет женой известного графа, ближайшего соседа. И если вначале муж, как и столичный поэт, временно увлекся физическими прелестями жены, то вскоре ее поразительный, выдающийся ум стал действовать ему на нервы. Рядом с супругой он чувствовал себя пустым и праздным прожигателем жизни, а признать себя распущенным алкоголиком не позволяло дворянское воспитание. Спустя всего пять лет супруги откровенно не переваривали друг друга, и все беседы в узком семейном кругу сводились лишь к колкостям и сарказмам. Супружеское ложе тоже оставалось холодным достаточно длительное время. Более того, вскоре распутный муж серьезно увлекся смазливой горничной. Молодая графиня, к сожалению, была не только красивой и умной, но еще и безмерно гордой женщиной. Однажды она застала своего благоверного в объятиях прислуги. Униженная, посрамленная, абсолютно не владеющая собой, она ничего не сказала изменнику, однако тайно достала два ножа из-под корсажа и стала дожидаться ночи. Ровно в полночь графиня зашла в

комнату супруга. Он спал с блаженной улыбкой на лице, широко раскинув руки. На его груди покоилась головка любовницы. Униженная аристократка сверкнула глазами, подошла к кровати и ловко перерезала глотки своим мучителям. Затем она подошла к раскрытому окну, что-то беззвучно прошептала в черное, ночное небо, а позже отправилась спать. Утром служанка с красными от слез глазами сообщила ей о гибели супруга и его тайной возлюбленной. Графиня лениво отмахнулась от челяди, как от назойливой мухи, и спокойно приказала:

— Ступай вниз, не визжи прямо над головой, это вызывает мигрень. Пусть их закопают вместе под елью, прямо за моим окном. Они служили злу, осквернив священные узы брака и родовую честь. Я продолжу их черное дело. Это будет моей панихидой, скорбью и утешением. Зло ведь не так уродливо, как его пытаются представить лицемерные праведники. Там, где светит бездумное солнце, там и томится поруганная тень. И она тоже жаждет проявиться. Ах, да! Пусть мне еще подадут завтрак в столовую. Я скоро спущусь.

Дама продала душу дьяволу. Она творила черные мессы, поддерживала связи с самыми известными колдунами и алхимиками того времени. Белые, кисейные наряды сменились черными, строгими платьями и длинными плащами, на которых таинственно мерцали вышитые звезды. Когда родственники, изумленные такой резкой переменой, пытались образумить вдову, графиня таинственно улыбалась и всегда отвечала лишь одно:

— Не мешайте мне. Я просто ищу змея, кусающего себя за хвост.

Такая простота граничила с помешательством. Для средневековых обывателей алхимии и окружающая их обстановка мистики и секретов были чем-то завораживающим. Гравюры и картины в залах графини были заполнены мистическими символами. Значки планет и металлов на стенах ее кабинета соседствовали с человеческими черепами и костями. Словом, черная графиня или «Черная дама», как ее прозвали суеверные соседи-сплетники, внушала панический ужас всему местному населению. Страх этот не прекратился даже после ее смерти. Чтобы душа вдовы покинула тело, пришлось разбирать крышу поместья, а после, со слов прислуги, из груди бывшей хозяйки вырвалась огромная черная ворона. Она долго кружила в темном небе, издавая хриплые звуки, а затем растворилась в жидком, чернильном облаке.

Правда это была или нет — никто уже давно не знал. Прошрое стучало в темные окна, свистело и надрывно смеялось. Детские сердца отдыхающих сжимались от страха, когда им рассказывали про черную даму. Вот и сейчас школьники смотрели на Аню, прислушивались к вою ветра за окном и просто обмирали от ужаса. Они не смели признаться, что идея вызова духа им не вполне по вкусу. Бойкая заводила преступления взглянула в испуганные лица, а потом разочарованно произнесла:

— Что, неужели засцали? Ну, капец! Подумаешь, тетка какая-то средневековая. Если и правда появится, то толпой-то мы с ней точно справимся, даже если начнет тянуть за ноги в зеркало. Пусть трусы считают, что люди, потревожившие даму, становятся для нее врагами, и она им может даже навредить. Но если соблюдать ритуал правильно, под моим чутким руководством, действовать быстро, то ничего плохого не случится.

Они решились. Когда часы пробили полночь, Аня приблизилась к зеркалу в ванной, на котором школьники заранее нарисовали помадой тринадцать ступеней и дверь сверху. Такая смелая и решительная в самом начале мероприятия, теперь девушка почему-то отчаянно боялась, словно кто-то прикоснулся ледяной рукой к ее сердцу. Свеча трепетала и трещала, в плечи напирали испуганные одноклассники. Смешки пропали, а вой метели за окном становился все более явственным и зловещим. Казалось, кого-то избивали камнями, и он пронзительно кричал: «Не смейте, молю вас, не смейте». Внезапно все стихло и оборвалось. Наступила полная, почти загробная тишина. Аня набралась сил и тихо прошептала:

— Черная дама, явись.

Глаза детей пристально вглядывались в вершину алых ступеней на поверхности зеркала. От ожидания, усталости, нервного напряжения, Ане вдруг померещилось, что зеркало дей-

ствительно задрожало и словно поплыло. Оно стало почти черным. Свеча замигала, раздался приглушенный треск, в нарисованной двери появилась звезда, которая стремительно приближалась. Глаза Ани наполнились слезами, сердце болезненно сжалось. Девушка впала в транс от ужаса и невозможности что-либо изменить. Было уже слишком поздно. Они вторглись туда, откуда уже не было выхода.

— Что же мы наделали! — закричала она, — и свеча погасла. Аня забилась в конвульсиях, упала на холодный пол и потеряла сознание.

Очнувшись школьница на кровати рано утром. Яркое солнце жадно лизало морозные окна. Рядом стояли озадаченные учителя и полная медсестра, глядящая девушку по руке. Она качала головой и ласково приговаривала:

— Ничего, ничего, отдыхай, милая. Это все нервы, пройдет. С Рождеством тебя, моя девочка.

Хотелось спать, а в ушах странно звенело. Аня с трудом оторвала руки от одеяла и поднесла их к лицу. Холодный ужас сковал сердце — они все были в синяках, которые почему-то совсем не болели. Сон как рукой сняло. Девушка выскочила из кровати, словно что-то скользкое, причиняющее страдание пряталось под одеялом. Ане хотелось отмыться, сбросить с себя кожу. Та казалась ей чужой, непривычно холодной. Ноги и все тело, как выяснилось, тоже были покрыты странными пятнами. И только на груди ничего не было, и только нательный крест мягко светился в лучах утреннего солнца.

Дверь неожиданно приоткрылась. В проеме появились любопытные глаза, растрепанные головы. Увидев, что учителей в комнате нет, подростки гурьбой ворвались внутрь, окружили Аню плотным кольцом.

— Ты как? Жива? Ну и напугала ты нас вчера, чуть не обосрались от ужаса!

Аня, запинаясь и краснея, кидалась к каждому из них, жадно спрашивала:

— Скажите мне, вы закончили ритуал? Вы все сделали правильно? Именно так, как я вам сказала?

Одноклассники легкомысленно рассмеялись:

— Кто о чем, а вшивый о бане. Ну конечно, мы же не совсем идиоты. Хотя и наделали в штаны, но задание выполнили четко. Все завершили по правилам: вымыли и занавесили зеркало, поблагодарили умершую и попрощались с духом. После твоего припадка шутить как-то не особо хотелось. Взрослых позвали под утро, так как ты долго не приходила в себя, металась по кровати, билась руками о спинку кровати и стену, как будто боролась с невидимыми чудовищами. К тому же ты все время редела и молила о пощаде. Лишь под утро совсем затихла, сжимая свой крестик в ладони.

Аня молчала, глядя не мигающими, полными боли глазами на одноклассников. Затем она прикоснулась пальцами к кресту на груди, взяла его и молча поцеловала. С тех пор ее никогда уже не видели с гадальными картами, гороскопами или магическими инструментами. Там, где люди забавлялись, Аня всегда начинала отстраняться и шептать:

— Бездумность в поиске развлечений неизбежно ведет к тому, что развлечения начинают забавляться нами. Не прыгайте в черную бездну, не заигрывайте с неизвестным. Каждый шаг к непознанному — новая тайна, болото с призрачными химерами. Один неосторожный шаг — и ты пропал. Они засосали тебя, уничтожили, сделали своим рабом. Любопытные думают, что обретают наслаждение, а сами продают себя ему в рабство. Так умирает свобода.

Обратный отсчет

Любовь Семеновну Пышкину любили все. Любили коллеги, с добродушным умилением глядя на эту стареющую, неповоротливую, полную женщину. Любили подруги, невольно сравнивающие свое приятное отражение в зеркале с массивной тушей рядом. Любил ее даже такой же стареющий муж, который довольно часто щекотал свою благоверную под подбородком и снисходительно вещал:

— Ну и раскоровела ты, Любаша! Если попадем в блокаду — будет, чем поживиться. Этот тройную складочку жирка пустим на супчик!

Едва ли такие шутки вызывали в душе нашей героини бурю восторга. Если кто-то и не любил Любовь Семеновну в последнее время, то это была она сама. Вот и сейчас, глядя с презрением на свое собственное отражение в зеркале, она страдальчески сдвинула брови и пожала плечами. Движение это не привело ни к чему хорошему. Словно издеваясь над женщиной, блузка вдруг треснула, и перламутровая пуговица отскочила в сторону. Пышкина крикнула, растерянно развела руками и вдруг заплакала, жалея себя, ускользнувшие годы, безвозвратно утраченную фигуру. Она категорически не узнавала эту дородную даму в зеркале. Это была чужая, незнакомая женщина с обвисшими щеками и телом, напоминающим холодец. Ей ведь едва исполнилось пятьдесят лет, а она уже забыла, что такое внимание мужчин и ходьба без одышки. Любая лестница на пути превращалась в путь на эшафот, а одежда жила в шкафу не более года. Размеры росли, а гардероб требовал обновления. Кофточки не сходились в груди, юбки тресали. И сейчас эта проклятая пуговица не выдержала натиска и отлетела! Где же она? Любовь Семеновна долго ползала на полу, отдуваясь и проклиная неповоротливость собственного тела. Все тщетно! Перламутровая негодяйка исчезла, словно растворилась в пространстве спальни. Пышкина села на пол и снова заплакала.

— Ну, вот, нет мне покоя. Единственная кофта... и та подвела. Надо прекращать жрать и заняться спортом. Пусть все твердят, что если женщина ухожена, весела, общительна и обаятельна, то вес значения не имеет. И ни одна сволочь не скажет о том, что многие толстые люди давно махнули на себя рукой и не следят за собой. Одно сплошное лицемерие! Кому нравятся эти женщины-глыбы с размалеванным лицом, как у советской продавщицы рыбного отдела, громогласные и вульгарные? Для меня в человеке все должно быть прекрасно: и душа, и мысли, и тело. Поэтому к людям, не уделяющим внимания своему телу, есть большие вопросы. Почему они не занимаются спортом, у них отсутствует культура еды, почему они ленивы, слабохарактерны, страдают всевозможными личностными комплексами, болезнями обмена веществ, толстокожи, бесцеремонны и неуклюжи? Эх, буду себя утешать хоть тем, что я — настоящий профессионал в бухгалтерии. Мать-природа, все-таки, штука капризная — одних наделяет незаурядным умом, но посредственной внешностью. Других же — наоборот. И последнее, как мне кажется, гораздо хуже.

Однако размышления-размышлениями, а с кофтой следовало что-то решать. Любовь Семеновна вздохнула и отправилась в ближайший галантерейный магазин. Он, как ни странно, оказался совсем неподалеку от дома, прямо на соседней улице. Раньше Пышкина его словно не замечала. Это было встроенное помещение на первом этаже жилого дома. Старая, покосившаяся вывеска, обшарпанные голубые стены. Все здесь дышало пыльным запустением и редкими посетителями. Прямо перед входом стояло огромное напольное зеркало, почему-то треснувшее внизу. Скрипнув дверью, Любовь Семеновна оказалась в сумрачном помещении с кафельным полом в виде шахматной доски. В зале было пусто, от каждого шага к потолку взлетало глухое эхо. Повсюду находились стеллажи с невероятно разнообразным ассортиментом пуговиц, игл, крючков, ниток, лент и бахромы. Синие стены с зеркалами в старинных оправах пылливо уставились на посетительницу. Странное это было место, довольно гнетущее и неприят-

ное. К тому же под столешницей прилавка виднелась густая паутина, что явственно говорило о том, что место запущенное и гиблое. Все звуки остались за дверью, а в самом помещении установилась тишина, мертвая и беспощадная. Внезапно, вопреки всем законам логики, в воздухе раздался сильный запах, незнакомый и зовущий. Этот внезапный запах словно перенес Пышкину в прошлое. Тогда, в далеком детстве, она всегда очень отчетливо слышала странный и очень яркий запах в чужих домах. Запах всегда был разный, совершенно неповторимый. Его сложно было назвать приятным или нет. Странный какой-то, ни на что не похожий. Маленькая Люба всегда спрашивала у родителей, слышат ли они эти запахи. Они, вероятно, не слышали и отшучивались, что так пахнет дух дома. Шло время, и случилось странное. Во взрослой жизни Любовь Семеновна уже не слышала эти запахи. Нет-нет, она совсем не утратила обоняния. Женщина прекрасно чувствовала запах приготовленной еды, сигарет, домашнего освежителя воздуха, цветов, животных. Чувствовала что угодно, но тот самый «дух дома» навсегда исчез, она его больше не воспринимала. И вот он снова проявился в этом странном, опасном месте. Холодок пополз по спине. Женщина непроизвольно попятилась назад, но вдруг в ноздрях страшно защекотало, и она громко чихнула, стирая все пути к отступлению.

Словно по мановению волшебной палочки перед ней возникла продавщица. Это была молодая, смуглая девушка с глазами цвета ночи. На ней было очень яркое платье изумрудного цвета, шелковое, шелестящее в воздухе. По острым плечам змеились густые, волнистые волосы цвета вороного крыла, а сама голова в пестром тюрбане равномерно покачивалась. Темные окна глаз впились прямо в сердце посетительницы.

— Что Вам угодно? Я могу Вам помочь?

Любовь Семеновна почему-то страшно смутилась и, глотая слова, пролепетала:

— Понимаете, блузка подвела. Не могу найти подходящую пуговицу.

Девушка прищурила глаза, вытащила из-под прилавка толстый каталог с перламутровыми пуговицами и протянула его ошарашенной покупательнице. У Пышкиной зарябило в глазах от разнообразия текстур, размеров и материалов. Она провела трясущейся рукой по кожаным пуговицам и восторженно произнесла:

— Ах, как же сияют! Благородно, матово, деликатно. Словно заря купается на рассвете в теплом море. А как натянута кожа! Как щеки у молодой девушки, едва вступившей в жизнь. Та же розовая прелесть, то же непорочное ожидание. Как же жаль, что уже не вернуть назад свое собственное лицо к этой юной, цветущей прелести! Время ведь так беспощадно! В этом году мне уже стукнуло ни много ни мало — пятьдесят лет. Я пересекла роковой рубеж, и мой сад опадает, готовится к зиме жизни.

Внезапно ее пылкую речь прервал голос продавщицы:

— Не преувеличивайте. Почему же не вернуть? Есть весьма простой и действенный способ.

— Вы шутите!?

— Ничуть. Вы никогда не слышали о методе обратного отсчета? Он помог весьма и весьма многим.

— Нет, не доводилось. Что же это за метод? Поделитесь, пожалуйста.

— Вы действительно уверены, что хотите знать?

Смуглая девушка таинственно всматривалась в ошеломленную покупательницу. Любовь Семеновна покраснела. Ей было совестно признаться, что так хочется снова быть молодой, изящной, гибкой. Соблазнять мужчин, кружить им головы, вызывать зависть подруг, наслаждаться вниманием и восхищением вокруг собственной персоны. Однако она решила и, твердо кивнув, чересчур уверенно произнесла:

— Конечно! Кто бы этого не хотел? Я готова душу продать за такую возможность!

Продавщица хищно улыбнулась, развернулась в профиль (в этот момент она почему-то стала похожа на дикую птицу) и тихо произнесла:

— Нет ничего проще. Сегодня вечером, когда перед сном будете лежать в кровати, сделайте три глубоких вдоха, а затем начните обратный отсчет. Произносите вслух следующие слова: «Мне пятьдесят лет, мне сорок девять лет, мне сорок восемь лет», и так далее, пока не дойдете до возраста, в котором чувствовали себя наиболее прекрасной и соблазнительной. В момент перечисления лет, представляйте себя в этом возрасте, визуализируйте лицо, тело, волосы. Как только прекратите перечисление, то закрепите магический акт такой аффирмацией: «Мое тело и разум наполняются энергией молодости. С каждым новым днем я становлюсь моложе и здоровее». На этом, собственно, все.

— Точно все?

Продавщица ухмыльнулась:

— Ну, почти все. Обязательно делайте все добровольно, без принуждения и страха. Если проявлять внимание и не отступать, то результат Вас порадует. Я говорю об омоложении. Однако не стоит беспокоиться, если вы настроены скептически. Впрочем, я никого не собираюсь уговаривать, мне это совсем не интересно. Не верите — не пробуйте. Это Ваш собственный выбор. Человек изначально рожден со свободной волей, ему и выбирать. А я Вам скажу так: прямой счет дает мозгу сигнал двигаться вперед, ускоряя старение. Обратный — посылает противоположный сигнал. Метод обратного отсчета обращает вспять физический возраст и обновляет вашу умственную и духовную энергию. Ваша кожа, глаза, фигура и волосы будут отражать новую жизненную силу, сиять молодостью и красотой. Помните слова одного известного йога: «Ваши ограничения существуют только в вашем разуме. В действительности вы бесконечны». Поэтому с этого момента возьмите под контроль свой возраст. Ваше обновление может начаться уже сегодня, все в Ваших руках. Однако помните про закон всемирного баланса. Если мы что-то приобретаем, то одновременно утрачиваем. Это принцип перетекающих сосудов. Если после каждодневных практик заметите, что немного изменились, то не пугайтесь — это процесс очищения и обновления духа и плоти.

Лежа вечером в кровати (муж, по счастливому стечению обстоятельств, как раз отправился в командировку), Любовь Семеновна страстно шептала слова обратного отсчета и представляла себя такой, какой была прежде: нежной, хрупкой, по-девичьи прекрасной. В душу вливались потоки надежды, глаза наполнялись теплыми слезами. Она воззвала к неведомому Богу обратного времени, отдаваясь отсчету, как молитве, неистово, страстно. Что-то мягкое танцевало на ее пышной груди, переливалось далекими звездами. Мир сначала мерцал призрачным светом, а затем сузился, преломился и исчез. Любовь Семеновна заснула так сладко, словно погрузилась всем телом в вязкое желе, без снов и терзаний.

Рано утром провизжал ненавистный будильник. Пышкина откинула одеяло и, по привычке опираясь на спинку кровати, вдруг осознала, что подпорки ей вовсе не нужны. Она словно взлетела с матраса, а ноги ее ступали так ловко, расторопно и радостно, словно впереди ее ждал яркий день молодости, насыщенный событиями и смыслами. Испуганная такой переменой, счастливая, Любовь Семеновна кинулась к зеркалу... и обомлела. На нее смотрела та самая, давно утраченная Любочка из далеких дней. Нежная блондинка с голубыми глазами, розовой кожей, ярким румянцем. Пухлые губы влекли к поцелуям, а игривые кудри обвивали тонкую шейку. Куда делась грузная поступь, рыхлое тело, тройной подбородок, над которым так часто подшучивал муж? Все дурное исчезло, уступив место лишь волнующей радости. Пышкина просто зашла от восторга и, размахивая руками, танцуя и веселясь, целовала свое отражение тысячу раз, наполнялась гордостью и высокомерием. Теперь она всем покажет! Пусть каждый видит, что возраст — ничто в умелых руках. Пусть завидуют, берут пример, учатся! В ее солидном возрасте и так выглядеть — достойно не просто уважения, а поклонения и хвалы.

Вы спросите, уважаемый читатель, принесло ли подобное перевоплощение счастье нашей героине? Стала ли она удачливее, испытала ли восхищение близких, преуспела ли в семейной

жизни? Спешу Вас огорчить — ничуть. Самым непостижимым образом мир вокруг стал разваливаться и удивлять. Те самые добродушные коллеги, которые раньше втайне подсмеивались за спиной, звали Любовь Семеновну за глаза «кишкoblудом» и раскармливали нашу героиню сдобными булочками, вдруг брезгливо отстранились. Они уже не улыбались ей при встрече, не выручали с работой, не несли пирожки и пирожные. И это в тот самый момент, когда метаболизм перестал давать сбой! Близкие подруги вдруг перестали звонить, прятали своих мужей и не делились секретами. Муж стал суетным, бессмысленно ревнивым. Он брюзжал по пустякам, доводил красавицу-жену нелепыми упреками, обижался без причины. Реальность постепенно превратилась в ад. Ни одного доброго слова в адрес нашей героини, ни одного дельного совета или человеческого участия. С ее красотой, натянутой кожей и шармом она стала совершенным изгоем. Характер безнадежно испортился от несправедливости внешнего мира, нервы сдали. Любовь Семеновна постепенно превратилась в раздраженное существо, пусть и прекрасное, но невыносимое.

В один жаркий летний день Пышкина не выдержала. Она выскочила за дверь и побежала на соседнюю улицу, чтобы требовать компенсации за причиненный моральный ущерб. Она долго носилась по тротуару, заглядывала в каждое окно жилого дома, но, увы, магазина так и не нашла. Более того, в переулке никого не было, ни одной живой души. Он словно вымер и тихо дремал, посапывая в пыльном воздухе. Стало необъяснимо страшно, так жутко, что мурашки поползли по спине. Если бы не внезапное появление сухой старушонки, идущей навстречу, Любовь Семеновна бы начала кричать и призывать на помощь.

— Что ищешь, голубушка? — старушка ласково улыбнулась, и лицо ее, все в мелких морщинках, словно осветилось.

— Я ищу галантерейный магазин. Понять не могу, куда он испарился...

— Не было здесь никогда магазина, я тебя уверяю. Что-то ты перепутала. Да это и неудивительно по такой жаре и без головного убора. Ступай домой, милая, выпей водички, полежи в прохладе. Да и не по возрасту тебе бегать, когда на улице такое пекло.

Не по возрасту? Что несет эта старая карга? Совсем из ума выжила! Это ей-то не по возрасту? С этими глазами цвета безоблачного неба, розовыми, пухлыми щечками, осиной талией и ловкими ножками? Постыдилась бы подлая ведьма! Завистливая дрянь! Любовь Семеновна наполнилась яростью и кинулась прочь от незнакомки, проклиная ее, на чем свет стоит. Она бежала по раскаленному тротуару, а сердце глухо стучало, ноги не слушались. Ей действительно стало плохо от быстрого бега. Возникла одышка, во рту пересохло, в глазах потемнело. Пышкина оглянулась, чтобы попросить помощи у старухи, которую еще недавно проклинала. Та словно растворилась в пыльном зное городской улицы. На месте, где она встретилась, стояло знакомое зеркало с глубокой трещиной. Чувствуя сильное головокружение, несчастная женщина грузно опустилась прямо перед ним и взглянула на свое отражение. На нее смотрело старое, красное, изможденное лицо с обвисшими щеками. Лицо это было покрыто испариной, тусклые глаза блуждали. Резкая головная боль оборвала все мысли. Правый глаз вдруг перестал видеть, во рту появилась каша. Тело полностью онемело и упало на тротуар.

Поздно вечером муж Любове Семеновны ел бутерброд с сервелатом на кухне и глухо ворчал:

— Опять загуляла стерва, а в холодильнике пусто! Ни стыда — ни совести! Ууу, старая мочалка, всю душу мне выела!

Теплый ветер

Над городом опускался вечер. Фонари заигрывали с дождем, тонко высвечивали непокорные струи. Вода пенилась под ногами, стремилась вырваться на свободу, бурлила и пронеслась мимо. После душной пытки дня долгожданная прохлада касалась плеч, вновь пробуждала к жизни. Марина шагала по тротуару рядом с мужем, радуясь свежести, новой возможности жить и дышать. Они почти целый день просидели в гостях, слушая восторженные рассказы о чужих детях, рассматривая альбомы с фотографиями, которые их совсем не интересовали. Марина, смеясь, толкая мужа под локоть, бурно возмущалась:

— Нет, согласись, Коля, ну что за странные, невыносимые люди! Совести у них ни на копейку медную. Неужели сами не понимают, как душат гостей своими безголовыми отпрысками. Почему я должна непременно нахваливать «счастье их очей», «отраду сердца» и «бесценное сокровище», если эта мерзкая, наглая девчонка порвала мне колготки и вылила газировку на новое платье? И все это она умудрилась сделать за полчаса! А ты заметил реакцию родителей? Они даже не обратили внимания, не поругали это невоспитанное чудовище! Ах, ведь ребенка не следует критиковать! Ах, не надо ломать личность! Одни права и ни одной обязанности. В моем бы детстве ей уже всыпали по заднице, и правильно бы сделали — нечего мешать взрослым. Достали эти новомодные родители. Забота и гиперопека — разные вещи, мозг надо включать, а не быть наседкой. Прошлой зимой иду по тротуару, а впереди две мамы с колясками. Идут прогулочным шагом, раскапустились, всю пешеходную зону заняли; по бокам сугробы, возможности сквозь них пробиться никакой. Как хочешь, так и облетаешь этих клуш. В магазинах такие не следят за детьми, пока едут с тележкой, выбирая покупки. Ребенок носится по магазину, хватая, что попало с полок, надкусывая, и, не дай Бог, сделаешь замечание мамаше или ребенку — сожрут с потрохами, а если не сожрут, то узнаешь много новых слов. А что творится на детских площадках? Более наглые дети обижают более слабых, отбирая игрушки, бросают песок в лицо, а мамаша ничего не видит, ковыряется в телефоне или щебечет на скамейке с такой же раззявой, как она. Нет, во всем нужна мера! Слепая любовь не приводит ни к чему хорошему. Как ты считаешь, Коля? Коля, Ты меня вообще слушаешь?

Муж, погруженный в собственные мысли, уткнулся взглядом в бурлящую воду под ногами и угрюмо молчал. Марина вскипела:

— Очень мило, нечего сказать! Я распинаясь, оживляю нашу беседу, а ты и в ус не дуешь. Ты о чем вообще так глубоко задумался? Я тебя теряю.

Николай, сутулый, тощий мужчина в пальто не по размеру вздрогнул, очнулся и рассеянно пробормотал:

— А? Слушай, а может, Витка прав? Может, нам и правда пора поменять нашу развлекуху? Возьмем кредит, я подхалтурю, выплатим лет за десять, не напрягаясь.

И понеслась утомительная лекция о моделях автомобилей, типах коробок передач, техническом состоянии, пробеге, комплектации. Снова стало невыносимо скучно. Марина совсем не разбиралась во всей этой мужской премудрости. Ей так хотелось теплых слов, комплиментов, цветов, песен под луной, обожания и преклонения. Она ведь была так ослепительно прекрасна в этом воздушном платье цвета мяты! Муж словно ослеп и совсем не замечал той женщины, которая находилась с ним рядом. И вообще, к чему все эти старания и способы быть интересной, если ее совсем не замечают! Марина насупилась и гневно размышляла:

— Тьфу, сдалась мне эта чертова машина! Я в этом ни бельмеса не понимаю. Чтоб ты околел со своими заунывными предложениями! Ненавижу такие разговоры, просто из себя выхожу. Позавчера рассказывал весь вечер, как он будет ремонтировать свое авто, какие зап-

части ему надо. На следующий день излагал, как он ремонтировал машину своего друга, все в том же роде. А сегодня опять успокоиться не может, как заело пластинку. Вот же зануда! Нет... я, конечно, могу выслушивать весь этот бред, но это не значит, что я этим интересуюсь. Хоть бы мозги напряг, как мне это все фиолетово! Ну ладно бы хоть о стройке поговорил — это мне хоть интересно. Когда мне мужики начинают плести о своих строительных подвигах, мол, замок врезал или полку повесил, я тоже бурно включаюсь и рассказываю, что ремонтирую дома. Делаю почти все: сама прокладываю электрику и трубы, укладываю плитку и ламинат, переставляю перегородки, вставляю наличники и подгоняю двери, планирую и устанавливаю полностью кухни и т. д. Так нет же, интерес у них сразу пропадает, потому что не каждый мужик способен вынести тот факт, что баба может делать то, на что он не способен. А как с машинами меня донимать монотонным голосом — всегда пожалуйста. Гляньте на него: рисуется и кайфует! Да провались ты сквозь землю! Только вечер испортил!

Внезапно пелена дождя превратилась в подобие занавеса. Серебристые струи расступились, и прямо в лицо Марины дунул теплый ветер, наполненный негой и непривычным благоуханием. Женщина закрыла глаза и отдалась этой волне, томной, таинственной и прекрасной. Все забылось: постылый муж, набившие оскомину разговоры про автомобили, взаимные обиды, накопившиеся в браке за долгие годы. Когда глаза открылись, то произошло нечто поистине удивительное. Исчез привычный город, его серые, неблагоустроенные улицы, а на месте провинциального убожества возникло настоящее чудо. Марина оказалась в каком-то таинственном месте, странно напоминающем Испанию. Она явственно видела море, чувствовала запах южных цветов и растений. Первозданную тишину этого благословенного места нарушали лишь вздохи волн. Где-то вдали тонули горы в золотистых облаках. Сердце бурно забилося. Здесь было прекрасно все: и двухэтажные дома из каменной кладки, и узкие улочки, и старинные ставни на окнах, и благоухающие кустарники. Вспомнилась молодость, пора любви, то время, когда супруг носил ее на плечах прямо к реке, и Марина смеялась, чувствовала себя беззаботным ребенком, вдыхала запах волос своего возлюбленного. Он слушал каждое ее слово, предвосхищал любое, даже самое нелепое желание. Марина резвилась, приказывала ему изображать из себя гнедого жеребца, топтать копытом. Николай с готовностью исполнял любой каприз и ржал на всю улицу, пугая зазевавшихся прохожих. Это было время невинного чудачества, полного отсутствия барьеров и границ. Они буквально вынюхали друг друга по общему безумию, по озорной страсти щекотать приличный мир. Любовь не нежно влилась в их сердца, а буквально воткнула острый нож, глумясь, переливаясь, хохоча. Они бежали против ветра, против всего обыденного, пошлого, слишком серьезного или мелкого. И, как ни странно, вызывали у приличных людей настоящую агрессию, хотя являлись самыми миролюбивыми созданиями на свете, парящими и легкомысленными. Влюбленные часто сидели на берегу реки и обсуждали совместные планы на будущее, мечтали о грандиозном путешествии. И мечтали не так, как простые люди, а планировали бродить по свету или ездить на велосипедах, с одним рюкзаком за плечами, почти без денег. А в конечном счете — дойти до Африки, прибиться к дикому племени и жить с ними, устраивать дикие пляски, охотиться на тигров. Или поселиться на необитаемом острове и забыть про все на свете, кроме своей такой простой, необузданной, но такой по-настоящему важной любви. Марина вдыхала влажный, ароматный воздух и задавала себе один-единственный вопрос: в какой момент они вдруг стали этими сами обычными людьми, пресными и блеклыми, с которыми они изначально боролись? Что с ними произошло? Под действием каких чар был утрачен теплый ветер их первого чувства? Как жаль, как невыразимо жаль...

— Марина, ау! Ты что зависла? Говорил же, меньше надо было на вино налегать. Пить надо меньше, меньше надо пить...

Она смотрела на него растерянно, пронзительно и не мигая.

— Где, где Испания?

— Какая еще Испания? Совсем рехнулась?

— Но я только что там была! Где мостовая, блестящие звезды, шепот прибоя, объятия лунного света, песни звезд? Куда все пропало?

— Я больше не желаю слушать эти бредни. Напилась — будь человеком.

Марина медленно подняла взгляд. На нее смотрели пустые, равнодушные глаза супруга. Все вокруг стало прежним. Разбитые тротуары, серые панельки, тусклые фонари. Струи дождя бежали по ее щекам, и никто не мог разгадать скрытую тайну слез и разбитых надежд. Куда исчезла Испания? И где тот самый мужчина, который носил ее на плечах и отбивал копытом? Вместо него на нее смотрит этот серый, неприятный тип с наметившимся животом, бесстрастными глазами и ртом, извергающим пошлости. Этот незнакомец не замечал ее слез, совсем не понимал желаний.

— Ты мне надоел! Оставь меня одну. Тебе налево-мне направо. Домой пойдем разными дорогами.

— Тоже мне цаца! Да, пожалуйста — шуруй!

И они разошлись в разные стороны. Николай отправился домой задними дворами, а Марина пошла вдоль дороги, по высокой насыпи, освещенной фонарями. Когда жена вернулась в квартиру, то ее встретила оглушительная, темная пустота. Она тщетно прождала до утра — Николай так и не вернулся. Его искали всем городом, до самой осени. Ни единого следа, ни малейшей зацепки — словно провалился сквозь землю.

Марина буквально почернела от горя. Люди часто видели вдоль насыпи одинокую женщину, потерянную и жалкую. Ее абсолютно седые волосы трепетали под порывами ветра, а глаза постоянно слезились. Как только на улице начинался дождь, она приходила на это место и начинала звать своего давно исчезнувшего мужа. Лишь Марина знала, что на том месте, где пропал Николай, начала расти трава, но странным и необычным способом: новые ростки образовывали ровный круг, внутри которого чернела сухая, бесплодная земля. Когда ветер завывал в соседнем дворе, она отчетливо слышала голос своего супруга: он звал ее на помощь, но как только женщина делала шаг в верном направлении, голос затихал. Марина возвращалась на место исчезновения еще много раз — до тех пор, пока голос не затих окончательно. Она больше никогда не чувствовала на своем лице теплый ветер.

Перекресток

Иван Александрович Киселев задумчиво стоял на балконе своей квартиры, покуривал сигаретку и наблюдал за прохожими. Блаженный час после работы успокаивал нервы. Так приятно сознавать, что на улице собачий холод, метель, а ты находишься в теплой, уютной берлоге, в комфорте и безопасности. Ноги грели мягкие тапочки из овчины, тело — спортивный костюм с начесом. Иван Александрович чувствовал себя на самом вершине блаженства после сытного ужина, приготовленного женой. Курочка удалась на славу, а пюре, щедро сдобренное маслом и салцем, мягко урчало в желудке. Что за благодать, что за сладострастие!

Прохожие, тепло одетые, съезженные, активно спешили домой. Как только светофор на перекрестке переключался на зеленый свет, толпа устремлялась к вождленным домам. Киселев затыгивался, щурил глаза, и все эти несчастные люди за окном казались ему бесправными жуками, скользкими по сухой травинке жизни. И вот когда после очередного забега по проезжей части погас зеленый свет, внимание Ивана Александровича привлекла загадочная девушка в норковой, старой шубке. Нет, нет, не подумайте плохого, вовсе не мимолетное вождление мелькнуло в глазах нашего героя, а простое человеческое любопытство. И не удивительно: это юное создание вело себя, по меньшей мере, странно. Девушка внезапно остановилась прямо на перекрестке и стала активно вертеться вокруг собственной оси. При этом она лихорадочно крестилась и дышала на свои ладони, словно сдувая невидимый порошок.

Иван Александрович встрепенулся, загорелся азартом и стал пристально наблюдать за незнакомкой. Благо дело, полная луна щедро омывала улицу своим сиянием, и он мог созерцать этот акт тихого помешательства без ущерба для собственных глаз. Мужчина явственно видел, как девушка крутилась и разбрасывала вокруг себя ржавые гвозди, бумажки, а затем, резко остановившись, упала на колени и принялась раскачиваться из стороны в сторону. В самом конце этого мистического представления незнакомка поднялась и, шатаясь как зомби, отправилась в сторону тротуара. Вскоре ее слизала ночная тьма ближайшего двора.

Киселев вздохнул и, кинув окурок в пепельницу, отправился в кровать. Он рассчитывал моментально заснуть, нежась в теплом блаженстве теплого одеяла. Куда там! То ли слишком обильный ужин послужил причиной бессонницы, то ли полная луна слишком ярко была в глаза, но провалиться в сон ему так и не удалось. Перед глазами, как ни странно, стояла странная девушка на перекрестке. Около двух часов ночи раздосадованный Иван Александрович, взлохмаченный и страшно злой, сел на кровати. Жена недовольно заворчала рядом, но вскоре опять погрузилась в сон.

— Вот же чертовка! Подкинула гвоздей на дорогу, а дальше хоть трава не расти. Сущее вредительство в центре города. Хоть бы подумала о том, что там ездят машины. Ни стыда — ни совести! Пойду-ка я уберу этот варварский подарочек. Все равно не заснуть, а так хоть свою новую ласточку защищу от ущерба.

Проклиная все на свете, Киселев тепло оделся и отправился на перекресток. Было безумно, до одурения холодно. Так холодно, что казалось, даже сердце застыло, не смея биться. Печальная луна ежилась и дрожала. Звезды сжались от нервного истощения и чувствовали себя несчастными в этом безжалостном мире. Ветви деревьев покрылись льдом и трещали, изнемогая от мороза. Добравшись до перекрестка, Иван Александрович оглянулся по сторонам. Зрелище, раскинувшееся перед его глазами, ошеломило взгляд и моментально согрело сердце: прямо на дороге лежали купюры крупного номинала.

Киселев буквально обалдел от счастья. Вот это поворот! Ай да чертовка! А ведь казалась рядовой вредительницей! Он бросился жадно подбирать деньги, рассовывая их по карманам и млея от внезапно навалившегося счастья. Казалось, мир вокруг ожил, и наступила долгожданная оттепель. Руки совсем не мерзли, щеки горели, а в зрачках Киселева полыхал пожар

сребролюбия. Он совсем забыл о том, что ветви обледенели, а Луна съежилась, что пропал сон, а завтра рано утром на работу. Какое это имело значение, если вместо луны его карманы освещали крупные купюры? О, блаженный миг внезапного счастья!

Вернувшись домой, Иван Александрович жадно пересчитал деньги, спрятал их в портфель, а затем, удовлетворенный, счастливый, заснул с улыбкой младенца на лице. И приснился Киселеву страшный сон. Как будто кто-то серый, незнакомый сидит на его кровати и нежно гладит по голове. Было очень приятно до тех пор, пока сознание не пробудилось и не поняло то, что жена спокойно спит рядом, а больше дома ровным счетом никого нет. Ивану Александровичу внезапно стало так необъяснимо жутко, что на голове зашевелились все волосы, а в груди похолодело. Он боялся дышать или раскрыть себя одним неосторожным движением, показать призраку, что он вовсе не спит и все понимает. Киселев стал судорожно припоминать молитвы, заученные наизусть в детстве, но все слова словно выветрились из головы, а сердце неумолимо стучало, отбивая в висках барабанную дробь. Наглый пришелец вдруг пошел еще дальше. Призрак стал перебирать пальцами волосы в районе лба спящего, словно считая их давно поредевшее количество. Тревога повисла в воздухе, а сердце разрывалось на части. Ивана Александровича охватила паника: он не мог ровно дышать, шевелиться, отдавать приказы собственному телу. Пытался кричать, но из горла вырывались лишь хриплые стоны. Мягкое одеяло стало мокрым, и несчастный мужчина, собрав последний остаток сил, прохрипел в подушку:

— Помогите!

Проснулся Киселев от того, что жена трясла его за плечи и испуганно приговаривала:

— Ну, будет, будет, Ваня. Нечего было переедать на ночь. Тебе приснился кошмар, успокойся.

Иван Александрович оторопело уставился на собственную супругу. Его полное тело еще хранило напряжение сновидения, пыталось вернуться к жизни. Тревога не отпускала, как после обычного кошмара, а вцепилась в горло крепкими тисками. Он чувствовал себя таким слабым, что едва дышал. Пижама насквозь пропиталась потом, а сердце продолжало стучать как дикий заяц, испуганно, громко. Тук, тук, тук! Не было конца этому глухому бою внутренних часов, этой бесконечной панике. Киселев тщетно силился подняться с кровати. Ноги не слушались, а сам он ощущал себя древним стариком с трясущимся подбородком.

— Ты знаешь, Галя, вызови-ка ты мне врача. Что-то я неважно себя чувствую. Сердце прихватило, да в целом жмет.

Жена всплеснула руками и испуганно засуетилась. Врач, добродушный мужчина средних лет, не нашел ничего подозрительного, списал внезапную слабость на разгулявшиеся нервы, но прописал неделю покоя и полное отсутствие стресса. Если бы это было возможно! Ситуация после роковой ночи только усугубилась. В голове несчастного Киселева словно завелся злобный демон, который нашептывал ему на ухо всякие гадости, склонял к самообману. Больше всего Иван Александрович боялся ночи. Ему мерещились странные звуки, крадущиеся шаги. Как только она начинал проваливаться в сон, то сразу слышал мощный храп. За женой подобного безобразия никогда не водилось, да и храпел некто как взрослый мужик после тяжелого труда. Иван Александрович просыпался, хлопал себя по груди, щипал за руки. Видимо, показалось! Снова проваливался — и снова храп, еще гуще, сочнее, жаристее. Храп был слышен так близко, будто рядом кто-то стоял и издевался. Несчастный Киселев совсем перестал спать. Синяки появились под глазами, а постоянное сердцебиение портило светлое время суток. С каждым новым днем он чувствовал себя все более слабым и несчастным.

Прошла неделя, и вместо выздоровления мужчина превратился в тень самого себя, трясущуюся, дрожащую, жалкую. В придачу ко всем бедам у него появились видения. Он видел отражение своей жены в зеркале в коридоре, а она в это самое время находилась на кухне. Такое положение вещей приводило несчастного больного в полный, панический ужас. Голова бесконечно кружилась, ноги не слушались, а в душе словно появилась черная, зияющая пустота.

Не хотелось ни есть, ни наряжаться, ни принимать душ, ни курить любимые сигареты. Жена тщетно стояла возле кровати и уговаривала:

— Ванечка, посмотри, какие чебуреки. Корочка золотится, хрустит, как карамель. Фарш только-только перекрутила. Добавила лучка, перчика. А запах! Благорастворение, оргазм! Ну, отведай, уважь!

Муж только кривился и отмахивался. Ему казалось, что тот незванный гость, который бродит тенью по квартире, втайне ухмыляется за спиной Галины и строит ему гнусные рожи, показывая пальцем на чебуреки и нашепывая в ухо о том, что уже успел сыпнуть яда в тесто. Этот мерзкий тип явно был преисполнен ненависти ко всему светлому и чистому. Он умышленно разрушал здоровье Ивана Александровича, потирая по ночам липкие, серые руки с острыми когтями. Через месяц таких терзаний на лицо Киселева словно легла смертная печать. Щеки запали, стали вылезать и без того редкие волосы, зрение расфокусировалось, а, самое страшное, повсюду слышался вой собак. Несчастный страдалец затыкал уши ватой и тихо сто-нал, но ничего не мог изменить. Это подлое племя терзало его слух, скреблось под кроватью, щерило желтые зубы. Дошло до того, что Иван Александрович даже боялся опустить ногу с кровати, так как эти подлые псы могли вцепиться в его пятки и растерзать до крови.

Галина Михайловна долго крепилась и руководствовалась здравым смыслом образованной женщины, но спустя два месяца не выдержала и вызвала гадалку, известную в ближайшей деревне. Та брала дорого, но соседки шептали, что и сила у ведьмы была невероятная, побеждающая все болезни. Выглядела эта особа весьма убедительно и современно. Одета была дорого, вела себя уверенно, словно у себя дома. Она спокойно прошла прямо в комнату, где лежал больной, и уселась на кресло. Сидя посреди комнаты, старая цыганка закрыла глаза и зашевелила большими ноздрями, словно к чему-то принюхиваясь. Спустя пару минут молчания она выдала зловещий вердикт:

— Плохо дело! Слышу запах смерти. Точнее, черной порчи на смерть. Надо отливать!

— В смысле «отливать»? — Галина Ивановна почему-то страшно забеспокоилась и задрожала как осиновый лист.

Гадалка сдвинула густые брови и твердо повторила:

— Отливать порчу следует. Без этого никак. Потеряешь благоверного в ближайшие десять дней. Шевелись, если хочешь спасти!

Обряд длился долго, почти два часа и стоил баснословно дорого. Но какое это имело значение для несчастной жены, если Иван Александрович буквально таял на глазах? Она решилась вопреки всякой логике, отринув привычную критику суеверий. Неопределенность, которая поселилась в доме в последние месяцы, доконала нервы, полностью истомила душу. Пусть эта черная гарпия творит все, что ей угодно! Если есть надежда, то надо ее ухватить за хвост, пусть даже спорными методами. Пока плавился воск, а ведьма шептала заклинания, Иван Александрович впервые за долгое время почувствовал успокоение и мягкую, обволакивающую сонливость. Вой собак стихал, а на смену ему пришел колокольный звон, прозрачный и чистый. Он плавно растекался в воздухе, глушил умилением. Из глаз страдальца потекли слезы облегчения. Он даже смог подняться и, благодарно пожимая цыганке руку, бормотал:

— О, благодарю Вас, благородная женщина. Без Вас бы совсем пропал, зачах во цвете лет молодых.

Ведьма открыла сонные глаза и зловеще прошипела:

— Не все так просто! Не могу пробиться до конца к истоку твоей проблемы, словно в тебе сидит черный смерч. Признавайся, где был перед началом этого дурмана? Какие новые вещи замечал в квартире, что подбирал на улице?

Иван Александрович смутился и пролепетал:

— В смысле брал? Ничего чужого не брал. Это не в моих интересах, мне чужого не надо. Если и нашел, то только случайно оброненное, так это не считается. Уловка судьбы, так сказать, подарочек свыше.

Цыганка внезапно оживилась.

— Что нашел? И где?

— Так, пустячок. Кхе-кхе. Пару купюр на перекрестке. Какая-то легкомысленная девица уронила, а я, как рачительный хозяин, подобрал. Не могу же я допустить подобного расточительства? Все домой, все в семьи, как говорится. Копеечка к копейке!

Ведьма взревела:

— О, несчастный! Вот в чем причина твоего постепенного угасания! Деньги эти, которые ты заграбастал, были, очевидно, заговорены на негативную информацию: болезни, проблемы личного характера, смерть. Ты думал, что цопнул чужое и расслабился, а на самом деле призвал беды в свою семью. Вот так и иссохнешь в своей слепой, бездумной жадности.

— Как же так? Не хотелось бы! Спаси, родимая. На тебя все надежда!

Гадалка хитро улыбнулась.

— Изволь. Отдашь мне свою машину — и ты спасен. Слышала от людей, ты ее недавно приобрел, а мне из деревни в город ездить тяжело и давно по возрасту.

— Ты что, совсем за дурака меня держишь? — возопил Иван Александрович, а лицо его затряслось от праведного гнева, — пользуешься чужим горем, душишь на пороге смерти?

Цыганка хмыкнула и гордо провозгласила:

— Раньше надо было думать. Как деньги отжимать на перекрестке — сердце не дрогнуло. Любишь кататься — люби и саночки возить. Поверь, беру мало, могла и квартиру потребовать. Ритуал снятия проклятия не так прост. Часть своей души отдаю лукавому, а это бесценно. Торговаться здесь нечего. Готов — решаюсь, а если нет — уговаривать не стану.

Иван Александрович бесновался, ненавидел проклятую бабу, кричал и сыпал угрозами. Ничего не помогало! И более того, после того, как ведьма вскинула в презрении брови вверх, собаки снова вернулись и начали выть, драть когтями иссохший разум. Киселев бросился к портфелю, схватил ключи и бросил прямо в лицо ухмыляющейся ведьме. Та спокойно подняла связку и продолжила обряд. Когда наступил вечер, она так же спокойно закончила, всучила записку больному и перед самым уходом наказала:

— С передачей прав на владение автомобиля разберемся через неделю. Сначала оклемайся, как следует, приведи себя в порядок — без слез на тебя не глянешь. Сегодня ночью отправишься на тот же окаянный перекресток. Отнесешь купюры, разбросашь их на дороге, а потом станешь кружиться по часовой стрелке и читать эту молитву. И да, сдувай с ладоней невидимую пыль. Глазами ее не разглядеть, но руки твои по локоть в могильной земле. В конце обряда упадешь на колени и попросишь прощения за свою жадность у матери-земли. Сразу почувствуешь облегчение. Затем возвращайся домой и спи, сколько сможешь. Проснешься обновленный — сразу ко мне, займемся машиной. И только попробуй меня обмануть: проклятие тут же вернется, уж я постараюсь. Ах, да, не пытайся увильнуть. Всегда помни, что не в деньгах счастье.

И ведьма ушла, громко хлопнув дверью. Ровно в два часа ночи несчастный Иван Александрович в точности выполнил все ее указания. Он раскидывал купюры и исправно кружился, нашептывая древние слова, падал коленями на холодный асфальт, просил прощения и безутешно плакал. Трудно было представить еще год назад, что этот умный, интеллигентный мужчина способен на подобное безрассудство.

На балконе соседнего дома стояла соседка Наталья Владиславовна, уборщица, и с удивлением наблюдала за своим давним знакомым. Женщина она была чрезмерно активная, не равнодушная к чистоте и порядку в местах общего пользования. Ей сегодня не спалось, а полная

луна светила в окна так ярко, что не было ни малейшей возможности сомкнуть глаза. Глядя на вращающегося как волчок Киселева, «Славовна», как ее называли все жильцы, живо смекнула:

— Неспроста он там трется. Что-то знает паразит! Я давно заметила: где халява, там и этот субъект. Честные люди на перекрестке кружиться не станут, особенно по ночам. Пойду-ка я проверю этого негодяя, выведу его на чистую воду! Глянь ты, глянь ты, карманы выворачивает! Вот же аспид ползучий! Мусорок на вас все не хватает! Загадили весь двор! Ироды!

Незримый дух

Маленькое село, расположенное вдали от проезжих дорог, утонуло в снегу. Дом, в который недавно переехали Соловьевы, стоял на самом отшибе. Едва ли его можно было назвать уютным. Темный сруб давно почернел, словно впитав в себя многочисленные беды и заботы былых жильцов. Ободранные обои, подслеповатые маленькие окна, скрипящие, разохшиеся половицы — все вызывало некое внутреннее напряжение и тревогу. Было темно и мрачно, печь пришла в полное запустение, а герань в горшке давно засохла. Словом, когда семья впервые взобралась вверх по занесенным снегом ступеням и переступила порог, сразу стало как-то не по себе. Но делать было нечего: других домов для съема пока не предвиделось.

Виктора Андреевича отправили сюда, в Богом забытый край, по работе, и жена, верная подруга инженера в печали и радости, безропотно отправилась за ним. Едва войдя в дом, Наталья Николаевна поежилась и произнесла:

— Какое гиблое место! Даже воздух какой-то особенный, затхлый. Пахнет грибами, старой одеждой и запущенной горечью. Мне прямо видится, как из этой покосившейся двери выносили бордовый гроб с золотым крестом, а прямо на этой кровати умирал хозяин в страшных мучениях. Мне почему-то кажется, что здесь погибло много жильцов, и ни у одного из них не было счастья при жизни. Витя, я прямо чувствую, что это место проклято. А мое чутье меня еще никогда не подводило. Может, все-таки подыщем что-нибудь более приемлемое?

Уставший муж досадливо пожал плечами. Он поставил на пол чемодан и глухо ответил:

— Не придумывай, Натали. Вечно тебе мерещится зло там, где оно никогда не ночевало. Ты меня извини, но искать такой дом, где никогда не умирал жилец — дело неблагодарное. Да, и болели здесь, и муки претерпевали, и вешались, и убивали друг друга, и стрелялись, и подрывались на минах — сомнений в этом у меня, конечно же, нет. Вся человеческая история построена на крови. Даже если не в этом доме, то на земле, где он построен, гибли массово, ненавидели друг друга, душили. Такова уж природа человека — без конфликта никак. Не придумывай всякую околесицу, не мучай себя. Давай лучше разбирать вещи. Да и Ванечке уже давно пора спать.

И они стали здесь жить. Мебели в избушке почти не было. Стояла только старая кровать с металлическим изголовьем, круглый стол у окна, пара расшатанных стульев и лавка у стены. В доме совсем не было шкафа, и новые жильцы решили забить в угол гвоздь и повесить на него верхнюю одежду, которую сверху прикрыли тюлем. Ванечка уже давно спал на руках Натальи Николаевны, муж с вздохами ворочался на неудобной кровати, а сама она с грустью стояла и смотрела в тусклое окно. Сугробы за окном, озябшие звезды, вой ветра в печи — все вызывало то скорбное, нехорошее чувство, которое преследовало ее повсюду с момента первого знакомства с новым жильем. Здесь было жутко, неприятно, как будто кто-то незримый морщился в углу в темноте и указывал прямо на дверь.

На рассвете ребенок разбудил Наталью Николаевну. Он заплакал так испуганно, что женщина моментально подскочила. После того, как Ванечка успокоился и снова затих, матери не спалось. Она бродила по дому, ломая руки, придумывая сотни причин, чтобы убедить мужа переехать. Почему Ваня, всегда такой спокойный и улыбчивый, вдруг стал кричать, биться от страха? Это, по меньшей мере, странно. Проклятое место! Даже ребенок почувствовал нечто, затаившееся в пыльном углу. Некую темную силу, охраняющую это мрачное логово. Бежать, немедленно бежать отсюда сегодня же! Проходя мимо угла с одеждой, Наталья Николаевна внезапно остановилась. Прямо по центру тюля зияла огромная дыра, разорванная в виде злобной улыбки. Вся остальная ткань была грубо стянута, словно дикий зверь царапал когтями завесу, пытаясь прорваться наружу. Соловьева побледнела, и, шатаясь от страха и отвращения, кинулась к мужу.

— Витя, Витя, прошу тебя — просыпайся!

— Что еще? — раздраженный муж медленно поднялся с кровати, с недовольством уставился на испуганную женщину.

— Смотри на тюль! Скажи мне, о, прошу тебя, скажи, что это ты разорвал ткань!

— Конечно, нет. Только если я не лунатик. А я подобным разгулом варварства не страдаю.

— Кто же это!? Кто?

— Понятия не имею. Не бери в голову. Кто знает, какая живность шурует в этом заброшенном доме. Может, крыса пробиралась, а, может — летучая мышь запуталась. Не поднимай панику, эта ситуация выеденного яйца не стоит. Ложись лучше спать, и другим не мешай.

Косые, ярко-розовые лучи солнца уже пробирались в окно. Наталья Николаевна немного успокоилась в свете зарождающегося дня. Она взяла тюль и зашила его крепкой ниткой. Вышло ловко, разодранной метины зверя практически не было видно. После женщина успокоилась и легла на кровать. Она заснула довольно быстро, но вдруг прямо во сне кто-то схватил ее за ноги и стал стягивать с кровати, барахтаясь на полу и хихикая глухим басом. Наталья Николаевна вскинулась с криком, и на смерть перепуганный муж стал ее успокаивать, нежно гладить по голове:

— Ну, будет, будет, Наташа. Кто бы мог подумать, что ты у меня такая нервная. Попри-
выкнешь, успокоишься. Нет ничего страшного в этом новом месте. Видишь, и солнышко уже
ярко светит, и рябина пламенеет за окошком. Ого! А там у нас кто? Глянь ты — снегири. Кто
бы мог подумать! Целую вечность их не видел. Ах, смотри же, смотри. Чудо какое!

И супруге действительно стало легче под действием этих ласковых, убаюкивающих слов. Легче до того момента, пока она не встала с кровати и не приблизилась к тюлю. Она почувствовала, что следует оглянуться возле угла, словно кто-то шепнул ей это слово на ушко. «Штора! Штора! Штора!» — шумело в голове. Наталья Николаевна дернулась, резко посмотрела через плечо и закричала так громко, что проснулся Ваня, а муж подпрыгнул от неожиданности и схватил со стола тубус.

— Что, что произошло? — спросил он дрожащим голосом.

Наталья Николаевна, бледная как мел, не могла произнести ни слова и только указывала пальцем в сторону угла. Муж посмотрел в этом направлении и ничего не понял.

— Ну? Я ничего не вижу.

— Что «ну»? Я накрепко зашила тюль рано утром. А там опять дыра! Это невозможно!

Нити на тюле и правда были стянуты, разорваны в форме зловещего оскала. Виктор Андреевич направился к занавесу и осторожно отодвинул его в сторону. В это самое время из-под ткани выкатился спущенный воздушный шарик алого цвета, и остановился прямо возле ног Натальи Николаевны. Та закричала, в истерике затопала ногами, кинулась в слезы. Пока Соловьев утешал плачущую жену, та билась в его руках, как раненая птица, пыталась кричать, но голос совсем пропал от пережитого ужаса. В какой-то момент ее отпустило, она одной рукой схватила ребенка с кровати, обувь — второй рукой и прямо босиком выбежала на улицу. Наталья Николаевна бежала прямо по снегу, совсем не чувствуя мороза, и вокруг нее разлетались потревоженные птицы с грудками цвета запекшейся крови. Рябины, снегири, красный сдувшийся шар — все это смешалось вместе в окровавленные пятна на снегу. Обезумевшей от ужаса женщине казалось, что вокруг нее начинается вершиться нечто страшное, и она бежала, бежала, стараясь спасти своего малыша и такую милую, такую драгоценную жизнь.

Внезапно Наталья Николаевна увидела седую женщину в белой одежде, стоящую на пороге соседнего дома. Та схватила ее за плечи и насильно затолкнула в собственный дом. После незнакомка протянула отчаявшейся матери чашку с чаем.

— Пей, — спокойно сказала она, — пей и успокойся. Не бойся — это отвар пустырника и корней солодки, тебе сейчас необходимо его принять, чтобы прийти в чувство. Мед-

ленно, по глоточку, не торопись. Так, так, а теперь дыши ровно. Не ты первая, не ты последняя. Успокойся, ты не сошла с ума, а просто попала в черный дом. Обитает в нем бесовская сила, незримый дух. И если и любило кого это создание, то только сиротку, жившую в этом доме давным-давно. И гостинцы ей приносило, и сахар в чае размешивало. Родители-то рано ушли (уехали на заработки в город и пропали без вести), вот и осталась Яночка совсем одна в этом гиблом жилище. А ведь ей еще не было и восемнадцати годков! Всю душу выплакало дитя, все глаза в окна проглядело. Молилась всем духам и богам, чтобы вернулись родители. Не вернулись они, понятно, канули в бездну. Да только к слезам невинной прислушалось нечто, что жило совсем рядом, но было незримо. Стало оно жалеть горемыку, присосалось к ней, как пиявка, питалось непрекращающимся горем, с каждым днем крепло и набирало силу. Сколько я Яночке говорила, что это — бес, не советую с ним дружить, потому что в ад приведет рано или поздно. Лучше покаяться, принять Иисуса Христа, как своего Господа и Спасителя, и освятить жилище, выкинуть, а лучше сжечь гороскопы, сатанинскую музыку, литературу. И будет мир в душе, покой в доме. Не слушалась она меня, только упрямо повторяла: «Не лезь, тетя. Он — единственная близкая душа, которая у меня осталась». И не знало бедное дитя, не ведало, что их исконная цель — пугать людей и нести зло в этот мир. Лучше, чтобы в доме не было подобной демонской нечисти, так как покоя не будет во веки вечные. Яна плакала, жаловалась незримому духу, а он настолько жалел ее, что возлюбил и решил прибрать к себе. Так и ушла святая душа в когти сатаны, не успев пожить на этой земле. Остался только клочок бумаги, на котором было написано старательным ученическим почерком: «Я ухожу к родным, потом что устала видеть мир сквозь пелену дождя. Я хочу солнца, а не слез. Прощайте и не вините меня. Та, кто мечтала о весне жизни». С тех пор это бесовское отродье куражится, чувствует себя полноправным хозяином и издевается над жильцами. Съезжайте вы, Христа ради! Себя не жалеете, так хоть малыша спасайте.

Седая женщина замолчала, кинула беглый взгляд на Ванечку и с грустью покачала головой.

После обеда Соловьевы стояли на пороге нового жилья. Светлое и приветливое, оно встречало арендаторов большими окнами и массивной мебелью. На стенке мирно тикали часы, в углу висела икона в мягко мерцающей оправе. Снег за окном нежно переливался в солнечных лучах, кружился в потоке прозрачного света. Наталья Николаевна облегченно выдохнула и перекрестилась. Когда женщина благодарно вскинула глаза на образ, тот внезапно сорвался со стены и упал на пол. Затем наступила тишина.

Свидание

Говорят, что есть такая связь на земле, что неважно, сохранил ты ее или нет. Она теряется под гнетом жизни, истончается, рвется, однако встреча все равно неизбежна. Рома любил встречи. Каждый раз, когда он видел Вику, такую нежную, полную необъяснимой прелести и поэзии, то громко кричал, размахивая кепкой:

— Вика, пошли на свидание!

Он был долговязый, нескладный юноша с оттопыренными ушами, всегда красными от стыда или ветра. Вика в то время не разбиралась в оттенках чувств. Просто ей было лестно, что студент бегает за ней по пятам, рисуется, дарит цветы. Девочка не любила его, да и едва ли она еще знала, что такое любовь. Вика держала Виталика рядом с собой на всякий случай, чтобы покрасоваться перед подружками. Те страшно завидовали и огорчались. Надо же... такая тощая, конопатая, рыжая уродина отхватила себе взрослого парня, не напрягаясь. Где только были его глаза? Неизвестно, что увидел Виталик в этой простой, тихой девочке, но она казалась ему прекрасней всех на земле. Ее бледная, фарфоровая кожа словно светилась, а волосы горели пламенем. Парень видел в ней свое счастье, солнечный свет, огонь. Огонь, на который Рома летел и который звал каждый день на школьном дворе:

— Вика, пошли на свидание!

Рыжая плутовка ходила, но не придавала этим встречам большого внимания. Она придерживалась твердого принципа, услышанного в сериале: «Давай попробуем встретиться, а расстаться мы всегда успеем». Рома, действительно, творил волшебство. Рядом с ним мир расцветал многообразием и новизной. Однажды парень предложил своей возлюбленной посмотреть неизвестное место в городе, только предупредил заранее, что там будет очень пыльно и грязно. Привел в малоизвестный подземный ход в самом центре, которым пользовались три века назад для побегов. Там было невероятно красиво: вода с серебристыми бликами на поверхности, древние стены, таинственные шорохи времени. Растения свисали сверху прямо из дыр, опоясывали это подземелье мощными корневищами. Где-то вверху дремала обыденная жизнь, а здесь время словно остановилось в вечности. Когда ребята выбрались оттуда, то вымазались в черную паутину, пыль, землю. Однако очарование этого места перекрыло все. Вика была в восторге, а глаза ее блестели, как серебристые блики в подземном источнике. Рома стоял и любовался этими сияющими искрами. Они были для него дороже всех звезд и золотых монет на свете.

— А теперь куда?

— Теперь? — парень вдруг улыбнулся, и уши у него снова покраснели, — теперь прямо в оперу!

— Ты совсем с ума сошел? В таком виде?

Рома открыл багажник старого запорожца и вытащил оттуда зеленое шелковое платье, туфли на каблуке, костюм и собственную обувь. Как он узнал точный размер своей подруги и где все заранее купил — так и осталось загадкой. Вика еще не задумывалась о таких тонкостях. По ее мнению, мир был обязан дарить ей свои блага, ничего не требуя взамен. Они быстро переоделись и отправились в оперу, и Вика чувствовала себя важной дамой, на которую все смотрят с восхищением и восторженно провожают взглядом. Ее не интересовало само представление, не волновал человек рядом. Какое это имело значение, если она так хороша в глазах окружающих? Девушка вертелась во все стороны, изящно выгибала спинку, посылая улыбки незнакомцам. Уши Ромы краснели еще гуще, но он снова приходил на следующий день к школе и радостно выкрикивал в весенний воздух:

— Вика, пошли на свидание!

Где они только не побывали во время этого бесконечно длинного, последнего лета их встреч! Они устраивали пикник в заброшенном автобусе в лесу, пели песни под гитару, перепрыгивали через костер и купались голышом в ночной реке. Все было невинно, свежо, радостно. Куда же все пропало? Сложно сказать. Просто в один прекрасный момент Вика уехала на учебу в другой город, увлеклась состоятельным бизнесменом, перестала отвечать на письма. Рома писал все реже, а потом и вовсе исчез. Избалованная вниманием кокетка даже не заметила его ухода. Он был как случайный ветер, заблудившийся в ее доме. Принес прохладу во время душного, скучного дня и исчез, а окно захлопнулось. Так Вика попала в клетку взрослой жизни.

Прошло целых пятьдесят лет. Виктория Дмитриевна, элегантная женщина преклонных лет, спала одна в роскошной спальне собственного дома. Трудно было назвать комфортное существование этой женщины счастливым. У мужа были новые, более юные увлечения, а дети давно разъехались. В последнее время ей редко виделись сны, а если и снились, то быстро вылетали из головы. Они были блеклые, банальные, не оставляющие в душе ни малейшего следа. Но в эту ночь произошло нечто странное. Во сне тревожно зазвонил телефон, и женщина взяла трубку. Сначала на другом конце провода повисла волнующая тишина, а затем до боли знакомый голос вдруг ласково произнес:

— Вика, пошли на свидание?

Сердце быстро заколотилось, как пойманная в силос птица.

— Рома? Ты? Откуда ты появился и куда пропал? Как же ты мог меня оставить, так легко от меня отказаться? Да, да, конечно, пошли. А куда?

— На хутор. Старый хутор.

И они вновь понеслись босиком по зеленому полю, схватившись за руки, улыбаясь, взлетая высоко над землей. Счастье было таким полным, что разрывалось сердце. Впервые за долгое время Вика снова чувствовала себя живой. Она скинула шелковый, дорогой пеньюар и нагая, чистая, отринувшая весь стыд, отдалась во власть ветра, солнца, свободного полета, детской, невинной радости. Они пролетали над кузницей, жерновами ручных мельниц, саклями, покрытыми соломой, мечетями, башнями, и чувство интереса вновь распахнуло крылья, вновь пробудило к жизни и счастью. Рома парил рядом, заботливо охранял ее крылья. А уши у него горели, как и прежде, оттопыренные и красные. Он, как обычно, широко улыбался.

Виктория Дмитриевна тоже проснулась с улыбкой. Она забыла про одиночество и тоску последних лет. Все растворилось в этом ночном свидании, в этой мистической встрече. Рома снова напомнил о себе, вызвал целую бурю в душе. Женщина вдруг поняла, что если кого и любила в этой короткой, стремительно пронесшейся жизни, то это был парень с тихой улыбкой и красными ушами. Он дарил ей счастье, ничего не требуя взамен. Как глупа она была, как легкомысленна! Не ценить самого близкого человека, совсем забыть про него! Виктории Дмитриевне стало так стыдно, что она закрыла голову одеялом и горько заплакала.

Спустя неделю дочь приехала к ней в гости и впервые привезла Васю, трехлетнего внука. Это был бледный, неуклюжий мальчик с вздернутым носом и оттопыренными ушами. Он долго и внимательно смотрел на незнакомую седую женщину, а после важно спросил:

— Пойдешь со мной гулять?

Было что-то подозрительно знакомое в этом внезапном предложении, в этой тихо расцветшей улыбке. Они сразу стали близки: седая женщина с остатками былой красоты и серьезный не по годам мальчуган. Соседи часто видели, как они идут по полю и собирают цветы, любят закатами. Дочь была поражена. Вася, всегда такой недоверчивый к чужим людям, робкий и нелюдимый, очень привязался к бабушке. Он даже попросился пожить у нее еще месяц. Мать согласилась и вскоре уехала в город.

В одну из лунных летних ночей мальчик вдруг забился в кроватке и стал громко звать на помощь. Виктория Дмитриевна кинулась в детскую, схватила его на руки и крепко прижала к груди.

— Что с тобой, Васенька? Что тебя так испугало?

— Бабушка, можно я тебе расскажу секрет? Только никому его не рассказывай, даже маме.

— Конечно, мой родной. Мне ты можешь довериться и все открыть.

Мальчик широко распахнул глаза, словно от ужаса, и обхватил маленькими ручонками шею бабушки. Запинаясь, глотая слова, он начал свою страшную исповедь:

— Когда я был большой, совсем чуть-чуть младше тебя, то я был офицер. Но служил в армии недолго, потому что сгорел, вытаскивая лучшего друга из машины. Такая странная это была машина. С длинным носом, железная и передвигалась, как гусеница, в жизни я таких еще не видел. Погиб я в пожаре, оставив боевых товарищей, любимую девушку на родине, горюющих родителей. Но больше всего, если честно, мне жалко моего белого коня. Тот остался совсем один. Кроме меня, у него никого не было. Только кличку коня не могу вспомнить. Так странно, не могу понять, в чем тут дело, как я мог забыть? Помню только название места, где погиб, а имя коня не помню. Странно это, правда, бабушка?

Женщина осторожно спросила:

— И как же называлось это место?

Мальчик глубоко вздохнул, и уши его покраснели.

— Старый хутор. Бабушка, любименькая моя, самая лучшая, пообещай мне, пожалуйста, еще одну вещь, очень-очень важную.

Виктория Дмитриевна, бледная, оглушенная, тихо пробормотала, целуя испуганного ребенка, заливаясь слезами:

— Все, что угодно. Только попроси — все исполню, пусть даже ценой собственной жизни.

— Бабушка, я буду делать все, все: и посуду мыть, и пылесосить, и прогуливать собачек. Только очень прошу: никогда не отдавай меня в армию, никогда не отпускай меня. Мне уже хватит быть убитым. Я хочу жить, быть рядом с тобой, ходить гулять, смеяться. Я так устал от боли. Мне так тепло рядом с тобой, так спокойно. Обещаешь, что никогда не бросишь меня, не оставишь? Обещаешь?

Виктория Дмитриевна еще крепче обняла внука и тихо, уверенно произнесла:

— Обещаю.

Небо на рассвете

Есть ли что-нибудь в жизни ярче, чем студенческое время? Если тебе повезло, и ты переехал в другой город, поселился в общежитии и приобрел новых друзей, то ты прожил не зря, ты навсегда запомнишь этот вкус счастья без примеси. Ире Калугиной повезло: она выпила до дна это хмельное, беззаботное время, время надежд и разочарований в любви, время полета и оглушительного, запредельного счастья. Как хорошо тогда было, как свободно дышалось! Хотя и проблем хватало, но в молодости смотришь на все это с легкостью и беспечностью. Веселое, милое студенчество!

Ира успевала все: и учиться, и любить, и танцевать ночи напролет. Тогда был расцвет ночных клубов. Отсидеть весь день на парах, вприпрыжку добраться до общежития и переодеться, добежать пешком до клуба с бесплатным входом для девушек, там танцевать всю ночь и вернуться на первом транспорте обратно? Никаких проблем! Здоровье не подводило, друзья всегда выручали, а в жизни постоянно что-то происходило: интересные встречи, захватывающие знакомства, первые влюбленности, все эти славные, спонтанные игры судьбы, которой позволяли проявляться.

Пять долгих лет пролетели весело и ярко. Так же ярко, как рассветы, жадно приветствовавшие Иру прямо возле выхода из клуба. Небо пламенело в пунцовой нежности и очищало душу после гулкого сумрака преисподней. Оно растекалось жидким золотом у края горизонта, окрашивало перламутровые облака в малиновую нежность. Все казалось таким обновленным и чистым, что сердце радостно билось и хотелось обнять весь мир. Ира, державшая в руке босоножки на длинных каблуках, бежала по тротуару босиком и кричала от счастья: «Доброе утро, Солнце». Все казалось живым, трепещущим, плавно перетекающим из материи в душу. Это был поток, яркий, стремительный, свободный. Девушка протягивала руки к малиновым облакам и пыталась их сорвать, как спелые, душистые ягоды. Спустя некоторое время жидкое золото обрело форму золотого диска, окрашивало розовую мистерию неба в оранжевую дерзость. Краски переливались, били по глазам, жадно дышали, пробуждаясь к новому дню. Хотелось петь и ликовать. Незнакомец из клуба, пошатываясь, шел следом и дерзко провозглашал спутницам Иры: «Вот провожу вашу подругу до дома, а возле подъезда поцелую! Помяните мое слово». Девушки хохотали, а сама Ира искрилась предчувствием чуда. Эти искры взлетали от ее глаз прямо в малиновое небо и там, в вышине, спорили с самим солнцем.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончилась учеба, и наступили серые будни. На работе Ира чувствовала себя не в своей тарелке среди угрюмых лиц, жадно подсчитывающих средства на счету. Она сидела вокруг прибитых, пыльных проектировщиц в растянутых кофточках с катышками и слушала нудные разговоры про то, что в салат «Оливье» лучше добавлять яблочко, а в соседнем магазине продают куриные окорочка по акции. Скулы сводило от скуки и невозможности изменить это тупое, покорное прозябание. Хуже всего было то, что приходилось слушаться и улыбаться, потакать прихотям этих глупых, неразвитых женщин. Даже самая последняя, неухоженная бабища в коллективе считала своим долгом изводить молодую специалистку неудобными вопросами.

— Ну, что там на личном фронте? Завела себе хахалю?

Ира краснела, сбивчиво оправдывалась:

— Нет пока. Не встретила свою судьбу.

Бабища махала рукой, скрипела огромным кожаным креслом и наставительно провозглашала:

— Судьбу будешь ждать — старой девой сгниешь. Под лежащий камень копейка не закатится. Сама же лично видела: Андрюша из отопленцев тебе глазки строил. Что стоило ответить? Не переломишься ведь от улыбки. Блинчиков бы ему принесла, котлеток. Смазала бы,

так сказать, винты и гаечки у холостяка. Мужика надо брать тепленьким, пока обращает внимание. А сиськи обвиснут — кому ты будешь нужна.

Ира мучилась, нервно перебирала руками. Этот самый Андрюша из соседнего отдела был вульгарным толстяком, изо дня в день изрекающим пошлости и сальности. Верхом его галантного обращения считался хлопок по заднице. Так он обычно признавался в любви зазевавшимся особам женского пола. Ира ненавидела его всем сердцем и всячески избегала. Однако заявить о своем настоящем отношении к этому пылесборнику мешала врожденная тактичность. И Ира краснела перед бабищей, унижалась без причины и лгала.

— Андрюша Ваш Светой-сметчицей давно увлекся. Я для него не гожусь. Ростом слишком высока, да и готовить особо не люблю. А Андрюша, насколько мне известно, любит плотно покушать.

Подобное заявление о полной непригодности на кухонном фронте привело к тому, что брови у коллеги сдвинулись в кучу, а глаза покрылись лаком презрения. Оттопырив огромную нижнюю губу, бабища протянула:

— Нууу, мать. Кому же ты такая нужна будешь? Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Да уж, Андрюшенька наш пожрать мастак. И правильно делает: хорошего человека должно быть много. А на тебя глянуть тошно. Мужики не собаки — на кости не бросаются. Иди и учись кулинарной науке, пока еще последний поезд не ушел.

Эта мерзкая, упитанная баба закидывала несчастную Иру шаблонными фразами, топила в бытовой пошлости гороскопов, прогнозов погоды, соусов для рыбы. Девушка возвращалась домой после работы с разбитым сердцем, выжатой до основания душой. Дни превратились в серый товарный поезд, бесконечно загораживающий горизонт и само небо. Да, Ира больше не замечала небо, совсем забыла про него, вычеркнула из сердца. Куда исчезли малиновые облака, золотистая нежность рассвета? Все померкло и растворилось в сумрачных буднях, прозябании и тщетном ожидании чуда на выходных.

Чуда не произошло. Бежало время, а Ира все так же оставалась одна. Коллеги подтрунивали за спиной и давно махнули на нее рукой. С кем ей было знакомиться, в кого влюбляться в этом затхлом подземелье без окон, без розовых облаков? Она словно попала в темницу провинциального города, без права на амнистию. Ира сплетничать не любила, особенно о людях, которые ей ничего плохого не сделали. Но приходилось работать бок о бок со злыми языками, насквозь пропитанными ядом. Калугина старалась избегать этих разговоров, а вскоре почувствовала, что к ней начали относиться, как к изгою. Отношения портить не хотелось, но и слушать эту болтовню, а тем более, участвовать в ней сил совсем не было. Ира молчала и ощущала вокруг себя непримиримую злобу, глухое отторжение. Она была чужеродным цветком в этом болоте, но раскрыться не могла, и стебель ее увял в этой клоаке всеобщей ненависти и злобы.

Однажды ночью Ире приснился страшный сон. Случилось это прямо в ночь после дня рождения, когда ей исполнилось сорок лет. Женщина смотрела в окно, и видела, что небо горит красно-оранжевым огнем. Это не был привычный рассвет с его пламенеющими красками. В воздухе запахло гарью, а вся поверхность горизонта скрылась за черной завесой дыма. Ира вышла на балкон и оцепенела. Она смотрела на соседний дом, а двери всех подъездов были открыты, и в воздухе зависла страшная, мертвая тишина. Калугина вдруг осознала, что ничего живого уже нет, и никогда не было! Ни людей, ни животных, ни птиц — никого. Тихо, и только ветер дует. Потом земля сморщилась, вспучилась и изверглись вулканы. После все исчезло.

Задышавшись от ужаса, Ира проснулась и быстро выпрыгнула из кровати, подбежала к окну. Она смотрела на пробуждающееся небо и не узнавала. Где яркие краски? Где вызывающая сила малиновых и спелых облаков? Тусклые небеса глядели на нее с грустью, обесцвеченные, выжженные, бледные. Они уподобились жизни без права на надежду. Ира продолжала брести в тумане жизни. Каждое новое утро женщина перед работой смотрела в окно, но уже ни разу не

видела прежнего буйства красок. Цветы завяли и засохли, шафран растворился в наваристом супе. Она напрасно ждала чуда, оно забыло дорогу к ее дому.

Однако спустя пару месяцев приоткрылось окно. Саша Носиков зашел в кабинет бодрой походкой, подмигнул дамам в кабинете и лихо представился:

— Я — ваш новый сотрудник. Прошу ненавидеть или обжаловать.

Ира очнулась и пристально уставилась на этого приятного мужчину. Он так выгодно выделялся в этом затхлом пространстве — сильный, уверенный, стильный. Пальто нараспашку, небрежные локоны на лбу, а, самое главное, в глазах незнакомца горел живой огонь. Тот самый огонь, который осветил эту пыльную каморку всего за одну минуту. С тех пор Ира не знала покоя. Саша... он был везде. Он виделся ей перед сном, заражал весельем, острил, строил озорные рожи, очаровывал даже самых безнадежных, узколобых дур. Бабища за соседним столом хихикала и отмахивалась руками от комплиментов, закатывала к потолку выпуклые глаза. Саша протягивал ей шоколадку и восхищенно шептал:

— Вы так прекрасны сегодня, Варвара Сергеевна! Вам удивительно к лицу этот фиолетовый шарфик. Само очарование! Вы решили разбить мое хрупкое сердце.

Толстуха лоснилась от удовольствия и тянула жирным голоском:

— Хи, хи, хи, наглый развратник! Знаешь, стервец, как доставить удовольствие женщине!

Подобное поведение было тем более удивительно, что раньше в круг удовольствий бабищи входила только вкусная, сытная еда. Ее не интересовали театры, книги, философские беседы, научные статьи. Лишь свиная рулька или парная котлетка вызывали неизменную улыбку и благорастворение на лице. Она обычно шептала после обеда, прикрыв глаза:

— Ах, какое же я получила удовольствие!

Словом, Саша нашел подход даже к этому черствому, низменному сердцу. А вот Ира его действительно заинтересовала. Тихая, серьезная молодая женщина у окна почти всегда молчала. Говори лишь ее черные, огромные глаза на бледном лице. Прекрасные глаза, наполненные грустью и обманутыми надеждами. Было в этой тонкой, изящной брюнетке нечто от былых эпох. В ней дремало время, когда барышни отправлялись за своими женихами в Сибирь, жертвуя положением в обществе, отрицая осуждение ближних, отдаваясь целиком своей единственной любви. Однажды Саша подошел прямо к столу Калугиной, сел на стуле рядом, а затем долго и внимательно смотрел ей прямо в глаза.

— Честное слово, есть в тебе что-то от тургеневских девушек. Та же тайна, та же скрытая сила. Что же тебя так гнетет, не дает покоя?

И Ира открылась. Ей вдруг до боли захотелось поделиться с Сашей своими тревогами, своим страшным сном. Он ведь такой умный, такой тонко чувствующий, такой внимательный! Носиков слушал, склонив голову, а после тихо, задумчиво произнес:

— Гол로그램 в подсознании! Известный голографический принцип вселенной. Волновая природа эфира. Ничего нет, совсем нет... есть только волны, точнее, материя со свойствами волны. Мы живем в поле высшего разума. Мы воображаем друзей, врагов и даже любовь. Все держится на вере: даже хождение по земле, даже привычное поедание сосиски в тесте. Мир есть проекция духа через призму сознания. Мир есть волна, иллюзия, сон. Тебе снится сон, что ты бодрствуешь. А бодрствуя, ты в реальности спишь. Научись управлять иллюзией — и ты спасена.

Ира слушала с замиранием сердца, любовалась черным локоном, упавшим на его лоб, его сухим спокойствием. Саша откинулся на спинку стула и уверенно, широко размахивал рукой.

— Материализация мысли зависит от концентрации ментальной энергии. Добавить плотности — и дело в шляпе. Воображаемое необходимо насыщать энергией до результата, оно должно подпитываться энергией сердца. Есть альтернативные реальности, они рядом с нами. Управляй, открывай и царствуй!

Ира смотрела на него и мечтала о той реальности, где Саша приносит ей цветы и признается в пылких чувствах. Он был для нее не просто коллегой, а Буддой, путеводной звездой, самой бесконечной вселенной. Мужчина отчеканивал слова, наслаждаясь тем восторженным впечатлением, которое вызывал у слушательницы. А она внимала, не смея вздохнуть, любовалась его гордой посадкой головы, его ленивыми, уверенными жестами.

Прошла неделя. Однажды Ира решила и испекла пирог с малиновым вареньем. Это было единственное блюдо, которое у нее выходило весьма искусно. Саше, вероятно, понравится: он ведь такой лакомка! С бьющимся сердцем Калугина подходила к комнате отдыха, где часто заседал ее мужской идеал. Ира наконец решила. Она должна была признаться в своих чувствах. Сил терпеть больше не было! Он поймет... он ведь такой умный, такой проныцательный. Саша не может не чувствовать их взаимного притяжения, симпатии родственных душ. Вероятно, много тысячелетий назад, когда на небе только проявилась звездная пыль, они уже знали друг друга. Именно отсюда их внезапное узнавание, близость взглядов, идей, устремлений, смыслов.

Дверь была открыта нараспашку. Прямо из проема доносился жидкий тенорок Андрюши, захлебывающийся смехом:

— Ну, поздравляю, брат! Алинка — вполне аппетитная телочка. Прямо-таки помолвлены? Ну что же: крупик округлый, бюстик выпуклый — все при ней. Вполне понимаю и нисколько не осуждаю! Одно плохо — старовата малость. Как-никак, уже тридцатник стукнул. А я вот если и решусь когда-нибудь окольцеваться, то выберу себе не старше двадцати пяти. Запах, понимаешь, уже не тот. Люблю, когда женщина пахнет сладостью. Чем старше — тем острее, копченее что ли. Кому нужна скумбрия вместо сирени? Согласен?

Раздался звонкий, залиvistый смех Саши.

— Ха-ха-ха. Да уж, мешать селедку под шубой с бренди крайне нежелательно — грозит несварением желудка

Ира оцепенела, застыла на месте. Окно в конце коридора сдавила темная, мутная пелена. Приближались сумерки. Она напрасно ждала яркое небо на рассвете. Закат не заставил себя ждать, а дождь полностью смыл его краски. Наступила серость. Ведь серость — это не хмурое небо, это даже не мокрый асфальт, это полное отсутствие цвета в сознании. Так утверждал Саша.

Нечаянная радость

Березовая роща убегала вдаль. Рельсы отливали серебром, а колеса стучали без устали. Вагон плавно раскачивался и трещал, а Димка Рябой, тощий и развязный парнишка в спортивном костюме, горланил под гитару блатные песни. Маша Строганова, тихая, скромная отличница с ужасом смотрела на компанию, в которой случайно оказалась. Парни и девушки ехали на дачу, оглушенные весенним счастьем и молодыми соками жизни. Громкие, безжалостные и неугомонные, они буквально терзали собой вагон, отравляли спокойный воздух электрички. Машу смущало все: и сальные подколки в ее сторону, и наглые торгаши, бодро пробирающиеся по вагону с колбасой и шоколадками, и неприятные песни, и шелуха от семечек под ногами, и карты, раскиданные на сиденьях, и глухо звенящие бутылки пива. Ей был чужд этот дикий разгул без правил. Маша привыкла прятаться в тихой комнате с книгой, рисовать, учиться, мечтать. Ее внутренний мир был соткан из призрачных грез и розовых облаков. А здесь был шторм жизни, грязный плевок в лицо. Если бы не Миша Букин, тихий, странный парень в углу сиденья, она бы никогда не решилась на подобную авантюру. Он пригласил Машу на дачу, а она не смела отказать.

В присутствии этого безмолвного парня девушка всегда терялась, забывала слова. Маша часто видела его в окне, и Миша ей очень понравился. Он был всегда очень отстранен, никогда не улыбался, темно-карие глаза смотрели с волчьим вызовом и злостью. Парень часто бродил под ее окнами, иногда бросал взгляд на Машу, но затем быстро отводил глаза и напряженно смотрел себе под ноги, а затем снова пристально в окно. Длилась эта бессмысленная прогулка часами. Затем Миша глубоко вздыхал и понурый, ожесточенный уходил обратно во двор к своим друзьям. Повторялось это немое топтание под окном месяца три. Маша писала стихи об этом загадочном парне, наделяла его свойствами Байрона и втайне мечтала о запретной любви за пределами теплой квартиры.

И вот наступила весна. Ручьи журчали под ногами, голуби ошалели от счастья, а солнце слепило так ярко, что хотелось кричать от счастья. Видимо, лед сдвинулся и в душе застенчивого подростка, потому что однажды утром он подошел к Маше и пригласил ее на дачу. И вот они ехали в этом шумном вагоне, и Маша не смела дышать от напряжения и страха. Она уехала втайне от родителей, сказала, что будет разбирать математику у Ирочки, своей лучшей подруги. Эта мелкая ложь душила чистое сердце. Девушка чувствовала себя неуютно и плохо, а карты хлопали о сиденье с глухим треском. Дурно пахло пивом и потом, а игроки, возбужденные, алчные, скидывали карты, затем снова набирали и без устали матерились.

Внезапно этот мутный, липкий дурман разрезал голос певицы, вошедшей в вагон. Темноволосая, высокая девушка улыбалась и нежно пела, и слова песни лились словно из другого мира, который остался на давно забытой станции.

— Жил был художник один,

Домик имел и холсты,

Но он актрису любил,

Ту, что любила цветы.

Он тогда продал свой дом,

Продав картины и кров,

И на все деньги купил

Целое море цветов.

Девушка рядом пронзительно взвизгнула:

— Прикинь, море цветов. Вот же дурак, гы-гы. Кому такой идиот сдался?

Димка Рябой оскалил желтые, крупные зубы:

— Кстати, актуалочка. Нужен совет дружеский: думаю пойти на свидание с четкой цыпочкой. Че взять: цветов или пивка?

Раздался гул голосов. Компания зашлась лошадиным ржанием, давала советы с циничным размахом:

— Бери и то, и другое — не ошибешься. Цветы — девушке, а себе — темного пивка себе для храбрости.

— Только огромную шаурму! А то вдруг она не бухает, а на цветы у нее аллергия.

— Если не бухает, то дура конченная, пусть проваливается. Хотя шаурму бери — это тема. А к шаурме — литрушку пива!

— Да, Димон, цветы точно не бери. Цветы сейчас стоят до фигища. Купишь толькодохлую хризантему в лучшем случае. Не позорься, сиди и передергивай дома, если цветы задумал. Да и вообще, цветы — бесполезные веники, уместны только на кладбище. Настоящей бабе надо пожрать с продолжением.

Девица рядом с Машей согласно затараторила:

— Верняк! Мне на день рождения часто дарят веники бездарные, а я сижу, смотрю на них и думаю: е-мое, столько денег угрохали на хрень, которая засохнет через неделю или две, а вот сколько макарон можно было бы затарить на эти бабки! Просто я практичная и не понимаю, зачем цветы дарить. Мне мой бывший вместо ссаных роз притарабанил как-то связку бананов. И на следующее утро он превзошел сам себя, написав мне что-то вроде «я — волосатая горилла, хочу тебя как сладкий банан». Вот это, я понимаю, высший пилотаж!

Маша слушала эти грубые мнения, и у нее кружилась голова. Хотелось убежать, скрыться в березовой роще за окном, больше не видеть этих пошлых лиц, пьяных глаз. Миша словно понял ее мысли. Он вдруг взял девушку за руку и вывел на перрон незнакомой станции. Запах алкоголя исчез, и воздух наполнился весенней свежестью, тихим, дурманящим счастьем. Они шли среди пробивающейся зелени, и сквозь стволы берез играли лучи солнца, путаясь в светлых волосах Маши, резвясь в напряженных зрачках ее спутника. Старушка на перроне продавала первые ландыши, и свежий, терпкий запах стоял в еще прохладном воздухе. Светлые глаза на сморщенном лице сияли добротой.

— Возьмите, деточки, цветы. Видите, какие бутончики беленькие, чистые. Христианское поверье говорит, что в светлые лунные ночи, когда вся земля-матушка еще дышит глубоким сном, Пресвятая Дева, окруженная венцом из серебристых ландышей, появляется иногда тем из счастливых смертных, которым готовит нечаянную радость.

Угрюмый парень вдруг неожиданно купил букет и протянул его раскрасневшейся Маше. В этот самый момент на его лице появилась теплая улыбка, и он ласково произнес:

— Вот и к нам с тобой пришла радость. Мы, наконец, вместе.

Когда влюбленные вернулись в электричку, то еще находились в тумане первого признания. Держась за руки, обмирая от нежности, они возвращались в грубую жизнь. В каком вагоне они были до этого судьбоносного выхода на перрон? Кажется, в третьем. Итак, первый вагон с сонными дачниками, второй — с унылыми рабочими, вот и третий. Ребята остановились, как вкопанные. Третий вагон был абсолютно пуст, лишь на отдельных сидениях дремали одинокие пассажиры. Они побежали в четвертый, в пятый — тщетно. Влюбленные так и не нашли своей разгульной компании. Громкий лай гитар исчез, как и растворилась наглая, развязная компания. Где они были? Куда пропали? Маша и Миша напрасно перебежали из вагона в вагон, возвращались в начало поезда. Друзья безвозвратно исчезли, словно они никогда не существовали. Они внезапно испарились, пытаясь не осквернять это хрупкое, внезапно возникшее счастье. Влюбленные несколько не жалели об этом. Они сели на свободное сиденье и долго смотрели в глаза друг другу. А ландыши окружали их первое чувство нежной, прозрачной сладостью. Как долго это длилось? Сложно сказать. Десять минут или целую вечность — разве это так важно в мгновение взаимных чувств? Они растворились во времени, слились с

дыханием вселенной. Танцуя в космосе, добрались до рая и исчезли, чтобы их никто и никогда не нашел. Но даже в раю существуют тени. Тень, перебившая аромат ландышей, склонилась над парой. Она дышала пивом, скалила желтые зубы:

— Вот они — голубчики, попались! С какого перепугу вы пропали? Ромео и его Жулька! Мы уже решили, что вы с концами спрыгнули на той станции. Все вагоны перерыли. Предупредить надо! Глянь ты — веник! Шуры-муры крутите втихаря? Крылышки расправили? А я вам крылышки сейчас живу отсеку. Выходим, спускаемся с небес, приехали! Станция — Земля.

Лестница в небо

В камине уютно потрескивали дрова. Покой обволакивал душу теплым одеялом. Хотелось наблюдать за призрачными искрами и слушать, слушать, слушать. Бабушка читала газету, съежившись в кресле. На коленях у нее сидел старый, глухой кот с оборванными ушами. Его знатно потрепала жизнь, этого рыжего пройдоху и негодяя. Знал он и ласки загульных дам, и степные травы, и драки до последней капли крови. Бабушка тоже видела многое. Васька и Петька уже знали об этом и теперь, сидя у камина, слезно молили:

— Бабуля, ну расскажи нам на ночь что-нибудь страшное!

Мария Сергеевна мягко улыбнулась.

— Поздно уже, милые. Спать давно пора. Завтра утром мне напомните.

— Ну, бабушка, ну, пожалуйста! Всего одну твою историю из жизни, а потом сразу спать! Даже Мурзик еще не спит, косит глазом. Он ведь тоже хочет послушать! Пожааалуйста!

— Ну, хорошо, всего одну расскажу. Быстренько ложитесь в кровати, и я начну.

Ребята не заставили себя ждать. Через минуту они уже лежали под одеялами, а глазки сияли любопытством. Мария Сергеевна отложила газету в сторону и заглянула прямо в камин, словно вспоминала что-то утерянное за пределами этого мира.

— Слушайте же. Случилась это по-настоящему жуткая история много лет назад. Была я тогда совсем маленькой девочкой. Да-да, не смейтесь. Это сейчас я сморщилась и окривела, а прежде была сущим пострелом. Отец называл меня Читой-дритой, потому что ни минуты я не могла усидеть на одном месте. Все мне было интересно, все радостно. И вот однажды, в сырой летний день, хотя я еще была достаточно мала для похода, мы отправились на остров. Переплыли на старой лодке реку, поставили палатки на берегу. Вся наша дружная семья была вместе в этом диком, почти необитаемом месте: бабушка, папа, мама, брат, сестра, и даже собачка Жулька бодро копала песок у воды. Жили два дня очень дружно и весело. Исследовали остров, плавали, ловили рыбу, варили уху, жарили шашлыки, запекали картошку. Песни, разговоры, шумный смех взлетали в ночное небо вместе с искрами костра.

Бабуля моя, царствие ей небесное, постоянно повторяла: «Лес — существо живое, древнее. Если приходишь в лес — обязательно поздоровайся с хозяином, расскажи ему о своих намерениях. Не шуми, не мусори, не ломай веток без нужды, не обижай птиц и животных, не разоряй гнезд и муравейников. Я по глупости малолетней считала, что бабуля бредит в силу возраста, и прислушиваться к ней — особого смысла нет. Показывала старушке язык и бежала к реке, с размаху прыгала в воду прямо в одежде, срывала кувшинки и кидала их на берег, где они засыхали на солнце, увядшие, грустные. Помню, отец хватал меня за косичку и выговаривал:

— Напрасно ты, Чита-дрита, не слушаешь бабушку. Она много пожила и еще больше знает. Земля на этом острове, действительно, непростая. Много веков назад здесь шли войны, весь этот лес залит кровью и страхом. К тому же в древние языческие времена здесь повсеместно применялись оккультные практики. Однажды и ты узнаешь то странное ощущение, будто кто-то незримый за тобой наблюдает. Что-то здесь не то, что-то здесь не так. Особенно остерегайся в этом лесу на острове одиноко стоящих лестниц. К ним лучше совсем не подходить.

Я смеялась и дерзко спрашивала, почему. Мне казалось, что папа напрасно сочиняет эти нелепые байки. Я ведь уже была достаточно взрослой, чтобы не вестись на рассказы о том, что коза ходит за малыми ребятами, чтобы бодать их в бок. Отец, однако, в тот момент почему-то стал особенно задумчивым и, качая головой, сердито ответил:

— Зря ты, егоза, хихикаешь. Во многих странах мира в лесах или национальных парках есть одиноко стоящие каменные лестницы. Некоторые из них очень древние, были возведены

тысячи лет назад. Объединяет их всех жуткая тайна, так как совсем неизвестно, что раньше находилось на этом месте, кто оставил эти странные сооружения в глухих местах. Иногда эти внеземные строения существуют всего несколько часов, а затем исчезают, оставляя после себя черные, выжженные пятна на поверхности земли. Словно их никогда и не было. Много, очень много людей пропало в этих лесах, и на месте их исчезновения часто видели эти странные, одинокие лестницы. Не пугайся, девочка. В большинстве случаев, если взобраться на эти ступеньки, ничего не произойдет, но лучше не надо пробовать. Чем черт не шутит!

В шумерской мифологии по лестницам спускались боги, чтобы общаться со смертными. В библейском сне Иаков видел ангелов, парящих по лестнице между мирами. В эзотерике лестница — путь к самосовершенствованию и инициация: чем выше ты идешь, тем ближе к тайне. Возможно, это портал, но портал в нижний астрал, в самый настоящий ад. Там все звуки леса исчезают, стоит только мертвая тишина. Тишина — это полное отсутствие жизни, ведь жизнь без звуков подобна самой смерти. Лестница в небо, вероятно, предназначена для человеческих душ, покидающих землю. Не случайно, взгляд умирающего устремлен ввысь, куда вскоре направится его душа. Лестница предполагает связь видимого с невидимым, возможность диалога духа и материи. Она похожа на путь от невежества к познанию, на мост между небом и землей, на связь между фантазиями и реальностью. Однако я отвлекся. Тебе всего этого еще не понять. Просто будь осторожна в этих лесах. Бабушка совсем не шутит, уж ты мне поверь.

На следующий день родители отправились на другой конец острова, а мы с бабушкой остались одни в палатке. Накапывал дождь, и отец не хотел, чтобы мы простудились. Но разве удержишь любопытное сердце прирожденной первооткрывательницы? Пользуясь тем, что бабушка задремала после обеда, я быстро натянула резиновые сапоги и старый дождевик, и, пробираясь сквозь густые заросли, храбро отправилась в лес искать волшебную лестницу в небо. Я взяла с собой два куска хлеба, огурец, нарезала колбасу, и считала, что этой незамысловатой еды мне вполне хватит до самого ужина. Меня разбирал смех, даже тряслись щеки. Мне искренне казалось, что я совершила неслыханную дерзость, так как обвела всех этих предсказуемых взрослых вокруг пальца. Когда мама и папа вернутся, я буду смирно сидеть рядом с бабушкой, а на все вопросы просто отвечу, что случайно заснула рядом на полянке. Сестра моя — мерзкая зануда, с ней даже не стоит делиться подобным вольнодумством. Сразу наябедничает, сорвет все планы. А вот Сашка еще слишком мал для подобных приключений. Нет, нет, пусть лучше сидят с бабушкой, справлюсь одна!

Душа моя обмирала от предчувствия небывалых чудес, и едва ли в моей жизни был еще подобный момент такой настоящей, безмерной свободы. Так хотелось найти это самое место без звуков, проход в мистическую бездну, где можно увидеть настоящего черта, и даже, если особенно повезет, дернуть его за длинный хвост с кисточкой! Вот такая я была дерзкая девочка!

— Неужели ты пошла совсем одна? — рыжая голова Васьки с недоумением смотрела на бабушку, — и тебе совсем не было страшно?

— Конечно, было. Мне почему-то казалось, что я могу навсегда пропасть, больше никогда не встретиться со своими близкими. Предчувствие чего-то непостижимого, губительного закрадывалось в мое сердце и сжимало его острой болью. Но гордыня толкала меня вперед, в самую чашу леса и я твердо шептала, стиснув зубы: «Подумаешь, еще каких-нибудь десять лет назад меня совсем не было. И меня это нисколько не смущало».

— Ну, бабушка, ты даешь!

— Сама от себя не ожидала такой прыти! И вот шла я, долго шла по этому темному еловому лесу, а под моими ногами трескали сухие ветки, скользила хвоя и мухоморы с красными шляпками ядовито улыбались моим шагам. Я тогда еще не знала, что древние шаманы, поклонявшиеся мухоморам, считали, что этот гриб открывает врата в другой план существования, врата, которые, по мнению мистиков, ведут прямо к Небесам и Богу. Я же просто прыгала

под дождем и сбивала шляпки грибов длинной, суковатой палкой, найденной в лесу. Внезапно я вышла на круглую поляну, окруженную валунами. Там стояли качели с ржавыми цепями и несколько деревянных беседок. Я села кататься, весело раскачиваясь, размахивая ногами и отдаваясь наглой беспечности момента. Кто поставил среди этого глухого леса качели? Что за шутник здесь резвился? Мне было ровным счетом все равно. Качели тревожно скрипели, взлетая к небесам, а я отдавалась полету, расслабленно закрывая глаза.

Спустя несколько минут меня начало пробирать странное ощущение, что я здесь не одна, словно нечто огромное, злое внимательно рассматривает меня сквозь еловые лапы, впивается в меня колючим взглядом. Ужас наполнил все мое существование, липкий, вкрадчивый, безотчетный. Я еще не знала Бога, но в тот миг мысленно начала молиться, быстро спрыгнула с качели, и начала спешно уходить, а ощущение взгляда стало еще пристальней, еще настойчивее. Потом правое плечо почувствовало холодное прикосновение чужой руки. Я оглянулась, но сзади никого не было. Оглушенная страхом, я побежала назад к реке, но только запуталась, забираясь все дальше в глухую, зловещую чащу. И вот, в самой глубине черного, промозглого леса я, наконец, увидела то, к чему изначально шла, к чему бездумно стремилась.

— Неужели там была лестница?

— Именно! Но едва ли это меня обрадовало. Мне так хотелось назад к бабушке, чтобы погреться у костра и забыть это незримую охоту за спиной. Но было слишком поздно! Темная сущность загнала меня напрямиком к сказочной лестнице. Та была из непривычного материала, имитирующего камень, со сложными, затейливыми узорами. Декоративная резьба на всей поверхности ступеней изображала причудливых ящеров, людей с вытянутыми головами, свешившихся чудовищ. Что-то незримое подтолкнуло меня к ступеням. Я не могла вернуться назад, не могла не подняться на ступени. Мое тело не слушалось моей воли, а невидимый охотник за спиной дул мне прямо в спину, подгонял к цели. Я сама не заметила, как преодолевала высоту шаг за шагом, и ступени гудели, ритмично раскачивались. Это была почти музыка, сложный, непостижимый ритм, полный прозрения, красоты, математики и высшей истины. Я вливалась в эту звенящую силу, в эту непостижимый, призрачный мир. После наступила полная тишина. Я так испугалась этого полного отсутствия звуков после небесной музыки, что потеряла сознание, а после очнулась в темной, идеально квадратной комнате. На всех стенах этого поистине дьявольского места были развешаны старинные портреты в деревянных рамах. Дамы в роскошных туалетах, кавалеры в офицерских мундирах окружили все пространство помещения. Они уставились на меня пустыми, черными глазами, сверлили отчаянной злобой. Я закрыла лицо руками, закричала, а затем стала отчаянно молиться, прямо как на поляне с качелями. Видимо, кто-то за пределами этого жуткого места сжалился надо мной. От страха, усталости и перенесенных страданий я, наконец, заснула. Утром меня разбудил яркий солнечный свет. Я находилась в покосившейся, деревянной хижине в глубине леса. И что вы думаете? На стенах не было ни единого портрета! Только многочисленные окна окружали меня, слепили лучами солнца.

Известно ли вам, мои дорогие, как быстро может бежать человек в минуту роковой опасности? Едва ли, я искренне желаю вам этого никогда не узнать. Пусть хранит вас провидение от такого сурового испытания. Да, я выбежала из леса. Меня нашли поздно вечером на берегу реки. Мама, помертвевшая, словно состарившаяся на десять лет, упала на колени прямо на влажный песок, и, рыдая на моей груди, обливаясь слезами, долго повторяла: «Мы думали, что тебя навсегда потеряли, мысленно простились с тобой. Целых десять дней, целых десять дней... Бог услышал мои молитвы и явил чудо!». Не передать словами, как я жалею об этой выходке. Как много горя я принесла близким, сколько страха натерпелась! И все потому, что совсем не слушалась взрослых. Никогда, никогда не повторяйте моих глупых ошибок, будьте хорошими мальчиками. А теперь пора спать. Спокойной ночи, милые мои. Спите сладко, а я буду охранять ваш покой.

Месяц за окном серебрился и важно прислушивался к треску камина. Мурзик спрыгнул с коленей, лениво потянул спину и приоткрыл правый глаз, проверяя мальчишек. Те, затаив дыхание, глубоко задумались. Бабушка подошла к кроваткам, поцеловала внуков и, потушив камин, отправилась спать. Как только хлопнула дверь, вихрастая голова Васьки вынырнула из-под одеяла.

— Петька, дрыхнешь?

— Неа.

— Слушай, малой, завтра рано с утра скажем всем, что пошли на рыбалку, а сами двинем в лес. У берега давно привязана старая лодка. Страшно хочется на ту лестницу глянуть. Вдвоем мы этого незримого охотника легко размажем. Бабуля ведь одна бродила, да еще девчонка. Что с этих девчонок взять? Визг один, треск, как у воробья под коленкой. Что думаешь?

— Дааа, дело стоящее. Только разбуди меня, не забудь.

Вскоре мальчики заснули. Им снились воздушные шары в виде мухоморов и огромные качели, взлетающие прямо до небес. Равномерно тикали часы на столе, а Мурзик, сидя на полу и почесываясь от блох, косил зеленый глаз прямо на стену. Что он там видел, кого воображал? Ведь на стене ровным счетом ничего не было. Или это только казалось.

Обещание

Две недели назад не стало бабушки. Почти до самой смерти Антонина Константиновна находилась в ясном уме и здравой памяти. И хоть я прекрасно понимала, что возраст преклонный, а все мы смертны, но разве действует сухая логика в минуту расставания с самым близким, самым родным человеком? Перед смертью она лежала в кровати и нуждалась в моей помощи, а вечером, когда на улице зажигались первые фонари, мы долго беседовали, поднимали темы о скоротечности земной жизни, стремительно приближающейся смерти. Ее невозможно было избежать, а раз так, то мы решили следующее: когда бабушка уйдет за пределы физического существования, то она обязательно подаст мне знак с того света, каких усилий ей бы это не стоило. Откинув голову на подушку, бабушка закрывала выпуклые серые глаза и тихо бормотала:

— Даю тебе твердое обещание: я обязательно тебя навещу, если это действительно возможно. Не волнуйся, я сделаю это предельно аккуратно, чтобы не испугать. Я дам тебе знать, что я продолжаю существовать. Как? Я, если честно, еще сама толком не знаю. Там увидим.

Я холодела от предчувствия чего-то горького, непоправимого. Разлука была так близка, а я была так одинока. Что мы могли знать? Ровным счетом ничего. Как слепые котят, мы тыкались носом в эту короткую вспышку скоротечной близости. Бабушка открыла глаза.

— Помнишь, когда ты была совсем маленькой, я выращивала в палисаднике ситчики? Много их было.

— Флоксы?

— Да, их еще так называют.

— Конечно, помню, бабуля. Как же я могу забыть? Я бродила среди их буйного, яркого цветения и чувствовала себя очень счастливой. Детство, милое детство. Оно заканчивается, когда впервые понимаешь, что рано или поздно умрешь.

— Все мы там будем, нечего роптать и сокрушаться. Лучше послушай, что я тебе расскажу. На Руси существовала одна легенда. Правда это или нет — кто же теперь разгадает. Жила-была на селе искусная девушка-портниха. Славная была красавица, первая мастерица среди подруг. Встретился ей ласковый парень. Все при нем: ростом высок, а глаза как бескрайнее, голубое небо. Влюбились в друг друга до беспамятства. Люди часто видели голубков возле реки, где они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Спустя короткое время решили сыграть свадьбу. Но злодейка-судьба позавидовала их счастью. Забрали жениха на войну, там и сгинул. Осталась портниха одна. Выплакала она все глаза по любимому. Забыла и голубое небо, и реку, и ласковый ветер. Сидела с утра до вечера у окна, обшивала людей, чтобы вырвать из памяти свое черное горе. Иголка мелькала в ее руках, а глаза застилали горячие слезы. И вот однажды, когда несчастная снова шила, из глаз ее упала слеза прямо на землю-матушку. И в этот самый момент вырос из земли чудесный, невиданный прежде цветок. Пламенный, как любовь в ее сердце, огненный, как капля его крови. Да, ушедший на тот свет не мог написать ей письма, но пришел другим способом, все-таки напомнил о себе. С тех пор в ее саду всегда росли эти яркие цветы, отзывались жаром на каждую оброненную слезу. Поверь мне: ничто не уходит в никуда, ничто не исчезает бесследно. То, что хранит сердце, будет жить вечно. Жди меня. Я обязательно, непременно докажу тебе это.

И я ждала. Похоронили бабушку, как и положено, на третий день. Я часто приходила на кладбище в то время. Наступили холодные, морозные дни. Деревья в белой бахrome трещали от стужи, а сердце словно застыло от невозможности изменить настоящее. Я стояла на могиле и тихо шептала:

— Бабуля, что же ты не подаешь мне никакого знака? Ведь мы же договаривались, что ты придешь, не забудешь меня, навестишь.

Слезы лились из моих глаз прямо на снег, но разве могут цветы победить суровую неизбежность зимы? Ответа не было. Я навсегда осталась одна. Вернувшись домой, упала ничком на кровать, накрылась с головой одеялом и долго, мучительно прорыдала целый вечер. Обесилев от слез, я сама не заметила, как провалилась в глубокий, обволакивающий сон.

— Просыпайся, девочка. Это я.

Я вскочила с подушки и уставилась на гостью. Передо мной сидела улыбающаяся бабушка. Да, это была точно она, но такая молодая, такая красивая! Ей было не более тридцати лет, а ведь умерла она ближе к ста! На ней было длинное белое платье с вышивкой, а густые золотистые волосы словно светились в сумраке комнаты.

— Бабушка! Ты пришла!

Я кинулась к ее коленям, спряталась лицом в складках платья, смеялась от неожиданного счастья. Слезы исчезли из моего сердца. Было так легко и славно сознавать, что она снова жива, что я ее действительно вижу!

— Ну конечно, моя Леночка. Здравствуй, моя родная. Наконец-то я могу поговорить с тобой. Только так и можем теперь разговаривать.

Я вскинулась, побежала за бумагой и ручкой. Пальцы мои дрожали, и я все время повторяла:

— Это же чудо, что мы можем поговорить, что я слышу тебя. Я обязательно должна все записать.

И я задавала вопросы, записывала, а она спокойно отвечала, словно никуда уже не торопилась. Я слушала эту подробную, детальную лекцию об устройстве мироздания и поражалась, как много она знает, как развернуто и уверенно отвечает. А ведь прожила всю свою жизнь в деревне, образования совсем не имела. Откуда такие познания? Я искренне восхищалась:

— Бабушка, как много ты знаешь! Кто тебе об этом рассказал? Где ты сейчас живешь?

— Живу в небольшом белом доме с голубыми ставнями. В нем всегда светит солнце и много цветов. И да, там по-прежнему растут наши любимые ситчики. Куда же я без них? Хожу в школу, учусь, вспоминаю прошлое. Я ведь так много забыла при жизни. Надо восполнять пробел. Как только припомню — сразу пойду работать.

— Работать? Куда?

— Еще пока не решила. Но точно знаю, что только туда, где будет хорошо моей душе. Работа без любви подобна тюремному заключению, верно? Мы выбираем лишь то, что действительно важно и нужно. Здесь мы не теряем время на всякие ничтожные глупости.

— А как понять, глупость это или нет?

— Это легко. Когда плывешь против течения — тебе становится тяжело. Главное, выбрать правильный ключ.

— Ключ?

— Да, именно. Иногда в школе мы ходим к воротам, перебираем огромные связки ключей. Рано или поздно дверь обязательно откроется. Но ключ всегда один. Только он поможет человеку настроиться на определенный уровень сознания и получить доступ к более глубоким сторонам понимания мира. Ключ навсегда закрывает наши страхи и сомнения. Просто знай о том, что все твои слабости закрыты на замок, а ключ только у тебя. Твой собственный путь к просветлению.

— Тебе нравится перебирать ключи целыми днями?

— Да, нравится. Мне здесь все очень нравится. Я действительно счастлива и свободна.

— А религии? Ты узнала, какая из них единственно правильная?

Бабушка опять улыбнулась. Глаза ее устремились в небо.

— Поверь мне, все не так, как мы себе представляем. Нет ни христианства, ни ислама, ни буддизма, ни иудаизма. Есть только единый источник, всеобъемлющий свет, из которого мы все состоим. И все мы — части единого целого. Но это только в школе. Пока мы ученики,

мы пребываем в уютном, мягком свете, как в утробе матери. Но есть нечто за пределами этого теплого кокона. Я это твердо чувствую, я почти близка к разгадке. Свет — это приманка для души, чтобы она снова вошла в цикл перерождения, не осознав своей истинной природы. Когда бабочка бездумно летит на свет, она автоматически соглашается на новый контракт, на новую жизнь в ограничениях, забывая, кто она на самом деле. Ведь так легко потерять себя в праздной неге.

— А ты? Что решила ты?

— Я не тороплюсь. Я думаю. Я все еще подбираю ключ.

В окно скользнул утренний луч солнца, и я медленно открыла глаза. Я снова проснулась, а бабушки рядом уже не было. Осталось только послевкусие гармонии и умиротворения, которые я ощущала в процессе этого разговора. Сон закончился, но сохранилось нечто за пределами ночного забытья, нечто, что безмолвно взывало к вечному возрождению. На стуле рядом с диваном лежал ярко — малиновый цветок. Он горделиво отрицал забвенье, утверждая вечную жизнь.

Застывшее время

Теплый июньский дождь стучал по крыше дачного домика. В темных сумерках пахло жасмином и свежескошенной травой. Леонид Николаевич Смяглов, плотный мужчина в светлом льняном костюме, откинулся на спинку плетеного кресла и умиротворенно провозгласил своему другу:

— Скоро, по всей видимости, уже закончится. Уже не так лупит, как после ужина.

Виктор Александрович Востриков, худощавый брюнет с усиками и очками, сидел напротив, поджав под себя длинные ноги. Ему страшно хотелось снять промокшие от дождя кроссовки и просушить стопы, но врожденная деликатность не позволяла сделать этот незначительный каприз в присутствии посторонних людей. Он так долго добирался сюда в душной электричке, а затем бежал от дождя по полю, что ноги изрядно пропотели и грозили нарушить умиротворение вечера. Виктор Александрович маялся, но стойко терпел. Его приятель, в мягких домашних шлепанцах на босу ногу, наполнялся сытым блаженством после недавнего ужина.

Вскоре дождь действительно прекратился. Капли дождя стекали по стеклам, а небо очистилось и наполнилось влажными звездами. Юлия Константиновна, супруга Смяглова, принесла чай, бодро расставляла конфеты, варенья, теплые пирожки. В воздухе пахло влажной сладостью, медом, сливками, выпечкой и мятным чаем. И все бы было хорошо, если бы не эти проклятые, влажные носки! Исправила неприятную ситуацию жена друга, кинув пронизательный взгляд на поджатые ноги гостя. Внезапно женщина расхохоталась.

— Витя, ну что ты мучаешься? А ты, остопоп, и не замечаешь смертных мук на челе друга. Сходи наверх, переоденься, наконец. Я тебе там кинула на кровать спортивный костюм. Одежда моего благоверного, обладающего при любой погоде отменным аппетитом, тебе точно впору будет. Ну, в кого ты такой скромняга? Сидит, лапки поджал, и ни гу-у.

Виктор Александрович с благодарными, сияющими глазами кинулся наверх. Спустя всего двадцать минут он, свежевымытый, переодевшийся, с удовольствием развалился в кресле на веранде. Ощущение чистого, сухого белья на теле, благословенной свежести после зноя дня, сытости и присутствия друга приводило его в восторг. А впереди еще чай, свежее испеченные пирожки с повидлом! Это ли не простое, человеческое счастье? Глядя на Леонида Николаевича благодарными, щенячьими глазами, Востриков ликовал:

— Эх, Ленка, как здорово, как невозможно приятно жить! В саду сейчас мокро, деревья трясутся от сырости. А мы с тобой в надежной гавани, как два пришвартованных корабля. В уюте, в теплой роскоши домашнего очага. Да еще и такие деликатесы вокруг! Вот ты не ценишь все это, разопсел в край. Для тебя вот этот священный пирожок — сушья безделица. Случайный кусок испеченного теста — не более того. Свинтус ты, вот ты кто, и всегда им был.

Востриков с наслаждением откусил край мягкой сдобы и закрыл от умиления глаза. Леонид Николаевич захохотал. Его красные щеки запрыгали и затряслись.

— Ешь, ешь, сирота ты моя непутевая. Вот найдем тебе путную бабешечку — и ты воспаришь гордым ястребом. А пока воробушек щипаный — наворачивай, не стесняйся. Юлька моя в этом деле мастерица. Ты бы еще отведал ее щец с телятинкой — дикое, первородное наслаждение. Богу душу можно отдать за одну тарелку! Эх, хорошо все же сидим. А небо какое, небо! Звезды чистенькие, словно сами водой окатились, улыбаются так по-детски. Да и время как будто замедлилось, запуталось в кружеве занавесок. Смотрит на нас сердечное, любит, как в чашках остывает чай. Хорошо, Витька, чудо как хорошо!

Виктор Александрович, довольный, раскрасневшийся от чая, согласно кивал. Его тянуло на философские размышления в этот июньский вечер, пропитанный покоем и благодатью.

— Да уж, время — штука странная. Разница между двумя секундами и двумя неделями не так уж и велика, сказать по правде. Все зависит от дел, свершившихся в этот период. Эти дела изменяют нашу реальность. Мы строим бытие, существование наше этими значимыми, запоминающимися действиями. Ведь кажется: что такое эти две секунды? Пыль, финтифлюшка паршивая. То есть за две секунды мало что может измениться в нашей реальности, а вот за две недели горы свернуть позволено при желании. Как бы не так, Леня, как бы не так! Ах, сколько всего можно совершить за эти две случайных секунды! Можно всю жизнь перевернуть с ног на голову, взорвать предначертание человеческое. И вообще, знаком ли тебе загадочный эффект замедления времени? Случалось соприкоснуться?

— А то! У меня так замедлилось время, когда я в детстве наблюдал за шаровой молнией, залетевшей в дом. Она очень медленно облетела меня вокруг и потом мгновенно метнулась к двери, убив на кухне кота. Так и окошел без покаяния. У него, вероятно, время бежало в привычном ритме. Потому что тварь неразумная, мистикой не увлекался. Жрал сметану на столе, а явления таинственные пропускал мимо ушей. Вот и настигла его кара небесная. Остались от подлого паразита лишь усы копченые, да глаза навывкате. Ха-ха-ха.

— Нет, нет, Леня, только не смейся. Ничего смешного здесь нет! Я внезапно задумался на счет ощущения времени за две секунды и за две недели. А ведь действительно, вспоминая момент двухнедельной давности, понимаешь, что эти две недели прошли, как две секунды. Разница лишь в том, что появились какие-то несущественные, блеклые воспоминания. Конечно, для человека есть разница между двумя секундами и двумя неделями, но отличаются они не только количеством произошедших событий, но в первую очередь эмоциями, которые эти события окрашивали. Бывает череда серых, бесплодных дней, ничем не отличающихся друг от друга, а бывают даже краткие по времени события, которые вспыхивают яркими искрами, а запоминаются навсегда. Не зря говорят: жизнь — не те дни, что прожиты, а те, что запомнились. Именно поэтому нас сейчас так радует чистое небо после двух недель сплошного дождя. Мы насыщаем наше время эмоциями, наполняем его энергией и смыслом, делимся друг с другом, растем и постигаем скрытую истину. Разве не так?

— Все именно так, Витя, как ты говоришь. — Юлия Константиновна, невольно подслушавшая беседу двух друзей, села на кресло рядом. — Мир наш непостижим, но взывать к моему супругу после плотного ужина — затея пустая. Он тебе и про кота околевшего байку придумает, и поглумится над высоким слогом. Он и сам как тот кот — насыпать ему корма в миску, обеспечить теплый лоток, диван предоставить — он и доволен, большего не требуется. Ууу, глаза бесстыжие!

Муж благодушно рассмеялся.

— Радуйся, Куся, что в тапки не гажу. Благородный, породистый, воспитанный экземпляр. Ха-ха-ха. А знаешь, Витя, у кого самые счастливые и толстые коты? У ворчливых старушек со склерозом.

Юлия Константиновна показала язык, хлопнула мужа полотенцем по голове и убежала в дом к детям. Внезапно Смяглов стал серьезным и, взглянув в ночное небо, глухо пробормотал:

— Да, это все шутки, конечно. А что такое шутки? Это наш суетный способ заглушить боль. Инстинкт самосохранения, можно сказать. Дааа, крепко меня зацепили твои слова, Витя. Открою тебе страшную истину. Времени не существует. Но что существует, так это сложные умозаключения ума и вера в его проекции. Время это проклятущее живет по своим законам, бежит или останавливается в зависимости от того, в каком состоянии находится наш ум. Страшно все это, а страшно, потому что непостижимо. Не знаю, почему людям, собственно, страшно. Станные... Бояться надо маньяков или живых убийц, а также собственной дурости, пошлости, подлости, ханжества и невежества. А все эти домовые, вампиры, пришельцы и так далее — полная ерунда. Ну, пропали и пропали. Ну, появились и появились. Народ любит создавать себе проблемы на пустом месте. И вместо того, чтобы копать в неизвестном направ-

лении, трясется как последний клоп на ветру. Все, что находится за пределами нашего убогого понимания, граничит для нас с опасностью для нашей случайной, ничтожной жизни. Противно, Витя! Чувствую собственную слабость, а ничего поделать не могу.

Виктор Александрович вскинулся и задрожал от внутреннего напряжения.

— А может, и не зря страшно, а, Леня? Есть мнение, что нашу бедную планету уже очень давно захватили инопланетные паразиты, которые питаются густой, черной энергией страха, мучений, сомнений, тоски и смерти. После смерти физической оболочки душа попадает к ним, где у нее стирается память. И после эти высшие существа обнуляют твоё сознание и отправляют душу назад на землю, чтоб добыча этой энергии длилась бесконечно. Не вырваться из этого конвейера страданий человеческих. Только подумай, осознай! Понятно, что и мучители наши не без греха, допускают ошибки. Поэтому и случаются сбои в виде воспоминаний о прошлых жизнях, эффекта замедления времени. Человечество бьется, убивает друг друга, развязывает кровавые войны лишь для того, чтобы злобная сволочь кормилась и жирела. Эти паразиты создали матрицу, компьютерную программу, по законам которой наше рабское человечество и живет. Точнее, не живет, а тщетно пытается выжить. А что, если нет никакой кармы и накопления опыта при многочисленных воплощениях? Иначе, зачем тогда убирать нашу память, начинать все заново, без права на свободу воли?

— Все может быть, друг мой. Слепые мы, слабые твари. А вот тебе доказательство твоих слов, но уже без шуток. Был со мной случай в детстве. Приехали мы с мамой в гости к каким-то дальним богатым родственникам. Один раз их навестили, да и зашли всего на час, но запомнилось мне это событие на всю оставшуюся жизнь. Станный это был дом. Словно и не дом вовсе, а самый настоящий музей. Стекло-ванные шкафы со старинной посудой, фарфоровые статуэтки, картины в массивных позолоченных рамах. Тетя, полная, благообразная женщина с пышным начесом, потрепала меня по щеке и сказала, что скоро будем пить чай. Мама пошла на кухню, чтобы помочь хозяйке, а я на минуту задержался возле огромного дубового шкафа с фарфоровой супницей за стеклом. Не знаю, что со мной произошло в тот момент, но мне страшно захотелось посмотреть, что там внутри, под ее куполообразной крышкой, прямо руки зачесались от любопытства. Мне почему-то казалось, что там спрятался дух этого зловещего дома, сам домовый. Я не удержался и, приоткрыв шкаф, взял крышку в руки, и в этот самый момент меня позвали на кухню. Я так вздрогнул от неожиданности, что противная крышка выскользнула из рук. Я с ужасом замер, наблюдая за ней. Я словно остолбенел, превратился в намагниченное облако.

Клянусь тебе — время буквально остановилось, замедлилось, стало густым и плотным. Оно застыло как свиной холодец. Я не отрывал взгляда от крышки, а она все падала, бесконечно парила, медленно и аккуратно, как в тяжелом сне. Это звучит безумно, но комната в тот момент словно сжалась, съежилась, а громкость звуков погасла. Наступила полная тишина. Даже шума движения крови в своей голове не было слышно — абсолютная тишина. Я посмотрел на потолок и заметил, что он вдруг дал трещину. Словно бутон цветка лопнул, раскрылся, и в сторону от разлома взлетели серебристые искры. Цветная картинка мира изменилась на черно-белую. Воздух сгустился, затем зашипел, как в старом советском телевизоре при плохом сигнале. И вот из трещины стали выходить нелепо вытянутые люди в серебристых костюмах. Они мерцали и распадались, а глаза на размытых лицах глядели сурово, злобно. В этих стальных зрачках совсем не было жалости к нашей реальности. Они разрезали физическую материю случайно, и теперь винили не себя, а меня в этой нелепой случайности. Один из пришельцев, более плотный и темный, сказал звенящим голосом:

— Непредвиденное смещение. Закрывайте пролом. Стирайте.

И они прошли сквозь меня, ускользнули в серебристую бездну, а в эти жуткие, короткие, но самые бесконечные секунды в моей жизни я понял все. Я вдруг осознал, что могу задавать любые вопросы. И хоть душа моя скатилась в самые пятки, но любопытство, к счастью,

пробудилось. Первый раз я спросил, кто я такой. И тут же я осознал себя как единое целое, как личность. А второй вопрос был — как я буду жить? И у меня перед глазами пронеслась вся моя предстоящая жизнь — спрессованные события из моего будущего. Как будто передо мной прокрутили на большой скорости киноленту. Словами это не описать, да и слов таких нет, наверное, в человеческих языках... Это был как бы столб из концентрированных событий моей предстоящей жизни, уходящий высоко вверх. Позже я очнулся на кухне с чашкой чая в одной руке, и сдобной булкой — в другой. И не помнил ровным счетом ничего из открывавшегося передо мной будущего, как ни силился напрягать память. Как был болван, так и остался! Игрушка покорная, сырьевой придаток для паразитов. Так что судьба, Витя, наверное, действительно существует. И нет нам из нее выхода во веки вечные. Кто были эти пришельцы? И чем они питаются на самом деле? Энергией солнца, грозowymi разрядами или нами? Как думаешь?

Виктор Александрович задумчиво покачал головой.

— Бог его знает, Лень. Не нами это все устроено, не нам и прозревать. В древних текстах сказано про одного мудреца, который мог переносить свое внимание по другим параллельным реальностям. Как он это делал? Просто закрыванием и открыванием глаз. Когда его спросили, сколько таких реальностей существует, то он ответил, что столько, сколько зерен в мешке. В каждом театральном зале есть «мертвые зоны». Что бы ни происходило на сцене, зритель как бы не воспринимает информацию в этих загадочных местах, не видит постановки. Думаю, если представить себе нашу жизнь, как большой зрительный зал, то мы с тобой пока сидим в этих самых слепых местах. Порой очнешься от собственной дремоты, а за пределами нашего сна исполняется нечто грандиозное, тайное, наполненное звуками и смыслами. А затем снова наваливается дремота, снова клубится туман невежества.

Сонные кусты за верандой мягко шелестели от ветра. Все так же пахло жасмином, мятой и свежескошенной травой. Клоныло ко сну. Мокрые звезды в небе жмурились и мягко шептали: «Спи, спи, спи». Серебристый свет луны разрезал облака и опускался на плечи сада. Наступила ночь.

Шиповник

Август всегда наполнен предчувствием разлуки. Последние звуки лета скользили по сухой траве и еще пока теплой земле, врывались птицами в раскрытые окна. Аня и Сергей бродили в густой тени деревьев, вместе собирали шиповник. Их любовь началась внезапно, в самом начале весны. Когда они увидели друг друга, мир словно замер на полуслове. Сердце билось невольно, слова забывались. Впервые в жизни хотелось делиться, растворяться, а не требовать, забирать.

Пробежала весна, почти отгорело лето, а они все так же терялись в тенистой аллее, срывая плоды своей любви. Ягоды шиповника алели в ладонях, а в воздухе, тенистом и свежем, дрожала прохлада. Как много следовало сказать друг другу, как много следовало объяснить. Но они обычно молчали, пробираясь сквозь колючие кусты, или болтали на отвлеченные темы. Вот и сейчас Сергей бережно срывал ягоды, передавал их Ане и, улыбаясь, говорил:

— А знаешь, мне кажется, что это своенравное, гордое растение будет всегда хранить нашу любовь. Мне почему-то так подумалось.

— Какой ты глупый! Мы так нуждаемся в охране? Боишься меня потерять?

— Нет, я доверяю тебе, Анечка, но да, ты права, постоянно боюсь. Чего, спросишь ты? Я и сам до конца не знаю. Но каждое утро просыпаюсь с мнительным страхом за наше будущее. Мы настолько счастливы, что лучше уже не будет. Если бы мне сказали пару лет назад, что я испытаю подобное, я бы рассмеялся, отмахнулся, не поверил. Мне так хорошо, что не смею дышать, опять не смею верить. И вот я боюсь неведомого, становлюсь мнительным ипохондриком. Я почему-то считаю (только не смейся), что можно самого себя сглазить. Сколько себя помню, начиная с детства, столько остерегаюсь будущего. Как только что-то хорошее со мной случается, а я этому искренне радуюсь, обязательно вскоре все исчезает, портится, разлетается в прах. Так было с образованием: очень радовался, что поступил на бюджет, и все пять лет университета были каторгой. Радовался, что быстро нашел работу — оказалось, что не серьезная контора, а рога и копыта. Радовался, что нашел близкого друга на работе — тот уехал в далекую страну. А что, если и ты меня бросишь? Вдруг я стану тебе не интересен? Что со мной не так? Кстати, если радуюсь за других людей, у них ничего не меняется. Почему? Что же это такое, и что же мне делать со своими эмоциями? Грустить всю жизнь?

Аня, прекрасная, тонкая, почти воздушная в светло-зеленом платье из ситца, ласково смеялась и трепала его чуб.

— Балбес ты мой ненаглядный! Ну, что же может случиться? У тебя просто завышенные ожидания от реальности. Ты придумал себе иллюзорный мир, которого не существует. Посмотри: вот она — я. Ничего во мне нет такого исключительного, чтобы бояться, что я убегу с первым встречным. Ножки-спички, маленькие глаза, редкие волосы. Тоже мне, нашел идеал! У меня и поклонников-то толком никогда не было. Ты — первый, ты — единственный. Как же я могу от тебя уйти? Полный бред!

И она целовала Сергея в темные глаза, в губы, в щеки, а он представлял, что каждый поцелуй последний, и крепко сжимал в своих руках подвижное, теплое тело, жарко шептал:

— Не бред, у меня так постоянно. Если очень радуюсь предстоящему событию, то непременно все пройдет плохо, если отношениям, то все разрушается. Никому ничего не рассказываю в последнее время, но все так же. Проклят я, Аннушка, точно проклят. Даже этот шиповник рядом с нами тому подтверждение. Неспроста он появился! Шиповник издавна считается «нечистым» растением, он растет на границе земного и чужого мира. Следит за нами с тобой, ухмыляется. Видишь, как кустится, всю аллею собой заглушил. Знаешь, существует старинное народное предание, повествующее о том, как Сатана вздумал вернуться на небеса, а Господь не позволил. Лукавый хотел взобраться по шиповнику прямо на небо, как по лестнице. Бог

разгадал замысел Люцифера, и по Его велению ветви растения пригнулись к земле, не дав изгнаннику вернуться на небеса. Как бы не украл этот шиповник наше с тобой небо.

Аня отмахивалась от грустных слов, бросала ягоды в пакет, хохотала:

— Отстань, Сережа, тебе точно лечиться надо с твоими упадническими настроениями. Просто радуйся жизни, пока она есть. Иначе, зачем вообще жить, если радости никакой? Другое дело, что жизнь, действительно, не сказка, сказочных отношений не бывает. Мужчины и женщины — обычные люди, со своими тараканами, ошибками, желаниями и стремлениями, а не принцы и принцессы из сказочных снов. Смотри, даже ягоды на ладони разные: крупные, мелкие, круглые, вытянутые. Так и люди — нет идеальных, все отличаются, все вразнобой. Просто иногда попадают в один пакет. Ух, какие старые кусты, даже выше моего роста. Ну-ка, помоги лучше достать!

Сергей послушно тянулся, срывал спелые ягоды. В одном месте, где аллея делала небольшой изгиб, между шиповником рос большой боярышник. Девушка ткнула в него тонким пальчиком и наставительно произнесла:

— Вот видишь: не только твой пособник Сатаны здесь обитает. Есть и другие растения, более дружелюбные. Нечего видеть знаки там, где их нет. Все случайно в этом лучшем из миров. Расслабься и просто люби меня.

Они долго целовались в сумраке листвы, обещали друг другу гореть, не сгорая. Столько любви и чувств Сергею никто и никогда не давал. За это лето не было даже намека на измену или что-то подобное. Аня редко подпускала к себе людей, близких друзей почти не имела. Что было дальше? А дальше наступила осень, и вместе с ней закончились теплые дни, полные нежности, любви и взаимного счастья. Аня поехала на море, а вернулась совсем иной. Она избегала встреч, прятала взгляд. Ее заразительный смех пропал, а глаза, всегда солнечные, сияющие, странно потускнели. Сергей пытался вывести девушку на серьезный разговор, но та лишь отмахивалась, постоянно повторяла:

— Не лезь ко мне. Ты же знаешь: ты самый лучший в моей жизни, самый любимый. Я уже устала от твоих мрачных предчувствий. Сил нет терпеть! Ступай же, ступай. Дай мне побыть одной. Тебя слишком много.

Сергей понял, что ее мучает совесть, и она не может этого скрыть со своей чистой, неиспорченной душой вчерашней девочки. Аня злилась не на него, а на саму себя, это было очевидно. На следующий день он вывел ее на разговор и тут же пожалел об этом. Закрыв лицо руками, девушка призналась:

— Милый мой, хороший. Прости меня, пожалуйста, прости. Я сама не знаю, почему я кидаюсь на тебя. Виновата только я, только я, и никто другой. Я ведь и не знала, что такое любовь. С тобой я чувствовала настоящее родство душ. Ты всегда меня понимал, всегда поддерживал. Когда я начинала предложение, ты его сразу продолжал. Ты читал мои мысли, а я чувствовала себя так уверенно, так свободно. Я смотрела в тебя как зеркало, а видела свое отражение. А потом встретила его. Он совсем другой. Злой, непредсказуемый, властный. Мне с ним сложно, больно. Он хуже тебя, в тысячу раз хуже. Я это прекрасно понимаю, но сделать ничего не могу. Я не сплю ночами, терзаю себя, мучаю, ругаю, но избежать этого внезапно вспыхнувшего чувства невозможно, как невозможно перестать есть, пить, дышать. Отпусти меня, Сережа, молю тебя! Я сама себе противна сейчас. Не трогай меня, не жалея. Просто отпусти, так будет лучше для всех нас.

Сергей не понимал, что случилось, долго пытался ее вернуть, напрасно выслеживал у подъезда. Аня пропала, переехала в другую страну. Однажды друзья обнаружили Сергея рано утром на скамье возле ее дома, забывшего про время, еду, сон. Их возмущению не было предела.

— Да ты пойми, идиот, что надо забыть про эту стерву, вырвать ее из сердца. Будь мужиком, соберись, тряпка. Женщина либо верная совсем, либо у нее случается, что «нахлынуло»

перевешивает любые действующие отношения, и даже если эта сволочь вернется, то такие ситуации будут постоянно повторяться. Там выпила, тут вспотела и засмотрелась, а вон там вроде ничего и не было, но ноги сами начали расходиться в стороны. Будешь потом чебуреков растить. Залезь на сайт знакомств и посмотри внимательно. Там бабы обычных, адекватных мужиков табунами ищут, еще и помоложе найдешь, поинтереснее. А эта что? Ни кожи, ни рожи! Тощая селедка с душком! Какой смысл ее прощать, добиваться, если еще до свадьбы с другим шаталась? Пусть идет лесом, причем в глухую часть. То, что она дарила тебе много ласки и любви — дело прошлое. Женщины любят лапшу рассказывать о своей неземной любви во веки вечные. Лживые метелки! То, что изменила только один раз, а не сто, не оправдывает ее предательства и клейма шлюхи, и ответственности не снимает. Если для тебя лично подобное поведение в отношениях изначально недопустимо, то будь мужиком, а если готов простить, то принимай позу в стойле и жуй сено по тихой грусти.

Сергей почти не слушал, а глаза его рассеянно блуждали. После парень поднялся со скамьи и ушел, не проронив ни единого слова. Он сам не заметил, как вскоре оказался в той самой аллее, где они бродили вдвоем в конце августа. Он шел по холодной земле, низко склонив голову, глядя себе прямо под ноги. Мысли путались, а в голове глухо шумело после бессонной ночи. Внезапно память словно полоснуло чем-то стальным, невыносимо острым. Сергей ошеломленно оглядывался вокруг себя. Что такое? Где весь шиповник? Какие-то чахлые деревца, трава, кусты непонятных видов. Что за напасть такая? Чертовщина! Он стал бегать туда-сюда, подумал, что, может, за сезон уже и забыл, где эта аллея. Но нет! Она всего одна такая, остальное пространство тонкими тропинками пересекается. Да вот же он: один-единственный боярышник! А где же огромные кусты шиповника вокруг него? Может, их вырубili? Сергей упал на колени, стал судорожно искать в траве хоть какие-то следы, корни, знак того, что здесь вообще что-то вырубали. Ничего, ровным счетом ничего! Да и кому это было нужно, если парк вообще был полудикий, заброшенный? Кому понадобилось так менять реальность? Куда пропал шиповник? Куда исчезла любовь?

Самый чистый огонь угас, а Сергей шел по новой, чужой дороге, совсем не узнавая пути, и тихо шептал:

— Я же все знал, я все предвидел. Береги себя, моя милая. Береги себя там, где меня уже нет.

То, что не снилось мудрецам

Оля Скачкова, взъерошенная, страшно испуганная, ворвалась в квартиру подруги. Она пулей метнулась на диван в гостиной и, упав ничком на подушки, сжалась и долго дрожала. Нина Усатова, полная блондинка с карими глазами навывкате, села рядом и, глядя на приятельницу, взволнованно спросила:

— Олечка, что с тобой произошло? Кто тебя так напугал? Чем я могу помочь? Вызвать ментов, скорую? Тебе плохо?

Оля тряслась от ужаса и размахивала руками.

— Нет, нет, ничего этого не надо. Я просто такое видела! Такое...

— И что же?

— А то, что времени не существует. Совсем-совсем! Время — это лишь событие, которое происходит в заикленном темпе. Не более того. Я только что попала в другое измерение!

Нина чуть не расхохоталась от подобного заявления. Но глядя на страстное, почти лихорадочное выражение на лице подруги, она сдержалась, однако спокойно сказала:

— Тебе померещилось, успокойся, Оля. Ты всегда была нервной фантазеркой, склонной к преувеличениям и драмам.

Оля разгневанно поднялась, покрылась красными пятнами.

— А ты всегда была поверхностной материалисткой. Нет, ты сначала послушай! Верь мне: я сама поразилась. Еще Шекспир писал, что «Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», а он был далеко не дурак. Творческий, гениальный человек, прозревший истину.

— Шекспир... тоже мне вспомнила. Ты еще Эйнштейна упомяни в своих высокоинтеллектуальных притязаниях. Я прекрасно помню про природу, которая показывает нам только львиный хвост. Однако факт остается фактом: ты — истеричка. Выпей чайку с мятой и успокойся. На работе завал, проблемы в личной жизни, гнилая осень — вот тебе и померещилось. Нервы все, нервы, Оля.

— Но я же видела! Своими собственными глазами! Время — лишь гибкая лента на ветру, четвертое измерение.

Нина зевнула.

— Ага. Слышали. Сто верст до небес, и все лесом... А как тебе такой вариант: время не является четвертым измерением, а лишь длительностью того или иного процесса. Теория без доказательства есть сказочка, придуманная на ночь.

— Выслушай же, что со мной сегодня произошло. — Оля присела на край стула и, ломая руки, начала свою таинственную историю. — Я действительно попала в другое измерение. А началось все с привычного возвращения домой. Мое дежурство в больнице заканчивалось около полуночи, но пока привела дела в порядок, собралась, уже было около часа ночи. Наш водитель Серега подвез меня к дому с тыльной стороны, поближе к лесу, чтобы не тревожить соседей. Потом надо было пройти по узкой дорожке вдоль всего огорода, а уже за нею находился мой дом. Странная была ночь, совершенно безлунная. Темень непроглядная, хоть глаза выколи. Обогнув колодец, я нащупала калитку, открыла ее, вошла, закрыла и осторожно, в полной темноте, медленно кралась по дорожке, чтобы не наступить на грядки. Сделала буквально несколько шагов и очень удивилась, потому что под ногами зачавкала мягкая, липкая земля, словно пропитанная кровью! А ведь уже целую неделю было сухо, солнечно, даже немного прохладно. Я достала телефон, чтобы подсветить себе. Телефон сел! Иду дальше по этому зловещему болоту. Долго иду, бесконечно, и строю всякие догадки. Вдруг понимаю, что нет конца моему пути. Слово два часа прошло. У меня волосы буквально стали дыбом. Даже сейчас мурашки пробежали по коже от воспоминаний. Осмотрелась вокруг и увидела непод-

леку какое-то светящееся, мерцающее пятно. Я направилась к этому призрачному источнику света, как к единственной опоре в померкшем ночном мире. Затем споткнулась и упала на четвереньки в жидкую грязь, оцарапала руку о колючки и сразу поняла, что я вовсе не рядом с домом, а в совершенно в другом месте. Нина, что я почувствовала в этот страшный момент — ты не представляешь! Ужас мой невозможно описать никакими словами. От страха я заплакала, закричала. Тщетно — никто меня не слышал! Мертвая, зловещая тишина опустилась на мое сердце. Я была близка к панике. Затем снова собралась с силами, пошла, опять оступилась, снова упала на колено... и тогда я стала шептать: «Боже, помоги мне, спаси меня! Выведи меня из этой чертовщины!»

Внезапно воздух вокруг затрепал, зашипел, а вокруг вспыхнули фонари. Они осветили широкую мостовую в незнакомом городе. Людей было очень мало, но они хотя бы появились! Я не была одна! Мимо прошла пожилая пара, а следом за ними возник мужчина, невысокий, худой, лет пятидесяти. Поравнявшись со мной, он остановился и глухо сказал:

— Не ходили бы Вы по этой улице одна, милая барышня. Место здесь гиблое, часто люди пропадают. Видите, здесь никого нет.

Я возразила:

— Нет же, есть, Вы ошибаетесь — ведь только что пожилая пара прошла.

Я повернулась, чтобы показать мужчине этих людей, но увидела лишь широкую, пустую аллею. Я в недоумении повернулась к странному незнакомцу, а его уже не было, след простыл. Мороз пробежал по коже, а дыхание участилось. Я так быстро бежала оттуда, что сердце выскакивало из груди, а волосы на голове шевелились. Меня так колотило и трясло! Вдруг я увидела на своем пути большое зеркало. Остановилась, чтобы посмотреть на свое отражение и обомлела. Волосы в грязи, всколочены, под глазами огромные синяки. Это была я, но какая-то странная, искаженная версия, полная боли и страха.

Потом я долго бродила по этому призрачному, непонятному месту. Сколько прошло времени — сложно сказать. Казалось, что целая жизнь пронеслась. Я не узнавала родного города, сколько не пыталась. Не было знакомых, привычных улиц, машин и моста над рекой, не было троллейбусных линий, трамвайных путей и велосипедных дорожек. Но люди иногда встречались, и отдельные здания были знакомы. Тем временем начинало светать. Фонари погасли, а на небе проявилась розовая, насыщенно-яркая полоса света. Вдруг через дорогу пробежал молодой парнишка. Одет был в слишком тесную куртку, причем куртка неизвестно каких лет, словно по моде прошлого века. Да и размер явно парню не подходил! Мы с ним переглянулись, и он помчался дальше. Я сначала удивилась, а потом забыла. Ладно, мало ли, как люди живут. Прошла буквально пару метров и вижу — через дорогу идет пожилой мужчина в винтажном пиджаке. У меня дед, вероятно, такой в молодости носил, а здесь — наши дни. Странно, думаю, сейчас же такая удобная, демократичная мода. Зачем им сдались такие ретро-экземпляры?

Ты же знаешь, что я обожаю современный стиль в одежде. Сейчас лучшая мода, которую я помню. Наконец-то канули в лету все эти ужасные, обтягивающие вещи, каблуки по поводу и без, вычурные прически — ни вздохнуть, ни пукнуть. Сейчас все демократично, миллионы вариантов. Не нравится оверсайз — носи свой размер, просто сами вещи стали более свободными; есть пространство, удобство, расслабленный шик. Можно укутаться в свитер и не ловить на себе сальные мужские взгляды. Можно ходить без краски на лице, а раньше элементом ухода был обязательный, по возможности яркий и заметный макияж. Сейчас мода расслаблена, модно служить здоровью, а не чужому одобрению, можно оставаться собой. В моде минимализм и разумное потребление, забота о природе и саморазвитие, терпимость и понимание. И вот я иду по улице и снова вижу это напыщенное самолюбование в одежде прохожих, этот поиск одобрения в чужих глазах. Проходящих девчонок в платьях я вообще рассмешила своими джинсами и худой. На себя бы посмотрели! Стрелки на пол-лица, нелепые начесы. Такое в

шестидесятых сооружали на голове, не позже. А добил меня бородатый дед на скамейке. Глянул на мою одежду и разразился гневной тирадой:

— Ну и молодежь пошла! Полная безвкусица. Посмотри на себя, хламида-монада. Ходишь по улицам, как бомж британский. Постыдилась бы!

— Ха-ха-ха! Вот наглый дед! Так и сказал?

— Клянусь тебе! Еще и плюнул в мою сторону! Кричал, что уважающая себя девушка не может ходить в таком непотребстве. Ненавидел все старый хрыч. Ненавидел мои безразмерные кроссовки вместо женственных каблук. Ненавидел штаны, в которые можно прятать закуску, вместо воздушного платья. Ненавидел безразмерную кофту и был уверен, что я откопала ее на ближайшей свалке. Обзывал уродиной, слепой дурой, бездарным высером буржуазии. Одним словом, унизил прилюдно без зазрения совести.

— Ну, дает. А ты что?

А что я? После неприятностей ночи я словно сломалась. Ушла от сварливого хрена без единого слова, долго слонялась по этому загадочному городу, а после сама не заметила, как очутилась на кладбище. И снова мне навстречу бредет знакомый мужчина. И опять мне говорит: «Не надо ходить одной в таких местах. По кладбищам нельзя гулять после заката, а также по районам, где случались убийства — можно подцепить к себе темную сущность. И нельзя появляться в таких местах пьяным или ослабленным — непременно кто-нибудь присосется. Еще после заката нежелательно ходить с непокрытой головой, лучше в шапке, кепке или капюшоне, потому что эти невидимые твари любят к макушке присасываться. Береги себя, милая». Сказал это и пошел в гору, а я побрела вниз. Но на всякий случай капюшон натянула. Чем черт не шутит! Прошла шагов пять, оглянулась — и опять его нет! Тогда мне стало ясно, что это был мой ангел-хранитель. На кладбище было тихо, а я крутилась между могил и не понимала, где я. В голове появился туман, глаза заволокли бессильные слезы. И вдруг — яркая вспышка света, и я словно очнулась, пришла в себя. Стою перед входом в мой дом, а на улице ночь. Так я и не поняла, где побывала, но это точно было прошлое. Уверяю тебя! После я долго размышляла над этим событием и пришла к такому выводу: пока мы на привычных для матрицы местах, по ходу нашей персональной сюжетной линии и не выходим за рамки ее сценария, то все пространство вокруг для нас подготовлено, грузится быстро, без отклонений. Но если нечаянно свернем на иной путь, то и матрице приходится подстраиваться, а не всегда получается! Не успевает, но очень старается. Не туда пошла, не там очутилась в правильное время — тут же проявляются пустые улицы, дома без людей в тумане, странные леса, топкие земли. Время смещается и смеется над нами. Время — это незримый фокусник, ловкий жонглер. Оно обманывает наш разум, заставляя нас чувствовать один и тот же момент по-разному. Время сложно и просто одновременно. Поэтому никогда не стоит ждать, когда наступит будущее или жалеть о прошлом. Все существует одновременно, а мы лишь идем по проторенной дорожке, не смея открыть глаза. Мы спим, дорогая Нина, не смея верить в то, что вечность отвергает линейность нашего восприятия. Нам говорят, что у человека нет прошлого — оно давно умерло, у человека нет будущего — оно еще не родилось, у человека есть только призрачное, бесценное «сейчас». А я теперь точно знаю, что все события, которые происходили или только будут происходить, уже существуют. Я это видела, Нина, своими собственными глазами! Время дало слабину, и я, наконец, очнулась! Я увидела самого льва! Постигла то, что не снилось мудрецам!

Нина спокойно поднялась и, потягиваясь и зевая, равнодушно произнесла:

— Все понятно. Кстати, если рассуждать о времени более серьезно, то мы с тобой совсем заболтались. Я заслушалась, а тебя, как обычно, понесло. Фантазерка ты, Оля! Пошли спать, завтра рано вставать.

Она ушла к себе в спальню, а Оля, разочарованная, растерянная, не нашедшая поддержки от близкого человека, долго сидела и смотрела в окно. Осень сменяла лето, на тротуар слетали

озябшие листья. Так повторялось из года в год, а у людей по-прежнему не было времени друг на друга.

Улей

Вечером, когда в дачном поселке затихла суетная жизнь, а в небе зажглись первые звезды, друзья сидели под теплым сиянием абажура и беседовали на отвлеченные темы. Сессия закончилась, наступило время долгожданного отдыха. Среди шумных разговоров, звуков гитар и жарких споров, они ловили вольное мгновение лета, делились теми волнующими мыслями, которые приходят в голову только в юные годы. Вся эта многочисленная, разношерстная компания напоминала гудящий улей, напряженный, пыливый, дерзкий. Олег Власенко, покрасневший, немного пьяный, взывал к друзьям:

— Кстати, у меня назрел серьезный вопрос насчет снов. Кто-нибудь задумывался про астральные путешествия во сне и взаимодействие с другими людьми в мире грез? Насколько это реально? Мне часто снятся поистине странные сны с интересными, захватывающими локациями. Да, я из раза в раз попадаю в одни и те же места, причем отлично ориентируюсь по улицам, так как уже знаю территорию. Мне, например, часто видится красивые города, похожие на Рим или Стамбул. Там я могу попасть на базар, пройтись по закоулкам или выйти к террасе, где собирается народ, чтобы послушать музыку и приятно провести время. Я в этих снах скорее наблюдатель, а не настоящий участник. Все вокруг очень элегантные и нарядные, не чета нам, раздолбаям. Иногда попадают те, с которыми я могу открыто взаимодействовать, появляются даже гиды. Они всегда подсказывают дорогу, помогают с ориентацией. А недавно я встретил потрясающую девушку, мой абсолютный идеал, родственную душу. Мне ее по-настоящему не хватает. Словно я утратил что-то поистине бесценное, открыв глаза утром. И во сне я прекрасно понимаю, что это происходит осознанно. Может быть, у кого-нибудь тоже случался подобный опыт? Мне интересно, может, на самом деле мы телепатически взаимодействуем друг с другом? Может быть, можно как-то найтись по описанию сновидения и сказать, что «да, я там был, видел такую же улицу, чувствовал запах специй и благовоний». Наверное, это невыполнимая задача отыскать союзников из снов. А что, если все те люди во сне реальны, а мы подключаемся, так скажем, в один общий поток коллективного бессознательного? Тем не менее, если верить, что такая связь возможна, и мы контактируем и видим одно и то же, то как найтись, как сказать «вот он я, из того сна, что тебе привиделся. Мы там были вместе! Помнишь?» Или я просто схожу с ума от своих фантазий?

Маша Матвеевко, сидевшая рядом, уже давно была безответно влюблена в Олега. Едва ли этой хрупкой, нервной особе нравились подобные откровения об астральной прелестнице. Однако основная идея ее настолько захватила, что девушка активно поддержала своего кумира.

— О, да, ты прав, Олег! Тысячу раз прав! Конечно, мы все знаем множество языков и множество стран, и умеем разговаривать телепатически, мысленно, друг с другом! Просто здесь на многие знания, таланты, возможности, способности поставлены блоки в сознании. Оставлено только самое необходимое для прохождения программы судьбы, мизерный процент знания! После выхода из программы симуляции жизни, нам все вернут обратно! Верь в это, обязательно верь.

Олег сверкнул глазами и продолжил с жаром:

— Вот видишь: ты все понимаешь, Машуня. Я не один это чувствую, я еще не сошел с ума. Мы все сейчас как пчелы в клейком улье. Крылышки наши прилипли, но душой мы где-то высоко в небе, среди самых прекрасных цветов. Мы как кишашие, сталкивающиеся друг с другом насекомые в бессмысленной схватке жизни. Чувства наши притупились, и мы все забыли в мелких движениях нашего разума, погрязли в липком невежестве. Если бы более развитый представитель инопланетной цивилизации, наблюдая за нами из космоса, беспристрастно сравнил жизнь насекомых и людей, то увидел бы много такого, чего мы в своей обычной жизни не замечаем. Например, наш коллективный разум. Развивая собственное сознание

и укрепляя связь с позитивными коллективными энергиями, мы способны перевернуть весь мир! Мы забыли в своей индивидуальной слепоте, что способны чувствовать ближнего, как самих себя, ведь он — это продолжение нас самих. Когда мы открываем глаза, то где-то за далеким океаном улыбаются новые звезды. Каждый наш вздох порождает ветер, а каждая мысль — незримую вселенную. Знаете, у меня есть младшая сестра. Когда мы были маленькими, то крепко уснули, проспали, но на утро обнаружили, будто мы не спали, а что-то бурно обсуждали всю ночь. Иногда нам снился один и тот же сон. Так что я думаю, что мы многого не знаем о наших снах. Но уже стали догадываться, что грезы бывают весомее реальности.

Маша тут же добавила:

— Да, да, это случается. У меня недавно была история. Друг опоздал на встречу. Я его спрашиваю, что случилось? И он мне рассказывает, что искал какую-то специальную акварельную бумагу. Поехал в один магазин — там такой нет, поехал в другой — слишком дорого, поехал в третий — закрыто. В общем, кружился долго, вот и опоздал. После пар я пришла домой. Мой брат в это время спал в другой комнате. Потом проснулся и говорит: «Какой-то мне странный сон привиделся. Мне снилось, как будто бы я искал какую-то необычную акварельную бумагу. Помню даже, что хлопковую, крупнозернистую. В один магазин поехал — закончилась, в другой — цена не по карману, поехал в третий — облом, тот закрылся. Чушь какая-то. На кой черт мне сдалась акварельная бумага, если я вообще не рисую?». В общем, пересказал мне всю историю, которую мне говорил друг, почти дословно. Сказать, что я была удивлена — ничего не сказать. Что это было? Что за сбой системы?

Стас Жучков, рыжий, приземистый парень, сидящий напротив Маши, ту же подхватил:

— Вот здесь и я соглашусь, вставлю свои пять копеек. У меня что-то подобное было! Я тогда еще в школе учился, и наш класс расформировали. И через несколько дней после того, как я начал учиться в новом классе, снится мне сон: мой новый одноклассник Петька Отрощенко сидит на унитазе и при этом наяривает селедку! Причем важно так наяривает, с чувством собственного достоинства. Мол, не подходи ко мне, плебей, я решаю дело государственной важности. Даже я офигел от такого зрелища.

Все вокруг расхохотались.

— Да ну тебя. Заливаешь, как обычно. Кто о чем, а свинья о щетине.

— А вот и нет! Дайте мне продолжить, а потом делайте выводы. Слушайте же, что было дальше. На следующий день я рассказал этот сон своему новому однокласснику. Он мой рассказ слушал с открытым от удивления ртом, аж обалдел! А потом говорит: «Отрощенко, когда еще в пятом классе учились, рассказывал, что однажды на автовокзале зашел в туалет, а там, на толчке сидел мрачный мужик и топтал огромную селедку!». А, что теперь скажете? Совпадение? Ага, конечно. Как будто селедку уписывать в публичном клозете — дело плевое. Тут талант нужен!

После истории Стаса понеслись рассказы со всех сторон, словно лавина прорвалась и затопила собой весь реальный мир, обычно такой далекий от волшебства:

— А моего парня одно время мучили ночные кошмары. Он начинал стонать, напрягался и потел. Обычно я его будила, но однажды, просто находясь рядом, представила место для успокоения: поле с сочной травкой, ярких бабочек, цветы, солнечный свет. Все в моих фантазиях было наполнено умиротворением и гармонией. Вскоре парень, не просыпаясь, расслабился, и я тоже уснула рядом. А утром он мне рассказал, что ему приснился удивительный сон — поле с ярко-зеленой травой, бабочками и цветами.

— Да, да! Знакомо! Моя сестра однажды жаловалась на то, что у нее на разных частях тела возникали очень болезненные фурункулы. Это длилось не менее полугода. Измучилась она, страдала сильно, да еще на работу ходила. То на спине, то на плече, то на голове. Вся эта гадость страшно ныла, не давала покоя ни днем, ни ночью. К врачам она обращалась — не помогло. Я однажды просто выслушал ее, обнял и сказал, что мне ее очень жаль, и что я

ей ничем не могу помочь. Я словно почувствовал в тот момент, насколько ей плохо, искренне пожалел, от всего сердца. Ее проблема на мгновение стала словно моей собственной. И что случилось утром? Проснулся — а по всей спине фурункулы. Болят так, что сил нет терпеть. А сестра через час звонит счастливая и хвалится, что высыпания почти исчезли. Я реально принял ее болезнь на себя, просто силой своего участия. А ведь не ясновидящий, не экстрасенс.

— Вот это да! А мне бабушка рассказывала вообще страсти-мордасти. Поздняя ночь, сразу после полуночи. Ей не спалось, и она долго читала в постели. Рядом спала трехлетняя дочка. Кровать у бабушки стояла изголовьем к окну. Поднялась выключить свет, и после щелчка выключателя в темноте ее вдруг обуял ужас, и в те секунды, когда бежала к постели, возникло видение в мозгу — в окне злобешая женщина с черными крыльями тянет руки прямо к изголовью детской кровати. И в этот момент дочь начинает жутко кричать, биться в кроватке. Бабушка кинулась обратно, включила свет и увидела, как маленький ребенок от страха закрывает одеялом голову и лепечет: «Мама, мамочка. Там тетя как птичка!» Бабушка, конечно, успокоила девочку, объяснила, что ей приснилось. Но сама лично видела этого черного демона! И еще долгие годы тряслась, вспоминая странное явление. И всегда повторяла, что мы совсем не знаем, как устроен этот мир.

Олег глухо пробормотал:

— Вероятно, это был самый настоящий суккуб. А со мной часто такое случается. Вижу нечто за пределами, смиренно принимаю. В детстве в года четыре я разговаривал на чистом французском языке. Честное слово, не удивляйтесь, говорил лучше, чем на русском. И всем уверенно заявлял, что я — почетный гражданин Франции, даже электрику. Потом прошло, конечно, куда-то ускользнуло. Один раз огромная луна прыгала по небу. Я почувствовал в тот момент, что какая-то волна прошла сквозь меня. Может, и через весь мир. И люди менялись лицом и одеждой в одну секунду. Была бабушка, а стала молодая женщина. Много всего было. Такое только в сказках бывает, да иногда в жизни. Просто надо перекреститься, помолиться и жить дальше. Матрица всего сущего окружает нас. Матрица... какое красивое, словно исконно русское слово. Почти как мать или матрешка, состоящая из сложной структуры познания. Тело, эфир, образ сновидений, ментальный след, энергия, душа — все эти сложные, едва различимые слои окружают нас, влекут скрытыми тайнами. Многослойность матрешки учит искать множество смыслов — за внешним прозревать внутренние причины, более глубоко воспринимать мир, не судить поверхностно, видеть саму суть. Поэтому она несет в себе идею отражения малого в великом, и наоборот. Увязнуть в сотах или прозреть истину — наш личный выбор.

После этих слов друзья вдруг затихли и глубоко задумались. Но мир вокруг не спал, все так же деловито копошился, все так же заявлял о себе. Ему было плевать на философские рассуждения, он продолжал быть. Ночные звуки окружили друзей. Целый оркестр шорохов и неясного гула: скрип половиц, уханье совы, шелест листьев, далекий рев машин, тиканье часов — все это создавало атмосферу таинственности и легкой тоски. Тоски по непознанному, тоски по тому, что давно забыто.

Предчувствие

Ровно за день до того, как все случилось, Инга Борисовна Свердловва знала все. Она проснулась от странного чувства: кто-то незримый тихо присел на ее кровать. Женщина повернулась и увидела нечто темное. Оно смотрело то на нее, то в сторону мужа, но было какое-то полупрозрачное, еле ощутимое. Это существо не шло, не бежало, не торопилось, а плавно передвигалось, внимательно изучало обстановку в комнате. Оно было одето в темно-серую тунику с капюшоном. Когда Инга Борисовна захотела разглядеть лицо сущности, то с ужасом поняла, что его не было, а вместо лица клубилась черная пустота. Свердловва почувствовала такой холод, словно по спальне пробежал ледяной вихрь. Она хотела потянуть одеяло от отвращения, а затем поняла, что на кровати, как обычно, спит только муж. Потом что-то резко хлопнуло в правом ухе, и раздался страшный крик, почти невыносимый. Муж при этом спокойно спал, как будто ничего не случилось. Стало так жутко, что Инга Борисовна затряслась, накрылась с головой одеялом и начала читать «Отче наш». Странное дело: в этот момент она не могла не пошевелиться, не перекреститься, а только чувствовала, что этот невидимый гость наваливается на грудь так сильно, что невозможно дышать. Длилось это леденящее душу состояние целую вечность. Только рано утром женщину отпустило. Когда муж проснулся и открыл глаза, то долго смотрел в угол комнаты, словно отчетливо видел там кого-то, кто тщательно скрывал свое лицо. Он молчал. Затем тихо, испуганно промолвил:

— Странно, милая. Словно кто-то у нашего окна стоит. Как будто разглядывает, кого-то ищет.

Прозвенел будильник. В этот день все началось как обычно. Бытовые хлопоты моментально стерли серые тени ночи. Плотный завтрак, просмотр утренних новостей, сердитое бормотание супруга, неспешная прогулка до работы. Супруги Свердловы давно владели совместным медицинским кабинетом. Клиенты сменяли друг друга, часы неумолимо приближались к обеду. Нарушил привычный ритм Игорь Иванович. Муж неожиданно побледнел и стал оседать на пол. Ему стало так плохо, что насмерть перепуганная Инга Борисовна вызвала скорую. Жена словно застыла от дурного предчувствия, пошла к выходу, чтобы встретить врачей. Ей казалось, что они успели принять всех пациентов, остальные были записаны только после обеда. Однако она ошибалась, в коридоре некто присутствовал. Гордо вздернув тощую, длинную шею, под самым окном сидела на стуле старая женщина. Странная это была персона. Вся в черном, вся закрыта по самую шею, на голове — черная шляпа. Эта пожилая женщина словно сошла со старинных полотен.

Инга Борисовна с ужасом рассматривала старомодное, изысканное платье незнакомки. На ней был тугой корсет с металлическими косточками, создававший силуэт песочных часов, юбка из тяжелого, черного бархата с длинным шлейфом. Костлявые кисти утопали в дорогих кружевах ручной работы. На плечах был накинут полупрозрачный плащ с объемным капюшоном. Плащ был расшит растительными орнаментами, тускло мерцавшими в дневном свете. Вся фигура старухи имела чрезмерно вытянутые пропорции, удлинненные и острые. Даже черные носы лаковых туфель казались черными иглами. Свердловва сухо поинтересовалась:

— Простите, Вам кого? Вы записаны?

Черная дама с неохотой взглянула на взволнованную женщину, недовольно повела седыми бровями. Она глухо прохрипела:

— Игорь Иванович сегодня принимает? Мне необходимо к нему на прием. Срочно.

— Простите, мы принимаем только по записи. И сегодня никак не получится. Мой муж заболел, я вызвала скорую.

— Я знаю. И все же я зайду.

— Нет, нет, извините, никак нельзя. Прошу Вас уйти.

Старуха равнодушно и с насмешкой зыркнула на Ингу Борисовну и, не проронив ни единого слова, с достоинством поднялась со стула. Было в ней нечто от былых эпох: некая заносчивость знатных людей, элегантная скорбь, драматичный шарм. Старое лицо было покрыто сетью морщин, а глаза, пустые, бездонные глаза, глядели сурово, с презрением. Сухая, высокая незнакомка таила в себе стихию, черную дыру, которая одним только взглядом способна затянуть тех, кто рядом и слабее. Она смотрела на Свердлову и листала ее испуганную душу как книгу. Ощущение жуткого страха пронзило Ингу Борисовну. Утаить ничего нельзя, бежать невозможно. Эта строгая, волевая женщина видела все, она все знала. В какой-то момент Свердловы почувствовала, что откуда-то сверху из угла потянуло холодом. Прямо ледяной воздух, густой, почти плотный. У нее опустились руки, а в голове промелькнула мысль: все кончено, бессмысленно продолжать.

Само дыхание ада словно прикоснулось к душе. Не было косы, не было громких слов, но Инга Борисовна на короткий миг вдруг поняла, что она стоит на пороге непознанного, на крыльце самой смерти. Безликий, черный как смола образ сущности был насквозь пропитан льдом и тленом. Посетительница вдруг прокрутилась вокруг собственной оси, подмигнула и пропела до невозможности тонким голосом, который странно напоминал ночной крик в ушах Инги Борисовны:

Когда умирает день — весь мир накрывает мрак,
 Когда вянут цветы — лепестки засыхают,
 Когда исчезают светила — грехов очевидный знак,
 Когда умирают люди — песни слагают.

Ветер за окном взметнул осенние листья, засвистел с надрывом и отчаянием. Сердце сжалось от ужаса и невозможности что-либо изменить. Незнакомка подхватила свой капюшон длинными пальцами и накинула его себе на голову. Он закрыл большую часть лица. Старуха вдруг стала словно безликой, и уже было совсем неясно, мужчина или женщина стоит в темном коридоре. Мурашки побежали по коже, сердце заныло. Незваная посетительница выглядела в эту минуту как померкший навсегда свет. Темный, тонко расшитый плащ светился как черный иней. Что-то кривое и острое, расширяющееся к основанию, блеснуло в ее кармане. Существо в последний раз глянуло на Свердлову и рассыпалось как снег, который стряхнули с ветки.

Дальше все было затянуто туманом беспамятства. Это был ужасный сон без конца, из которого совсем не было выхода. Ворвалась скорая. Раздавались громкие крики, вой сирены, многочисленные голоса. Инга Борисовна сидела в сыром коридоре больницы всю ночь, сцепив холодные руки. Надежда оставила несчастную женщину, и пока доктора метались, бессмысленно пытались исправить ситуацию, она уже все знала. Знала так же ясно, как рано утром.

Ночью уставший, растерянный врач вышел из реанимации. Он сел напротив Свердловой, устало прикрыл глаза рукавом халата. Инга Борисовна вдруг замахала руками и резко взвизгнула:

— Молчите. Не говорите. Я уже давно все знаю.

Она затряслась как в нервном припадке, стала ломать руки. Врач вздохнул и глухо подтвердил то, что было давно предназначено:

— У Вашего мужа оторвался тромб и ушел в легкое. Спасти его так и не удалось. Мне очень жаль. Примите мои глубокие соболезнования.

Шатаясь, держась руками за стены, Инга Борисовна вышла в больничный двор, тускло освещенный фонарем. Ветер все так же яростно кромсал ветки деревьев, рвал их обреченное одиночество. Осень вступала в свои законные права. Серые бетонные стены уже давно поглотили закат и дремали сытые, бесчувственные. Начинал накрапывать мелкий дождь. Он слизывал пыль с асфальта с упрямым остервенением, глухо мерцал. Свердловой почему-то вспомнился орнамент на плаще незнакомки. Ночной сумрак двора хранил свой сон, как исчезнувшая

старуха молча несла свою черную тайну. Она ушла, забрала ее мужа. Забрала навсегда, в страну забвенья и пустоты.

Черное небо дымилось седым, ватным светом. Где-то неподалеку от столовой жалобно выла собака. Скулила так, что к горлу подкатывала тошнота. Из-за угла больницы вышел седой, сутулый сторож, остановился возле крыльца и недовольно проворчал:

— Что ей надо, твари такой? И пожрать ей принес, и блох вроде всех вычесал. Воеет и воеет проклятый прихвостень. Что-то чувствует, а что, кого — сказать не способен. Как думаешь? Может, и правда видит что?

Инга Борисовна, застывшая от горя, оцепеневшая после смерти мужа, вдруг словно очнулась. Она посмотрела на сторожа и громко, надрывно зарыдала. Тот гладил ее по голове и тихо приговаривал:

— Ну, будет, будет, девонька. Даже Полкана переплюнула своим воем. Ишь, затих падла, хвост поджал. И ты молчи, и ты терпи. Ты думаешь, мне легко? Я работаю трое суток, потом трое суток — выходные. А спать совсем не дают — повсюду камеры развесили изверги. На прошлой сторожевой работе почти каждую ночь спал — на протяжении всех десяти месяцев. Вот жизнь была — малина! Стулья рядком поставлю, подстелю телогрейку, да дую в три дырки без перерыва. А теперь хоть волком завой с вами с горя. Запил бы, да жена пилит. Нет у нее понимания человеческого. Свет не мил стал, глаза слипаются постоянно. Эх, жизнь наша непутевая... А надо жить, надо держаться, пока не прибрали нас на тот свет.

Ведьма

— Обязательно возьми с собой это голубое платье! Оно тебе удивительно к лицу! Глазки в нем горят — загляденье! Сережа тебя в нем увидит — точно предложение сделает. И не забудь передать тете конфеты и печенье — она большая лакомка.

Нина, невысокая, изящная блондинка, смеясь, слушала наставления матери перед дорогой и укладывала большой чемодан. Она ехала в деревню на целый месяц. Если бы ей сказали в прошлом году, что она встретит свою любовь в сельской местности — она бы точно рассердилась. Но случилось именно так. Сергей отвечал всем ее высоким запросам. Красивый, заботливый, верный, ласковый, и, самое главное, бесконечно любимый, уже ждал ее в деревне, постоянно звонил. Предвосхищение настоящего счастья пьянило юную душу, наполняло искристой радостью. Радость пенилась, выходила из берегов, и все вокруг чувствовали этот пьянящий восторг, это невыразимое блаженство. Нина хотела обнять весь мир в своем робком ожидании чуда.

Все складывалось как нельзя лучше: тетя, загадочная, одинокая женщина, сама предложила пожить у нее. В прошлом году Нина жила у бабушки, тихой, забитой старушки, ныне уже покойной. После смерти этой почти безмолвной женщины в доме поселилась старшая сестра матери. Кто была эта совсем незнакомая женщина? Какой у нее характер? На все вопросы мама уклончиво отвечала:

— Ай, Нинусь, даже не спрашивай. Ничего толком не знаю. Лариса всегда была себе на уме. Как уехала в другой город в юные годы, так и пропала. Писем мне не писала, личной жизни у нее толком никогда не было, имущества — и того не нажила. Странное, нелепое существо. Всегда одинокое, всегда нелюдимое. Вечно корпела над книжкой при свете лампы. Двух слов из нее не выдавить. Бурчит в ответ «да» или «нет» — вот и весь сказ. Мать ее всегда жалела, чувствовала перед ней вину за что-то в прошлом. Постоянно мне говорила, что упустила близкую душу, просила не обижать после смерти. Вот я и передала ей материнский дом. Пусть живет, как хочет. Если с придурью родилась — туда ей и дорога, пусть с ума сходит. Как-никак ей уже пятьдесят стукнуло — не исправишь. Да и тебе с ней не родниться. Займешь комнату поближе к саду — и бегай к Сережке на свидания в свое удовольствие, на нее внимания не обращай. Лето ведь, река рядом, а воздух в деревне какой — голова кружится!

Нина именно так и поступила. Она не обращала ровным счетом никакого внимания на странную женщину в длинном, темно-синем платье. Та, несмотря на предупреждения матери, оказалась довольно милой особой, гостеприимной до невозможности. И что сильно удивило, что этой высокой, сухой женщине недавно исполнилось пятьдесят лет, но выглядела она максимум на тридцать, очень моложаво. Глаза у тети были светло-зеленые, волосы — каштановые с медным оттенком. Вероятно, в молодости она была очень красивой, да и сейчас еще сохранила остатки былой красоты, только немного потемневшей, увядшей. Она была похожа на бутон розы, тронутый морозом. Нечто ледяное опалило лепестки, сожгло прежний внутренний свет. Вероятно, по этой причине, из-за глубоких страданий в прошлом, взгляд этой некогда привлекательной женщины стал тяжелый, почти свинцовый. Когда она смотрела прямо в глаза собеседнику, то словно вдавливала, вжимала в землю. Лариса мало общалась с людьми, жаловалась на мучительные мигрени после общения, да и сама словно высасывала энергию у людей рядом. После бесед с ней всегда сильно тянуло спать. Мужчины в молодые годы активно добивались ее внимания, но девушка была равнодушна к их ухаживаниям, всегда словно парила во внутреннем мире глубоких переживаний, самокопания, духовных поисков. Тетя чрезвычайно много читала, в школьное время изучила почти всю сельскую библиотеку. Пока друзья влюблялись, целовались и срывали цветы, она постигала знания. Те парни, которые встречались на ее пути, обычно не могли связать даже двух слов, и вызывали у красавицы стойкую непри-

язнь и желание уединиться, спрятаться от праздной глупости. У нее совсем не было времени на пустые разговоры, предсказуемые комплименты. Она искала нечто за пределами видимого мира. Нечто, что раскроет ей глаза, обнажит покровы реальности. Лариса и сейчас продолжала искать, и в ее комнате всю ночь горела лампа, освещая темную ночь.

Нина жила в доме уже почти три дня. Она познакомила своего жениха с тетей, а та долго и очень внимательно смотрела на Сережу. В это самое время в ее зеленых глазах мелькнули золотистые искры. Сергей сказал после: «Что-то есть поистине бесовское в твоей тетушке. Как кошка на сметану уставилась. Какой-то холодный, блуждающий огонь». На четвертый день пребывания в деревне стали происходить странные, необъяснимые вещи. Однажды, когда Нина вышла из ванной, тетя стала предлагать ей свое собственное полотенце. Девушка отказывалась, но Лариса настаивала, почти насильно заставляла взять махровую простыню. Испуганная Нина приняла полотенце, но втайне вытерлась своим собственным. Когда она вышла из ванной комнаты, тетя сидела за столом и пристально вглядывалась в фарфоровое блюдо. Затем она глухо сказала:

— Подойди ко мне. Кое-что покажу. Это важно.

И что-то тяжелое, манящее вдруг крепко сжало волю Нины в кулак и потянуло к столу. Лариса уверенно отчеканила:

— Вот что... Бросай своего ханурика, пока не поздно. Я сейчас на него гадала. Вышло разбитое сердце. Не любит он тебя, и никогда не любил. Не веришь — могу тебе легко доказать.

Сердце у Нины забилося, как будто попало в клетку.

— Нет, что ты! Что ты такое говоришь?

Лариса вонзила лезвия глаз в испуганную племянницу.

— Я всегда говорю только то, что знаю точно. Я не из тех кумушек, что любят чесать языками без дела. Сказала — значит, так и будет. Назад пути уже нет. Не пара он тебе. Смирись. Знаешь, я ведь вижу прямо насквозь людей. Я всегда чувствовала какую-то странную силу у себя, словно я мыслью могу материальное сотворить. Неладное я заподозрила в тот момент, когда в сердцах пожелала человеку смерти. Его не стало через пару недель. Я была в неистовстве, металась по дому и проклинала все, проклинала. Потом забыла об этом, а как-то познакомилась с парнем, а он увлекался сверхъестественным. И он мне сказал: «Знаешь, ты, кажется, ведьма. От тебя такая сила исходит — я боюсь даже». И я стала наблюдать за собой, делать выводы. Если я в сильнейшем волнении желала чего-либо — это непременно сбывалось. Я называла это «особенное состояние». Сильнейший эмоциональный взрыв, меня могло прямо трясти. Глаза загорались, я становилась очень сильной. Мне хотелось царапать стену и метаться, прямо как током било. Неважно, что я желала человеку — хорошего или плохого, но это непременно сбывалось. Да, сила моя велика. Дети и животные замолкают, когда я прикасаюсь к ним, как марионетки становятся. Мужчины очень влюбляются, прямо с ума сходят, все мне отдают, да только мне ничего не надо. Уже не первый случай, если кто-то переходит мне дорогу, то его настигает кара. Тот, кто меня обижает, поскальзывается в ванной и ломает руку. Грубит — уходит на тот свет. Так что слушайся, и повинуйся, я два раз не повторяю.

— Какой бред, право! Я пошла спать, не желаю терпеть подобное самолюбование. Ты, вероятно, выпила лишнего.

— От тебя уже ничего не зависит, смирись. Будешь слушать — не будешь, а выйдет так, как я тебе предрекла. Не быть вам вместе, пока светит эта луна за окном. Призываю ее в свидетельницы моего завета.

Нина вдруг страшно разозлилась и ушла к себе в комнату, громко хлопнув дверью. Однако после страшных слов стали происходить загадочные события. Как только Сережа пришел на следующий день, то Нина совсем не узнала его. Он вдруг стал грубым, нетерпимым. Куда исчезла теплая улыбка, любящие карие глаза, полные нежности и ласки? Словно черная кошка пробежала между двумя влюбленными. Сережа изменился, а Нина тайно страдала. В

отчаянии Нина пожаловалась соседу, которого любила с детства, Евгению Ильичу, о своих переживаниях. Тетю она с недавних пор, по понятной причине, избегала. Ильич, тощий старичок благообразного вида, долго качал седой головой, а после сказал:

— Ты бы, Ниночек, от тетки своей подальше держалась. Ведьма она.

У Нины сильно забилося сердце, округлились от страха глаза.

— Кто? Что ты такое говоришь? Какие ведьмы в наше время?

— Нет разницы между «ваше» и «наше». Были ведьмы, есть и будут. Не спится им, бесовским отродьям, отравляют людям жизнь... подлые. Вот что я тебе скажу, а ты внимательно выслушай. Ведьмы никогда и никого не любят, деточка, заруби себе это на носу. Колдуньи совсем не имеют чувств и жалости. Они от другого колена рождены, дьявольское семя. Творец вдыхает в людей любовь и жизнь, Сатана наполняет своих слуг мудростью змеиной, хитростью и гнилью. Тетка твоя — такая же змея ползучая. Пусть ей неладно дышится, гадюке ядовитой. Как увидишь ее, то плюнь в ее глаза бесстыжие и произнеси: «Я хочу, чтобы ты исчезла с лица земли, рыжая гниль, чтоб твой лоб провалился, легкие заплывли серой! Рыжая, грязноухая змея. Пусть все твои мерзкие деяния превращаются в желтые листья, которые развеет ветер на семи дорогах. Аминь». Храни тебя Бог, мое дитяtko.

Нина от неожиданности рассмеялась.

— Ну, что ты такое мелешь, Ильич?

— Ты бы не смеялась, стрекоза, а слушала людей, долго поживших на этом свете. Я тебе не шутки шутить изволю, а вынести тебя желаю из этого сатанинского огня. Связалась с ведьмой — надо по ее законам ответ держать. Сила побеждает силу, а закон божий — дьявольские происки. Тетка твоя еще в детстве то в кошку превращалась, то в свинью. А однажды обрела облик черной собаки и убежала на поляну в лес, чтобы выть с волками, поклоняться Луне. Однажды соседский мужик ей врезал по лапе, чтобы не шлялась, не пугала добрых людей, а на следующий день твоя ведьма хромала.

— Быть не может! Байки!

— Вовсе нет. Ее постоянно замечали ночью. Днем ходит — глаза прячет в пол, читает до умопомрачения, а как ночь на дворе — уходит молиться звездам, на шабаше лукавому поклоняться. Особенно любила она в свинью обращаться. Мой отец взял как-то нож и рубанул ее по уху. Еще месяц ходила с платком на голове. А бабы заметили возле уха красное пятнышко крови! Как правило, ведьмы очень красивы — из тех, что могут вскружить мужчине голову по полной программе, притягивают людей, а людям необходимо их общество. Еще практически не стареют, но их натура лезет наружу в виде всяческой «гнили». То зуб у них внезапно почернеет, то ногти ломаются. Ты за теткой-то своей понаблюдай, много нового узнаешь!

Нина была скептиком. Она принимала тетю за вредную женщину, позавидовавшую ее простому женскому счастью, а Ильича — за выжившего из ума, суеверного, но доброго старика. Все вокруг буквально кричало о том, что мир слишком сложен, чтобы отмахиваться от очевидных фактов. Нина не слушала. Она просто собиралась на танцы. Надевая голубое платье, она долго крутилась перед зеркалом, улыбалась своему прелестному отражению. Как же были замечательны эти розовые щечки, этот гибкий стан, эти глазки цвета безоблачного неба! Все кажется возможным, когда тебе двадцать четыре года. Так размышляла и Нина, твердо намереваясь помириться с Сережей. Ведь медленные танцы так сближают, а она так прекрасна в этом платье! Как воздушное облачко! Когда Нина выпархивала из дома, вслед ей раздался сердитый вопрос Ларисы:

— Ты куда это собралась? Посмотрите на нее: расфуфырилась, глаза горят! Не к добру это!

Девушка, не обращая внимания на суровый оклик, заливаясь смехом, звонко крикнула:

— Куда? Конечно на танцы! Там меня ждет мой Сережа.

Тетя вдруг странно побледнела и прошипела:

— Не смей. Я же тебя предупреждала!

Нина скрутила кукиш и быстро припустила в сторону клуба. Платье вздувалось колоколом вокруг ее быстрых, молодых ног. Белокурые волосы переливались золотом на ветру, и вся она была подобна легкому, звенящему ветру. Стоял июль, день обещал теплый, сухой вечер. Но как только Нина очутилась в поле, как на небе образовались тучи, похожие на черную копоть. Через пять минут хлынул ливень. Он обрушился сплошной завесой, как водопад, прямой, как непробиваемая стена. Девушка, испуганная, промокшая насквозь, совсем не видела пути. Внезапно дождь разорвался и исчез. Все это произошло буквально за пять минут. Нина оглядывалась и совсем не узнавала местности. Она находилась в бескрайнем поле, а все ее тело было покрыто жидкой, липкой грязью. Прямо напротив девушки стоял на огромном валуне высокий, худощавый мужчина с черными волосами. Одет он был в красный пиджак, расшитый золотом, чуть выше колен и черные обтягивающие штаны. Незнакомец пристально всматривался в лицо Нины, а потом глухо спросил:

— Ну что: вспомнила?

В тот момент Нина точно знала, что она вспомнила все, даже то, что произошло за пределами ее земного пути. Пришелец сверкнул злыми, пустыми глазами и снова задал вопрос:

— Время решать: уходишь ты со мной или нет?

Девушка совсем не хотела уходить с ним туда, откуда нет возврата. Она попятилась, упала в жидкую грязь, а затем снова поднялась и побежала по бесконечному полю, сбивая ноги, оступаясь и пытаясь спастись. За ее плечами кто-то жадно дышал, силился схватить несчастную за подол платья. Вскоре показался темный лес. Нина продиралась сквозь колючие ветви, царапала себя лицо и руки. Она совсем потеряла счет времени, а когда очнулась, то оказалась на лесной опушке, освещенной луной. Луна была такая яркая и огненная, что было больно глазам. Привычный серебряный свет сменился пламенеющим пожаром. Нина долго вглядывалась в кровавый диск, а когда оторвала свой взгляд, то поняла, что стоит на коленях. Светило словно заставило ее поклоняться, прибило гвоздями к земле. Внезапно почва под ногами задрожала, пошла темными волнами. Это была уже не земля, а зеркальная гладь, отражавшая кровавое великолепие луны и несчастную Нину. Только это была не привычная Нина, а старая, изможденная женщина. Юная девушка исчезла, а на ее месте возникла пожилая уродина с абсолютно седыми волосами. Ужас сковал сердце. Слезы потекли из глаз, и в свете луны они казались каплями крови, льющимися на иссохшую грудь.

— Нина, Нина, что с тобой? Тебе плохо?

Кто-то обнял ее за плечи, поставил на ноги. Девушка подняла лицо к спасителю и увидела испуганное, недоуменное лицо Сережи. Он смотрел на нее с отвращением и жалостью. Затем закрыл руками глаза и, оглушенный, растерянный, пробормотал:

— Это.. это ты? Что за наваждение! Уйди прочь, старая ведьма. Это не моя Нина. Я не знаю тебя! Моя Нина была нежным цветком, а ты — старуха, безобразная, кривая карга. Немедленно сними это платье, коварная тварь! Ты его украла у моей девушки, это точно. Где Нина? Где Нина, я тебя спрашиваю?

Совсем рядом раздался глухой голос:

— Не трогай эту несчастную. Непокорные платят сполна. Пржней Нины уже нет, и никогда не будет. Зато есть я. Взгляни же на меня, иди ко мне.

Сергей резко развернулся и увидел перед собой прекрасную юную девушку с медными волосами. Глаза ее сияли зеленым пламенем, щеки горели нежным румянцем. Ей было не больше двадцати четырех лет.

Запах смерти

Запах — это тонкая выжимка мира, его скрытое дыхание. Никто не ощущал запахи настолько ярко, как Ира Воробьева. Она чувствовала все пронзительные нюансы воздуха в деталях и на расстоянии. Каждый раз, когда Ира слышала очередной приятный аромат, то закрывала глаза и просто упивалась блаженством. Когда друзья и приятели смеялись над этой маленькой слабостью, девушка деловито объясняла свою наклонность:

— У меня отличное обоняние. Запахи — вся моя жизнь, отрада и утешение. Ничто не способно пленить меня так сильно, как любимые ароматы. Запах луга в августе, когда утренняя дымка только рассеивается, аромат свежесваренного кофе, пряная остринка корицы, свежее тепло только что скошенной травы, землистая чистота воздуха после грозы, влажная песня дождя, приглушенное благоухание мокрого асфальта — как все это прекрасно, насыщенно, радостно! Сейчас у меня в саду пахнет спелыми яблоками. А до этого сильно веяло медом и древесной сухостью — цвела липа. Весной благоухало ландышами, сиренью, акацией, смешанным ароматом цветущих плодовых деревьев. В беседке обдаёт виноградом, а на кухне — свежее испеченным хлебом и молоком. А сколько еще разнообразных, сладостных нот вокруг нас! Запах горького шоколада, сложное искушение роз, шепот ромашек и пчелиное прощание тлеющей свечи, дымное тепло костра, сухое дыхание опавшей листвы, нотка талого снега, кричащая о приближении весны, хвойная мудрость леса — так много всего вокруг способно вскружить нам голову, безмолвно покорить сердце. Я не понимаю людей, для которых запахи — лишь дополнительная грань жизни, побочное явление. Ведь именно они способны, как ничто другое, воздействовать на нашу память, освежать воспоминания, незримо шептать о вечном. Запах осени всегда напоминает мне о каком-то уже потерянном времени, когда холодает, а бабушка и дедушка начинают топить печь, и пахнет свежим хлебом и мятным чаем из кухни, а снаружи седой, плотный туман, у которого тоже есть свой особенный запах. Также необычайно люблю запах духов, которые я носила в какие-то хорошие моменты прошлых лет, несмотря на то, что, возможно, это не самые лучшие духи в мире. Разве это важно, если они способны подарить тепло моему сердцу? Всего один вдох — и я снова в школе, снова бегу на танцы и снова целуюсь под дождем. И сейчас мне приходят в голову еще два родных аромата: ванильный запах рождественского утра и запах дома, когда ломают праздничный пирог на празднике. Ах, да, еще кадило. Никогда в церкви не пахнет ладаном так, как тогда, в далеком детстве. Именно запахи создают ту неповторимую атмосферу уюта, когда приходишь домой и понимаешь: это мой дом, мой единственный дом. Как справедливо писал один поэт: «Когда двери раскроются, и запахом леса повеет, я, может быть, разберусь, что осталось во мне от меня».

И вот в один прекрасный, солнечный день Ира стояла на остановке автобуса. Ручьи журчали под ногами, а птицы заливались весенними трелями. Все вокруг преобразилось, прорвалось навстречу обновлению и любви. И в этой влажной, текучей прелести запахи раскрывались настолько сильно, что кружили голову. Девушка буквально пьянела под теплыми лучами солнца. Глаза щурились, а ноздри трепетали. Внезапно в этой сияющей, согревающей душу кутерьме возникла игривая нота мужского парфюма. Все в ней было изысканно и прекрасно. Ире был очень по душе этот благостно-ироничный, лучистый прищур. Аромат был деловит, импозантен, в ладах с собой. Он не хватал, не кричал о себе, не выделялся в весеннем дурмане. Никакой тщеты самоутверждения, никакого самолюбования.

Девушка закрыла глаза, и перед ней развернулись красочные картины, порожденные этой случайной нотой. Если раздавить голубые можжевеловые шишечки между пальцев — аромат будет очень похож на соло партию в этом классическом парфюме. Отстраненный какой-то, предельно манящий. Будто видение из прошлого, солнечное, живое, настоящее. Как взгляд свысока, брошенный незнакомцем из-за плеча. При этом сам аромат не разваливался на отдель-

ные составляющие, был очень плотно сбит. Ира втянула его и зашла в большую комнату фамильного особняка, открыла огромные двери. Комната в сумраке, окна завешены тяжелыми шторами. Никакой пыли — здесь регулярно убирались. Дорогой пол из ценных пород древесины натерт средствами ухода до матового блеска. Мастика пахнет гвоздикой, какао и еще множеством лесных, неуловимых запахов. Ира шла по паркету и с любопытством рассматривала портреты на стенах. Девушка вглядывалась снизу вверх, вставала на цыпочки, тянулась к полотнам, как к недоступным вершинам. Запах спокойный, тихий, но не скромный, совсем не робкий. Он как шикарная вещь, к которой давно привык, и уже не помнишь, как и от кого она досталась. В нем было нечто от фамильных драгоценностей, добротной мебели, старинных картин, инструментов, посуды, которые не покупают, а получают, пользуются и передают далее своим детям. Ира еще выше поднялась на цыпочках. Может быть, еще немного и достанет?

Но вот аромат затихает, видение рассеивается. Другая комната, другие полотна, другие хозяева. Особняк продан, мебель укрыта белоснежными чехлами. Уже не сверкают люстры, не коптят свечи в дорогих канделябрах. Вроде бы жизнь продолжается, но не покидает ощущение, что в то же время и закончилась. Какая-то странная нота проявилась в пространстве зала. Нота тревожная, мертвая, кричащая о слезах и боли. Что случилось? Почему такой диссонанс?

Ира открыла глаза. Перед ней стоял элегантный мужчина в твидовом пиджаке, бежевом плаще и очках. Именно от него исходил этот сложный, взрослый и слишком серьезный аромат. Очень теплый, приятный, обволакивающий, но в то же время тревожный. Мужчине было не больше сорока лет. Сразу видно, что он обладал богатым опытом, причем не на словах, а на деле. Незнакомец был предельно спокоен, собран. Он был из тех, кто всегда опрятен и без излишеств. Вероятно, мужчина всегда жил по строгим, устоявшимся правилам. Ровно семь часов на сон, пробежка рано утром, тарелка овсянки, аккуратный галстук на белую рубашку, свежая газета. Он точно уважаем среди коллег. От нападок кокетства защищен непрístupной броней иронии. Он был настолько хорош собой, что кружилась голова. Притягательная землестая сладость окружала незнакомца дурманящей дымкой. Ира снова принялась и придирчиво разобрала аромат на отдельные составляющие. Главные здесь были пачули, оттененные сверху лесными нотами, а снизу — приглушенной сладковатой базой. И вот именно эта коварная сладость вызывала тревогу. Было в ней нечто от последних дней, сумеречной зоны, преисподней. В ней сквозило дыхание самой смерти.

Ира подошла ближе, и вдруг от этого запаха на нее накатил необъяснимый, почти дикий ужас. Перед глазами снова возникла картина — темная, страшная комната, над девушкой нависает мускулистое тело с голым торсом. На шее насильника висит на цепочке маленький кинжал и раскачивается прямо перед лицом жертвы. Маятник отсчитывает последние секунды жизни. Влево-вправо, влево-вправо. Маленький хранитель преступления дробит мгновения, полные унижения и боли. Халат на теле давно разорван, гадкая улыбка преступника, его отвратительное самодовольство совсем рядом. Ничего уже не изменить, не исправить. Все кончено. Тело застыло в шоке от его слов, от этого грубого, животного зла. Пот стекает по лицу, падает на пол, сливается с кровавыми пятнами. Что мне делать? Почему же такие ощущения? Боже, как противно от своего же тела, от его жестоких ласк, от удушающего, мертвого запаха. Хочу смыть все это, очистить, забыть, как страшный сон. Он хохочет и сдавливает руками шею. Мир вокруг меркнет. Маятник все раскачивается, бьет молотом в висках, глумится над беспомощностью и безысходностью. Он разрезает воздух как нож, тихо отмеряет срок жизни. Раз-два. Раз-два. Последняя нота — это то, что я слышу, ощущаю, чувствую. Последняя нота — запах смерти. Свет погас. Все кончено, живой мне отсюда уже не выбраться...

Ира внезапно очнулась. Она все так же стояла на остановке, а сердце стучало так яростно, что почти вырывалось из груди. По лицу стекал холодный пот. Мужчина случайно взглянул на незнакомку. Затем в его глазах вспыхнула искра интереса. Он приблизился и мягко улыбнулся. Глаза незнакомца сузились, пристально разглядывали собеседницу.

— Знаете, я редко подхожу к людям на улице, но Вы предельно обворожительны. Прямо как весеннее солнце, как непостижимая тайна весны. Эта робкая, ускользающая улыбка, пленительная тайна дикой лани. Вас хочется догнать и приручить, а потом баловать без перерыва. Если бы я был художником, то непременно нарисовал бы Ваш портрет. Но, увы и ах. Таланты мои невелики, но если бы Вы согласились выпить со мной чашечку чая в ближайшем кафе, то чрезвычайно осыпали бы одинокого романтика.

Ира слушала его медовые речи, но даже приторную патоку слов заглушала могильная сладость аромата. Пачули глушили голову старой древесиной, тягучей смолой, осенними листьями и горьким шоколадом, а главное, сырой почвой после дождя. От незнакомца разило могилкой. Той самой могилкой, в которой лежало ее юное, прекрасное тело после истязания. Девушка вдруг замахала руками, словно очнувшись от дурного сна. Она попятилась назад, а глаза загорелись неприкрытой ненавистью и ужасом.

— Никуда я с Вами не пойду! Вы мне противны, отвратительны. Убийца, подлый, коварный убийца! Ступайте туда, откуда пришли. Если позволите себе приблизиться ко мне, я немедленно вызову полицию. Убирайтесь прочь!

Мужчина опешил, стал воровато озираться вокруг. Затем он резко сорвался с места и кинулся в сторону ближайшего двора. Люди вокруг заинтересовались происходящим, окружили хрупкую девушку, гордо стоящую в центре остановки. Она тряслась и горячо шептала неизвестные прежде стихи:

— Как ни душишь парфюмом дорогим,
Преступный умысел имеет смерти запах.
Он выдает того, кто был чужим,
Оставив след на хищных, тихих лапах.

Старинные часы

— Димон, ты ли это? Сколько лет, сколько зим!

Поникший мужчина, хромавший на одну ногу, вздрогнул и резко оглянулся. Глаза тревожно и недоуменно уставились на Антона Павловича. Наверное, прошла целая минута, прежде чем Дмитрий Сергеевич очнулся, пришел в себя. В темных, испуганных глазах вспыхнули искры узнавания. Он вынул руку из серой, затертой перчатки, и протянул ее приятелю.

— Антоха! Харитонов! Приветствую. Ну, хорош! Заматерел, оперился! Зинка, видно, все так же вкусно кормит. Не изменила себе.

— Ха-ха-ха. Не просто кормит, а откармливает, как на убой. Недаром профессиональная повариха. От нее не вырвешься, пока пузо себе не отрастишь. А ты вот сдал как-то, усох. Все коптишь на своем севере? Холост? Женат?

— Давно уже окольцевали. И детей вагон.

— Ну, молодец. Рад за тебя! Что там на севере? Как Хабаровск? Стоит? Или ты уже переехал?

На лицо Дмитрия Сергеевича опустилась тень. Этот тощий, словно сдавленный со всех сторон мужчина был похож на обломок старого дерева. В нем не осталось ничего живого, радостного. Вся молодецкая прыть юности померкла, уступив место глухому разочарованию. Этот был уже не тот восторженный, пышущий здоровьем мальчик, который жадно стремился на север, бредил бескрайними снегами и покорением недоступных земель. Он выгорел дотла, съезился и словно погас. Тошная, нескладная фигурка качалась на холодном ветру, а в глаза поселилась такая тоска, что почему-то хотелось плакать. Дмитрий Сергеевич напоминал коричневый, засохший огурец на ветке, который так и не сумел развиваться, напитаться соками лета и солнца. Он взглянул на розовощекого одноклассника и грустно сказал:

— Не спрашивай даже, Антон. Вот где у меня сидит этот север. — Дмитрий Сергеевич провел сухой ладонью по тощей шее. — Каждый день проклиная этот чертов Хабаровск, в который рванул по недоразвитым летам. Сосунок, глупец! Жизнь себе изломал, жену с детьми обрел на вечную каторгу! И откуда приехал? Из благословенной Астрахани! Не жизнь в этом адовом логове, а вечное мучение. Пять месяцев в году кошмарный мороз с ветром и высокой, пробирающей до костей влажностью, от которого не спасает никакая одежда. Верхняя одежда высокого качества мне до сих пор не по карману. Последнее отдаю торгашам, лишь бы не сдохнуть, лишь бы продержаться до весны. Типа, куда денетесь, все равно купите. Но даже в этом баснословно дорогом шмотье через пару минут начинаешь трястись от холода. Организм настолько вымотан холодом, что постоянно сдают нервы. Зимой езжу на такси и проклиная все на свете — нехилая такая статья затрат получается, учитывая, что зимой ценник задирают даже из-за полмиллиметра выпавшего снега. И все равно болею, вечно хватаю простуды и пневмонии. Раньше был здоровый мужик, а теперь совсем развалился. То понос, то золотуха. Сопли в три ручья, голова постоянно раскалывается. Но это только кошмарный, невыносимый климат. Все остальное — еще хуже. Например, цены на продукты. Зайдя в обычный занюханный магазин, ты там встретишь цены бутика на Елисейских полях. Не поверишь — в городе до сих пор нет ни одной федеральной сети продуктов питания! Местные барыги крутят ценники до небес, да еще ухмыляются, потирают мохнатые лапы. Живодеры! Типа, логистика дорогая, не хочешь — не бери, твои проблемы. Ага, они что, через Марс все везут? Это похоже на какой-то картельный сговор торговцев. Кстати, отдельно стоит сказать о качестве продуктов. Молочка местная — вся из сухого молока; ни творога нормального нет, ни сметаны — ничего. Мясо — паршивое, китайское, выращено в скотских условиях, напичкано, неизвестно чем. И конечно, это не привычная охлажденная продукция, а перемороженный кусок сомнительного вида. Овощи-фрукты безвкусные и залитые химикатами до умопомрачения, тоже китайские,

несъедобные, но безумно, катастрофически дорогие. Рыба хорошая, но постоянно рыбу есть не будешь — жабрами заиграешь. В общем, жизнь в Хабаровске — это жизнь на каторге. Никому не советую там оказаться!

Антон Павлович похлопал приятеля по плечу.

— Ну, будет, Димка, будет, не все так плохо. Ты драматизируешь. Просто устал, тебе надо в отпуск. Отдохнешь, погреешься на солнце, и снова глаза загорятся.

— Да, я об этом уже думал. К черту отпускные, рванем на источники. Сил нет терпеть эту гнусную, беспросветную зиму. Уже пять лет никуда не ездил, все вламываю, как сутулый тяжеловоз. У меня такое ощущение, что здесь крепостное право. Очень все дорого, приходится пахать, чтобы на базовые потребности заработать, некогда даже об отдыхе размышлять. Нет ни сил, ни времени на это. И у близких здоровье так этим климатом подорвано, что даже не знаешь, перенесут ли акклиматизацию. Да и постоянные перелеты, смена часовых поясов очень тяжело даются. А возвращаться в этот ад каково? У меня после за неделю крыша едет. Как представлю, что купаться и загорать можно максимум один месяц в году, и то если лето жаркое — волком выть тянет.

— Не прибедайся, Димка. Все познается в сравнении. Мы вот с женой давно подумывали к вам рвануть. Перебиваемся от получки до получки. А цены растут каждый день — уже не вытягиваем.

— Даже не думайте. Вычеркните эту бесперспективную идею из списка ваших будущих начинаний. На севере что молодым, что зрелым делать абсолютно нечего. Видишь, во что я превратился? Делай выводы! Иссошила меня эта мертвая земля, все соки выпила. Конечно, сейчас там понастроили развлекательных центров, в целом есть, чем заняться, но климат этот не для живого человека. Постоянно холодно, мало солнца, вечно низкое небо, темно, весной грязи по колено. Весны и лета как таковых нет. Да и в целом, все там как-то очень далеко от цивилизации. Если бы можно было открутить жизнь назад, то мне хоть миллионы бы предложили — в жизни бы не поехал. Нет идиотов в родном отечестве! Только ни одна собака эти самые миллионы платить не собирается. Плюс там проклятая Богом работа — физически невыносимо тяжелая. Что вы сможете реально делать? Какие вакансии смотрите? Я ехал вначале с бригадой монтажников. Это и сварка на высоте, и, при необходимости, в ледяной резине целый день, так как на болотистой местности работа, и по пояс в грязи, и умение работать с инструментами, ремонтировать их своими руками, и грузить, и тяжести таскать, и спать в одной комнате с несколькими храпящими, выпившими мужиками. А жена твоя? Просто не представляю себе женщину, работающую в таком месте. Тяжелая работа в невыносимых условиях — одни втягиваются, другие на следующий сезон ни за какие коврижки не едут. Это точно не для женщин город. Помню за все время лишь пару поварих по сменам и одну сухую старушонку, смотрящую за общагой. Поварихи — из ближайшего поселка из местных приезжали, да и еще несколько дам присутствовали, не обремененные высокой моралью. Ну, ты понимаешь, о чем я. Если все же решишься — сразу обговаривай фронт работ, условия проживания. А вообще, мужики рассказывали, что бывает — едешь на одни условия, а приезжаешь на другие. Врут безбожно, кишки мотают на кулак. Обещанное жилье оказывается продуваемым бараком, еда дорогущая и мерзкого качества, заказчик гнет так, что спину срываешь в первый же месяц. И не уедешь — транспорта нет, связи никакой. Поэтому обязательно на берегу обговаривай, договор подписывай, а на сказки не ведись, имей подстраховку «на большой земле».

— Что еще за подстраховка?

— Человек, который в случае твоего невыхода на связь может возбудить дело, прижать негодяев. Христом-Богом молю, никуда не суйтесь, сидите ровно, пока не прижало окончательно. Мне уже поздно рыпаться — песенка моя спета. Как та мышь: проклинаю, но жру кактус.

— Ага, как же! Можно подумать, что в Астрахани манна небесная с небес осыпается и в трусах по улицам рассекаем. Везде свои сложности. Там хорошо, где нас нет. А ты попробуй на зарплату учителя малых поднять — другую песню запоешь.

Дмитрий Сергеевич сжал густые брови и глухо пробормотал:

— Ты прав, у каждого свой путь. Человек неизменно стремится к лучшему, ему вечно чего-то не хватает. Но понимаешь, есть в этих суровых землях нечто такое, что бесконечно пугает меня, давит, постоянно гнетет. Какая-то беспричинная тоска лежит на сердце, словно незримая печать смерти. Гиблые края! В Хабаровске много исторических мест с невероятной и пугающей энергетикой, где по сей день происходят странные вещи. В домах, построенных на месте, где сотню лет назад происходили массовые убийства, дети разговаривают с пустотой, а из нежилых помещений, где некогда располагались бордели, доносится зловещий хохот и стук каблуков. На полу свидетели замечают некие блуждающие огни, зеленые лучи света. Но самое жуткое здесь — это большие старинные часы с давно сломанным механизмом. Сами по себе они работать не могут — неисправны, сломаны, но по ночам они вдруг начинают ходить, отбивать дьявольский ритм. Сам лично слышал эхо идущих стрелок — это не фантазия, не бред больного воображения, а пугающая реальность. Люди говорят, что в эти моменты, когда старые часы оживают, меняется сам ход времени. Беспричинный страх преследует тебя, гложет душу немым отвращением. Говорят, по ночам там можно увидеть озлобленных призраков погибших, которые даже способны столкнуть с лестницы прямо на торчащую из стен арматуру. Серые тени, злобные лица привидений и мертвый, бесконечный холод.

— Нет, ты точно устал, Дима. Шарик за ролики у тебя едут. А знаешь, что? Отправляйся-ка со всей семьей на термальные источники. Мы с Зинкой недавно отдыхали по профсоюзной программе. Это вещь! Мы были в этом году в Мрие, в Крыму. Вот где тепло, солнечно, а море — просто супер. Ездили на медицинские программы: жена суставы лечила, я худел, а дети против простуд лечились. Очень классные процедуры, и отдых удался на славу! А отношение какое! Да, остались еще люди. А в санаториях за рубежом сто лет никому тайны нашего организма не интересны. Там работают врачи через переводчика и стараются побольше процедур впарить в плечи, чтоб стрясти бабла животворящего. Морят бесконечными анализами, пьют нашу кровь, а время драгоценно, тугрики за каждый день пребывания немалые капают. А вот Крым — дело отменное, без подвоха! Рви, Димон, точно рви. Как подкоптишь бока и окорока — весь сплин испарится! Даю гарантию.

Дмитрий Сергеевич равнодушно согласился, сухо попрощался, а после побрел в сторону заправки. Фигура его быстро растаяла в утреннем тумане, а Антон Павлович после рассказывал жене:

— Совсем Димка сдал. Исчах весь, иссох. Вот что бывает, когда много на себя берешь. Сдался тот, кто рвал и кусался.

— Да, я видела его из машины. Такой бледный, худенький — без слез не взглянешь.

Зинаида Васильевна качала головой, от души жалела незнакомца. Она молча размышляла: «Видно, жена у этого горемыки — непутевая бабенка. Мне бы его на пару недель. Я бы его откормила, разгладила. Навернул бы моих котлет из свинины с лучком — стал бы круглым и сдобным, как тугой калач».

Время шло. С момента встречи прошло уже целых пять лет. Антон Павлович еще больше округлился, обрюзг. Походка его стала неуверенной, появилась одышка. Однажды мужчина сидел в кафе на берегу реки и наслаждался бокалом пива. Зной летнего полудня мягко купался в мутной воде. Пахло тиной и прибрежными травами. Мягко накатывала послеобеденная дрема, глаза слипались. Вдруг сонный взгляд Антона Павловича заметно оживился. Он заметил на набережной того самого приятеля, которого видел много лет назад.

— Димон, Димон! Кого я вижу? Ну-ка, стервец, иди сюда, поднимайся! Какими судьбами в нашем пропащем краю лотосов и арбузов?

Дмитрий Сергеевич, полный, самодовольный, бодро засеменил в кафе. Глаза его сияли хитрым лукавством, щеки лоснились. Это был уже не тот хмурый, потерянный страдалец, а отъявленный баловень судьбы.

— Право, не узнаю тебя! Всего пять лет — и такое преображение. Бабу что ли сменил? Ааа, уши-то загорелись огнем! Колись, мерзавец! Без женщины тут точно не обошлось. Я, друг мой, такие пикантные вещи за версту чую. Нюх, природное наитие! А в Крым-то сгонял? Или на источники какие?

Приятель внезапно опешил.

— Какой еще «Крым»? При чем тут Крым? Что ты? Нужен он мне сто лет! Терпеть не могу жару. Я уже лет десять никуда не выезжал. Здесь по нужде — мать слегка прихворала, надо было навестить. А так бы — ни ногой в это пекло. Знаешь, платят мне на севере достойно и исправно, работу безмерно люблю. Да и климат вполне устраивает. Все эти снежные заносы, безлюдные земли прекрасны — отрада для моей поэтической, нелюдимой души. Стою, бывает, в поле и чувствую себя властелином всего севера. Ни одна сволочь не нарушает внутренний покой. Тишь да благодать! Мое место, всем сердцем мое!

— Как же так? Я ничего не понимаю... Ты же пять лет назад, когда мы здесь виделись, пел совсем другую песню. Мол, север заел, глаза бы твои его не видели. Тоска на сердце, холод бесконечный, и прочее, и прочее.

Дмитрий Сергеевич округлил темные, как вишни, глаза и расхохотался.

— Антонио, друг мой, прекращай бухать пиво в такую жару, да и на солнце меньше штаны просиживай. У тебя уже белая горячка — не иначе. Допился до зеленых чертей, несешь полную чушь. Я не приезжал сюда уже длительное время. Можешь спросить у моей законной супруги, легко подтвердит. Да и зачем мне сюда возвращаться? Духота, праздность мещанская, пыльная апатия. Нет, нет, меня сюда уже не затащить. То ли дело — дикий, неприрученный север. Моя отрада, моя душа. Колотый хрусталь снега, бешеный напор ветра, звезды, рьяно танцующие в сугробах, сияние бескрайнего неба. Что может быть лучше? А?

Зависла звенящая тишина, воздух незримо сгустился. Антон Павлович с открытым ртом уставился на своего приятеля и не находил слов. В этот короткий миг он словно услышал пульс своей собственной души. Кого же он видел тогда, возле заправочной станции? Кто жаловался на север, на безысходность, на глухую, извечную тоску? Чья неприкаянная душа стучала во все двери, искала спасительную поддержку? Цепь времен разорвалась, круг замкнулся, а таинственного странника уже давно не было. Или совсем недавно. Старинные часы по-прежнему отбивали свой ритм в пустом зале.

Теория квантового бессмертия

Сквозь кроны деревьев пробивался золотой свет. Аллея в парке дышала свежестью и покоем. Природа словно хорошо выпалась, затем умылась росой и с хрустом потягивалась после глубокого сна. Пели птички, шелестели едва пробивающиеся листья, и на душе было так спокойно, что хотелось оторваться первому встречному, довериться и начать все сначала. Лида Новикова, такая же юная и прекрасная, как ранняя весна, сидела на скамейке под раскидистым кленом и беседовала со своим другом Степой. Солнце заливало дорожки и светлые волосы девушки. Серые глаза молодой особы мечтательно вглядывались в золотые искры между ветками деревьев. Степан внимательно слушал свою подругу. Между ними ровным счетом ничего не было, кроме чистой, ничем не оскверненной дружбы. Молодые люди быстро сошлись и часто ходили обедать в столовую, находящуюся неподалеку от университета. Затем они возвращались на пары и расходились в разные стороны до следующего учебного дня. Однако сегодня стояла настолько прекрасная погода, что Степа предложил прогуляться в парке. Лида сразу согласилась и вот сейчас сидела перед своим другом и, глубоко задумавшись, напрягала свои светлые брови, перебирала тонкие пальцы. Ее словно угнетало нечто, совсем не относящееся к этому восхитительному дню. Парень попытался подбодрить девушку.

— Что с тобой сегодня? Рыбу в столовке пережарили? Ну, так это далеко не откровение. Обеды настолько скудные и уровня ниже среднего, что у этого злачного заведения неспроста появилось неофициальное название «изжога». Не хмурься, Лида. Будь как все — стань терпилоидом.

Лида криво улыбнулась, а затем снова напряглась. Ей явно хотелось рассказать что-то за пределами этого теплого дня, но она не смела, никак не решалась. Но прошло несколько мгновений, и девушка, наконец, сдалась, закрыла глаза, а потом хлынул поток страшного признания:

— Знаешь, Степка, я не могу это больше держать в себе. Мне обязательно надо с кем-то поделиться. Сколько лет прошло, а я все так же вздрагиваю по ночам, все так же думаю, сколько всего я пережила в то черное время. Я уверена, что ты — единственный человек, который способен меня выслушать и понять. Пусть это звучит пафосно и накладывает на тебя определенную долю ответственности, но больше мне довериться некому. Если ты не хочешь слушать этот ужас, то скажи мне прямо, останови меня без промедления. Я не обижусь, я пойму. Мне даже от воспоминаний становится плохо, начинает мутить.

Степан мягко улыбнулся и взял Лиду за руку. Его темные глаза нежно вглядывались в покрасневшее от волнения лицо девушки.

— Что ты, конечно говори. Ты же знаешь, я всегда рядом. Что бы ни случилось в прошлом — это уже давно прошло, растворилось, исчезло. А сейчас есть только мы, весна и этот солнечный, радостный день. Доверься мне, освободи свое сердце.

Лида с благодарностью схватила руку друга, а затем, откинув ее, принялась горячо шептать, запинаясь, глотая слова:

— Очень трудно об этом говорить, но я постараюсь, возьму себя в руки. Да... Как же начать? А впрочем, не важно, начну прямо с главного. Ты знаешь, я ненавидела моего отчима всем сердцем. Когда он появился (мне было всего девять лет), я думала, что он мне заменит отца. Я ведь всегда мечтала, чтобы у меня был самый настоящий папа, молилась об этом небу перед сном. Мать мне сразу объяснила, что Николай Семенович — очень хороший человек. Она говорила, что он любит животных, детей и совсем не пьет. А это была такая редкость в нашем захолустном городке! Настоящее сокровище! Мать так отчаялась в своих безуспешных попытках наладить личную жизнь, что хваталась за любую соломинку, лишь бы эта соломинка могла хорошо кушать, шлепать по мягкому месту и иногда забивать гвоздь в стене. Я помню,

что они почти не разговаривали. Совсем не было общих тем для бесед, взаимных интересов. Их свела пошлая, тусклая безысходность судьбы. Они тянулись к человеческому присутствию рядом из-за врожденных инстинктов, потребности в безопасности, тепле и глубокой эмоциональной привязанности. Словно были не людьми разумными, а стайными животными, а сон вместе обеспечивал им защиту, уют и возможность расслабиться после тяжелого рабочего дня. Знаешь, такая скотская, животная связь.

В общем, все было хорошо ровно до того момента, как мы съехались. Оказалось, что у Николая Семеновича три раза был привод в психушку на фоне употребления веществ, буквально сносило крышу. Прошло совсем немного времени, прежде чем мой отчим проявил свой настоящий характер. Я просто не помыла посуду за ним, и он начал меня бить ремнем с металлической пряжкой, а мама просто стояла и смотрела на это. Мне тогда стало очень больно, не столько от ударов, сколько от этого тупого, бессмысленного унижения. После у меня были огромные, темные синяки по всему телу. Я с того момента начала желать ему смерти, ненавидела его всем сердцем. Это было лживое, лицемерное существо с вечно бегающими глазами. Николай Семенович постоянно что-то искал в нашей кладовой. Он перебирал бутылки трясущимися руками, хватал их, разбивал. Вихрь врвался в нашу маленькую квартиру и приносил с собой черный хаос. Каждый его визит оставлял на полу жидкие, липкие пятна, битое стекло. Он разбивал не только тару, но и мою бедную, страдающую детскую душу. Мама равнодушно молчала, принимала все, как есть с покорным смирением.

Николай Семенович, как позже выяснилось, совсем не любил животных. Он выпускал нашу несчастную таксу Сосиску прямо на мороз и совсем забывал об этом. Потом собака приходила вся в крови и язвах, я лечила ее. А отчим желал смерти собаке, постоянно пинал ногами. Когда он не мог мне что-то сделать, то начинал яростно лупить безответное животное. Я слышала душераздирающие визги таксы, закрывала ладошками уши и представляла, что я стала огромной, как скала, и бью этого гада булавой прямо по голове, лысой, скользкой, противной. Даже его внешность казалась мне омерзительной. Эта круглая голова без волос напоминала мне бездумную кеглю, твердую, узколобую. Выпирающий живот, узкие плечи и выпуклые, безумные глаза с вечным вызовом. О, как же я его презирала! Даже сейчас трясусь от отвращения. Собака его очень боялась, всегда пряталась под стул и скулила, чтобы он не бил ее. Это жестокое избиение Сосиски вошло у него в привычку. Так он нагуливал аппетит, развлекался. А после сидел за столом, жевал колбасу и протягивал собаке шкурку. Она ползла на брюхе с виноватыми глазами, а отчим хватал в этот момент таксу за шкурку и бasil ей прямо в ухо:

— Ууу, тварь барсучья, дармоед ползучий! Порешу прихлебалу рыжую!

Самой последней каплей стало то, что отчим наговорил про моего настоящего отца много плохого. Он с упоением рассуждал, что детей бить полезно, что он бил своего ребенка, когда тому было два года. Я просто сидела и выслушивала этот поток убожества, и меня всю трясло, сжимало от отвращения. Я хотела взять нож и сделать дырку в этом наглom, самоуверенном лице с блуждающими глазами. Но я просто была ножницами о пол, а отчим крыл меня матом, бесконечно унижал. Я не могла ему что-то сделать, так как он был несравнимо сильнее меня. Беззащитная слабость сковывала все тело, а я не почти могла дышать.

— Это самый настоящий ад. Почему ты не поговорила с мамой? Не объяснила ей весь ужас твоего положения, не открыла глаза?

— Я пыталась, но все мои попытки разбивались на тысячи осколков. Мама гладила меня по голове и тихо говорила, что надо потерпеть — все наладится. Она боялась разводиться, так как опасалась никого себе не найти в будущем, а мое моральное состояние было очень плохое. От одной рожи этого человека становилось тошно и хотелось ударить его, размазать о стену. Я искренне желала, чтобы мой отчим умер. У меня внутри кипела очень сильная ненависть и непрерывная жажда мести. Он настолько погряз в своих долгах, что украл у нашей семьи золотые украшения из серванта. Засудить этого подонка было невозможно — доказательств

никаких не было. Просто в один день пропали все украшения в доме, а никто кроме него этого сделать не мог. Мать по-прежнему молчала и тихо вытирала слезы.

Часто бывали случаи, что в состоянии прихода Николай Семенович крушил нашу квартиру. Один раз он чуть не спалил ее, потому что уснул и не выключил плиту. Еще он стал постоянно оскорблять мою мать. То толкал ее, то придирался, то критиковал за внешность.. Меня постоянно трясло от глухой, мутной ненависти. Я не знала, что делать с этой черной дырой внутри себя. Она разрослась до таких необозримых пределов, что закрыла собой весь видимый мир. Я была злой до такой степени, что у меня просто не было моментов, когда я не выходила из себя. Я забыла, что такое солнечные дни, детские невинные игры, радость и доверие. Я лишь представляла себе, что он умрет без моего вмешательства, стгнет в канаве и о нем все забудут.

Бойтесь своих желаний — теперь я это точно знаю. Он действительно исчез с лица земли, только это случилось не сразу. Постепенно действие наркотиков усугубилось. Домашний тиран пошел еще дальше в своем безумии. У него стали случаться приступы необоснованной паники. В эти моменты отчим слышал голоса в своей голове, которые приказывали ему уйти в иной мир, а заодно забрать с собой всех людей, находящихся рядом. Этот поистине страшный, больной человек убегал из дома в одном нижнем белье, рубил топором двери, крушил ломом домашнюю мебель, отчаянно звал на помощь. Он так извел соседей, что нас уже начинали бояться и тихо ненавидеть. Меня избегали сверстники, называли «дьявольским семенем». Во время обострения отчим грозился расстрелять определенные группы населения, не здоровался ни с кем, носился по всему дому с безумным видом. Мог замереть на месте с шальными глазами, никого не замечал, всем угрожал, вечно лез в драку. Нет, даже не так, скорее — подбегал, бил сзади по голове и с хохотом убегал. Кругом ему виделись враги, мечтавшие его отравить. В моем случае, вероятно, он был совсем недалеко от истины.

Длился этот крошечный ад бесконечно долго. Не буду вдаваться в подробности, но как-то, уже в подростковом возрасте, я оказалась в одной действительно страшной ситуации. В запертой квартире, на седьмом этаже, без возможности выйти через входную дверь, с закрытыми окнами, вырванной каким-то образом из газовой плиты трубой, откуда с шипением шел газ. Этот выродок дошел до предела в своем помешательстве. Он твердо решил покончить с жизнью, взорвав себя вместе со мной.

— О, какой ужас!

— Да, да, ты абсолютно прав. Даже сейчас я не верю, что это случилось со мной. Это словно была не я, а моя тень, мое отражение в зеркале. Только представь: кухня, окна закрыты, повсюду газ, нечем дышать, стоит ухмыляющийся убийца и вытаскивает из кармана зажигалку, чтобы все к черту спалить. Меня сковал в тот момент такой отчаянный страх, что все мое тело словно парализовало. Я не могла глубоко вдохнуть, пошевелиться. Этот миг был похож на ночной кошмар, на замедленную съемку в кино. Зрение мое помутилось, глаза закрылись пеленой слез. Я только помню, что я смотрела на отчима и уверенно произнесла про себя: «Это конец». Но что-то во мне вдруг резко воспротивилось этому безумству, этому роковому тупику моей жизни. Какая-то искра протеста яростно вспыхнула внутри, озарила сумрак комнаты. Я подняла руки, защищаясь от сумасшедшего тирана, и громко взмолилась:

— Господи, помоги! Я не хочу умирать! За что мне все это? За что? Спаси меня и помилуй!

Через мгновение я оказалась сидящей на лестничной площадке, с зажигалкой в руке. И не могла вспомнить, как я там оказалась, как отобрала зажигалку и как выбралась. Полное обнуление сознания. Спокойно вернулась домой, прошла мимо лежащего на диване отчима, выключила газ, открыла окна и ушла на балкон. До сих пор не могу понять, что тогда произошло. По моим подсчетам прошла всего доля секунды. Он уже зажег зажигалку, и по всем законам физики, логики, жизни я должна была умереть, взорваться в квартире, переполненной

газом. И что самое удивительное — с того времени все пошло по-другому. Мать быстро добилась развода, а жизнь моя стала спокойной и тихой. Что это было? Как объяснить подобную трансформацию? Я бьюсь уже несколько лет, но не нахожу четкого ответа. Я словно оказалась в иной вселенной, где жизнь переключилась на другие обстоятельства и события. Я стала видеть солнце, весну, полевые цветы, а до этого словно бродила в сумеречной зоне немого отчаяния и невозможности что-либо изменить. Странно все это, очень странно...

Степа долго молчал и с жалостью смотрел на подругу. Затем они осторожно заговорил:

— Я тебе очень сочувствую, Лидочка. Если бы я только мог помочь и разделить хоть немного твою боль, твоё бесконечное отчаяние! Поверь мне, мое сердце обливалось кровавыми слезами, когда я слушал то, что ты пережила. Ни один человек на земле не достоин таких страданий.

— Не волнуйся, не расстраивайся так сильно. Все ушло, все уже бесконечно далеко от меня. Я думаю вовсе не о тех страшных событиях, а о том, что произошло позже. Что вынесло меня в другое измерение? Что это было, скажи?

Степан задумался, а после спросил:

— Тебе известна теория квантового бессмертия?

— Да, я что-то читала, но уже, если честно, помню очень смутно.

— Вероятно, ты в критический момент своей жизни пережила именно это явление. Я рискну предположить, что, скорее всего, в той жуткой реальности ты погибла, а затем переместились в новую, где уже не помнила, как спаслась. Квантовое бессмертие предполагает, что сознание перескакивает только в те ветви, где человек остается жив. Поэтому теоретически человек может никогда не пережить свою смерть, а его существование продлевается бесконечно. Не происходило ли еще что-то странное с тобой потом? Может, близкие как-то изменились и рассказывали истории про тебя, которые ты тоже не помнила? Не появилось ощущение, что что-то стало не так?

Лида глубоко вздохнула. Ее глаза потемнели.

— Да, это так. Я часто не понимала, почему мама вдруг стала такой решительной, смелой. А отчим, наоборот, растерял свой пыл и угас, поддавшись влиянию этой слабой, бессловесной женщины. Я улавливала детали, которых раньше совсем не замечала. То же солнце стало светить гораздо ярче, а тени стали более четкие. Раньше все было как в тумане, в призрачном сне.

— Да, думаю, именно это с тобой и произошло. Выживание во всех ветвях может требовать огромных затрат энергии или нарушать фундаментальные законы термодинамики. Я в это искренне верю. Именно перемещение сознания создает необозримый простор для творчества. Ведь, по сути, любые озарения, мгновения дежавю могут быть результатом связи с другими вселенными, в которых время движется совсем по-другому. Человек в такие моменты испытывает чистую радость, смешанную с беспричинной тоской. Именно эта тоска доказывает нам то, что мы помним, что утратили нечто за пределом зримой реальности, но что именно — вспомнить не в состоянии. И мы ищем, силимся понять, но ловим лишь призрак истины, ее ускользающий след.

Всегда считал, что наше сознание дрейфует между параллельными вселенными. То есть твои мысли и действия формируют твоё настроение и состояние сознания, и в зависимости от состояния сознания оно мигрирует между квантовыми вселенными, где меняются условия для нашего бытия. В одной вселенной что-то для нас невозможно, но, совершая поступки или меняя свое отношение к ним, мы попадаем туда, где это уже легче, а потом и вовсе туда, где все легко реализуемо, достойно первичного желания и начальных действий, а поначалу это казалось чем-то за гранью.

Клетки на энергетическом уровне — это сочетания квантов энергии. Углубляться в микромир на уровень молекул и атомов я не буду. Клеточного уровня достаточно для понимания. Тогда что есть человек в этом мире энергий? Человек — это сбалансированная система, состо-

ящая из великого множества клеток, квантов энергии, волновых потоков. Иными словами, человек в принципе, теоретически, бессмертен! Может, я мыслю примитивно с точки зрения физиков, но, тем не менее, и эта версия имеет право на существование. По древним преданиям гиперборейцы жили вечно, уходя из жизни лишь по собственному желанию. Атланты меряли жизни тысячелетиями, а библейские персонажи перешагивали многие столетия. Древнеславянские волхвы доживали до трехсот лет. И что же произошло в наши дни? Мы бездумно сократили срок жизни. Люди с современным мышлением слишком погрузились в материю и забыли об истинной природе своей бессмертной души. Вечен дух, он веет там, где истлела плоть, и память о ней развеялась, растворилась. Но самое интересное даже не это. Я твердо уверен в том, что если материя во вселенной конечна, а сама вселенная циклична в рождении и смерти, то однажды все атомы снова встанут в таком же порядке, как сейчас, и все опять повторится. А если повторится хотя бы один раз, то, значит, повторится бесконечно. Наше возрождение в других измерениях подобно исцелению. Оно гармонично, оно охраняется неким высшим смыслом. Все ушедшие жизни, все наши прошлые воплощения и скачки прямо сейчас в этом блеске, в этом шорохе листьев, в этой сладостной, теплой весне, полной незримых надежд. Ты снова живешь, Лида, ты вырвалась, ты воскресла.

Глаза девушки поднялись к небу и снова просветлели. В них отразились облака и блики солнца. Лида совсем успокоилась и благодарно произнесла:

— Вначале было слово, но ведь реальность бытует без слов. Не трудно догадаться, кто вечен.

Поздняя ночь

Близилась полночь, и город стих, словно погрузился в сон. Валя Дроздова задумчиво брела по широкой, раскисшей дороге. Луна освещала призрачным светом черную землю. Мысли в голове шумели, впивались в душу растревоженными пчелами. Валя размышляла о своей неудавшейся жизни в этом провинциальном месте, куда ее забросила судьба. Еще молодой девушкой она попала сюда по распределению, и все ее восторженные мечты о высоком, счастливом, радостном померкли, слились с чавкающей грязью под ногами. Уставшая девушка топтала былые надежды, яростно размышляла:

— Наконец-то конец рабочего дня! Можно выдохнуть, расслабиться. Как же здесь одиноко! Я совершенно одна в этом проклятом месте. Возможно, только одна луна подсматривает за мной, насмешливо косит серебряным глазом. Она ведь знает обо всем, а если не знает, то точно догадывается. Набралась мудрости за бесконечное множество лет. Смейся, смейся, царица небес! Тебе забавно наблюдать сверху над неудачницей. Знаешь каждый мой шаг, каждое намерение. Да, я ведь так предсказуема, ничтожна. А у тебя все удалось, все строго по плану. Пришла ночь — и ты госпожа на небе, а звонкие звезды щедро рассыпаются в твои карманы, оттеняют твоё величие. Но когда-нибудь и ты сгоришь, и ты узнаешь вкус поражения. Я тогда посмотрю на твой горделивый свет! Легко сиять, пока все хорошо да предсказуемо. А попробуй веселиться, когда тучи набежали, затянули все ночное небо. Ну, что, молчишь?

Валя сжала правую руку в кулак и погрозила светилу. Страшно хотелось спать, а еще сильнее — плакать. Какая-то малодушная жалость к самой себе охватила девушку и лишила последних сил.

— Почему в моей жизни все так нескладно, нелепо? Как же осточертела эта тяжелая, изматывающая работа! Не хочу больше ишачить — достало! С детства мечтала стать врачом, долга шла к этому, хорошо училась, ходила на курсы, потом шесть долгих лет университета, интернатура, ординатура. В итоге — дипломы, сертификаты и я новоиспеченный анестезиолог-реаниматолог. Добро пожаловать, наивная идиотка! Два года яростно работала, рвалась в бой как умалишенная. Нравилось все: наркозы, дежурства по реанимации, сложности, но вот пошел уже третий год, и все резко оборвалось. Полное, глухое разочарование. Ощущение, что это совсем не мое, я рождена для другой, более чистой, красивой жизни. Мне так тошно! Просыпаться не хочу, на работу иду в слезах в прямом смысле этого слова, на дежурствах меня трясет, отвращение к пациентам, не могу общаться с хирургами. Наглые, самоуверенные человеконенавистники. Раздражает абсолютно все. Даже отпуск не помог — пролетел пулей, а я снова вынуждена терпеть эту каждодневную пытку, эту невыносимую каторгу. Не понимаю, что делать, куда идти. Кардинально менять работу — но на что? Хотя понимаю, что есть специальности намного интереснее — археолог, искусствовед, историк, экскурсовод. Но как вырваться, если совсем не хватает сил? Куда бежать? Кто мне поможет, даст совет? Ни одной близкой души рядом, ни одного надежного друга!

Из чего состоит моя молодая жизнь в последнее время? Третий месяц деятельности в режиме «аврал». Просто молочная кислота в душе накопилась, как в мышцах после тяжелой тренировки. После начала ковида все стало только хуже. Сейчас в разгар пандемии четко вижу, как из врачей выпивают все соки, душат приказами. Врачи — это уже не люди, а пушечное мясо — работают безвылазно в этих больницах, месяцами не видят семьи и детей, получают огромные дозы смертельно опасного вируса, болеют в разы тяжелее; кто-то даже расстается с жизнью, уродует лицо пролежнями от очков и респираторов. Загребают нас всех, вплоть до стоматологов и психиатров. Я не собираюсь, не желаю работать на передовой, для меня лучше уволиться, чем такие гибельные перспективы. Раньше хоть оставалось личное время, а теперь чувствую себя выжатым лимоном, узником в карцере. Зарплата ничтожная, несоизмеримая

с усилиями и рисками. Конечно, у многих врачей нет желания работать по специальности. Потому что в нашей стране, к сожалению, здоровье приравнивают к услугам. Платят как уборщицам. Ах, как это все неприятно, как грустно!

Валя даже не заметила, как начала говорить вслух. Девушка ломала руки, шаталась. Старые ботинки месили грязь, а ноги страшно замерзли.

— А что с личной жизнью? Полный провал! Где искать любимого мужчину в этой дыре? Почему мне не хватило характера остаться в столице после обучения? Там яркие, интересные, читающие люди. А что здесь? Что меня ждет? Здесь людей с высшим образованием постоянно унижают. Складывается такое ощущение, что их считают какими-то неполноценными. Когда речь заходит об учебе или работе надо мной постоянно подтрунивают, намекая, что мой диплом ничего не стоит, что я зря потратила время и силы. А эти плюющие и харкающие на улице мужики? Разговаривают матом в приказном тоне с незнакомыми людьми и имеют честь гордиться подобным поведением! А остальная серая масса? Тупые, безвольные люди, покорные насилию. Упрямое стадо, не желающее развиваться и прислушиваться, делящее людей по материальному критерию, разговаривающее с богатыми и не очень людьми совершенно по-разному. Убогие людишки, которые живут исключительно своими собственными интересами, подчиняясь законам не человеческого общежития, а животного мира. Набить брюхо, побухать, потрахаться, урвать у соседа что-либо — вот и все их интересы, смыслы примитивной жизни. Насекомые, ущербные блохи! Следы их присутствия в этом городе повсюду. Поставили возле дома скамейку — на следующий день нет ни одной доски, стащили к себе на дачу. Укололись — бросили шприцы с кровью возле подъезда. Выкурили сигарету — уронили бычок прямо под ноги. Погудели прямо на детской площадке — все забросали бутылками, заплевали, зассали. Купили в кредит подержанный джип — поставили прямо на газон, на стоянку денег не хватило. Пусть все видят, что разжились, выделились. Плевать на правила парковки, дорожного движения, светофоры, пешеходов. Делают ремонт в квартире, доставшейся по наследству — обязательно снесут несущую стену. Полное, катастрофическое отсутствие интересов, духовных поисков, смыслов бытия, нежелание взглянуть дальше своего носа или заглянуть в завтрашний день. И только если попытаться отнять у этих людей какие-то материальные ценности, они агрессивно станут их защищать. В кого здесь влюбиться? Да и как я могу забыть Андрея? Как выкинуть его из сердца, стереть из памяти? С кем сравнить его в этом занюханном клоповнике?

Я до сих пор помню нашу первую встречу. Меня как громом поразило, когда я увидела его — вероятно, это была та самая любовь «с первого взгляда». У меня случалось похожее чувство и раньше, но именно с ним я поняла, что то, что было до — детские утехы, невнятный лепет. Ведь именно его забыть так и не получилось, именно о нем все мысли, а не о тех, других. Андрей никогда не давал мне надежды на что-то большее. На словах мы — друзья. Однако ко мне в этой дружбе всегда относились с заботой, пониманием. Он не оттолкнул меня ни разу, хотя сама я разрывала наши отношения периодически, потому что мне было невыносимо нести груз любви в одиночку.

Почему же я люблю тогда? Что в этом человеке такого, что меня не отпускало ни дня на протяжении вот уже десяти лет? Что я точно могу сказать? Могу ли? Да, абсолютно. Точнее могла и, конечно же, ошибалась. Я идеализировала его, возвышала. Мол, это самый умный и благородный парень, кого я встречала. Человек, который никогда не станет вымещать на других свои неудачи или недовольства. Его интеллект так же высок, как милосердно его сердце. Его тяга к знаниям бесконечна, ум гибок, подвижен. Он любит животных, уважает своих родителей, какими бы они ни были. Еще он приходит к близким, когда они в нем действительно нуждаются. Не откажет в трудную минуту, хотя и поблажек делать не станет; всегда говорит, что за свои проблемы мы несем ответственность сами, так как же, как и за успехи. Дура, ох, какая я была наивная дура!

И я несла эту ответственность. Гордо, молчаливо, покорно. Я столько долгих лет жила только мыслями о нем. А потом был этот страшный, последний новый год в компании друзей. Ничем не примечательная вечеринка: все свои, музыка, танцы, скука, взрывы петард... и вдруг зашел он. Нет, нет, Андрей вовсе не осветил собой ту ночь. Он был очень злым, отчаянным, пьяным, но для меня он в любом виде был желанным и самым любимым. А что было дальше? Что произошло? А дальше на короткий миг вспыхнуло самое настоящее чудо, взлетело новогодним салютом и разбрызгало искры в ночном небе. Да! Это случилось! Это была самая лучшая ночь в моей жизни. Да, есть такой момент в нашей жизни, когда земля дрожит под ногами, а звезды трясутся от счастья, слепят глаза невыразимым счастьем. Так вот это был именно он! Целая ночь бесконечного, полного счастья. После он сразу уснул, а я лежала рядом, боялась пошевелиться и разбудить его; я думала тогда, что задохнусь, умру от радости. А утром я чуть не умерла от горя, когда он проснулся, вскочил, сказал, что прошлая ночь была ошибкой, что почти женат и вчера просто поругался с супругой. Он уехал, не попрощавшись. Куда делась его деликатность, такт, милосердие? Он отбросил меня от себя, как выкуренную сигарету. И я лежала на холодной земле, еще теплая, еще живая.

Я хотела бы ее ненавидеть, но, увы, не могу. Его настоящая любовь... я видела ее изда- лека. Наверное, таких красивых женщин я еще не встречала. Зеленые глаза, золотые волосы. И эта дивная, пленяющая грация в каждом жесте, в каждом движении. А я, такая неуклюжая, склонная к полноте, нервная брюнетка, тихо ненавидящая свою жизнь... Как я могу сравниться с этой совершенной музой? Но я пыталась, искала встреч с ним, задавала вопросы. Андрей больше молчал, избегал меня. Однажды он грубо сказал: «Меня от себя тошнит. Без нее я — уже не я. Я предельно виноват перед ней. Уезжай, пожалуйста, не ищи меня».

Я уехала, смирилась. Бороться за любовь, как советуют многие, я не умею, да и не могу. Сил совсем нет. Чувствую себя абсолютно опустошенной, никому не нужной. Кроме того, как слушать грустную музыку и плакать, ничего в голову не приходит. Еще пишу без конца ему письма, но не отправляю. Гордость не позволяет. Поездки, магазины, еда, одежда, пустые разговоры — все перестало радовать. Везде он, как наваждение, которое не могу отогнать от себя. Как себя вытащить из этой черной ямы? И еще я поняла, что замуж хочу именно за него, что лучше, чем он, я никогда не встречу... дай Бог, пройдет время, и я посмеюсь над этими мыслями, но пока так... Люблю его так, как будто мы последние мужчина и женщина на Земле. Без оглядки на будущее, без надежды, без взаимности. Этот темный червяк грызет меня внутри, выедаёт всю душу. Если у отношений нет будущего, то из них рано или поздно надо будет выбираться. Вопрос: рано или поздно? Кажется, что ответ очевиден — рано. Но начинаю думать, что эти отношения — это и есть сама жизнь... А остальное — суета. Боюсь, не переживу даже эту зиму... Но даже если не переживу, то его все равно не оставлю. Он нужен мне как воздух, как возможность дышать и быть собой.

Внезапно ход мыслей прервал истошный крик. Навстречу бросилась высокая женщина в белом платье. Она разрезала воздух как молния, мелькнула испуганной птицей. Заламывая руки, рыдая, незнакомка принялась причитать:

— Помогите! Спасите! Мой ребенок болеет, умирает, он срочно нуждается в помощи. Вы же врач, верно? Умоляю Вас, заклинаю!

Валя мгновенно очнулась и пришла в себя.

— Успокойтесь, не волнуйтесь. Что случилось? Я пойду, конечно, пойду. Показывайте дорогу.

И она побежала за серой тенью. Сердце стучало в висках, свет луны кромсал придорожные тени. Грязь чавкала под ногами, забивалась прямо в ботинки. Незнакомка скользнула в дом, открыла тяжелую дверь. Скрипнули старые ступени, запахло прокисшим вином и дешевой колбасой. Валя ворвалась в комнату и увидела на кровати маленького ребенка. Он загребал ручками впереди себя, а щеки малыша лихорадочно горели. Мальчик тонко стонал:

— Мама, мамочка! Не оставляй меня, не бросай! Кто эта черная тетя? Черные глаза, черные руки, черные крылья. Почему у нее вместо пальцев когти? Она хочет съесть меня, да? Как же хочется пить! Почему комната сжалась, закрутилась в кольцо, стала круглой? Меня бросили в колодец? Здесь вода, ледяная вода. Нет, нет, я не могу ее пить, не могу...

Глаза малыша блуждали по стене и ничего не видели. Судорога свела маленькое, горячее тельце. Валя кинулась к ребенку, обняла его, стала гладить светлые волосы, целовать в потную макушку. Мальчик долго дрожал, трепетал на кровати, а потом его вырвало прямо на одеяло. Целую ночь девушка боролась со смертью. Она поила незнакомое дитя, прикладывала холодные компрессы, давала лекарства. Под утро ребенку стало легче, температура спала. Малыш затих, уснул с кроткой улыбкой на лице. Валя держала его за руку, уже прохладную и спокойную, и оглядывалась вокруг себя.

Поздний рассвет прорвался к жизни, обливал комнату жидким, серым светом. На столе, неподалеку от кровати, стояла фотография в траурной рамке. Валя вздрогнула, быстро вскочила с кровати. Она схватила фото, с ужасом всматривалась в знакомые черты лица. На нее смотрела, мягко улыбаясь, вчерашняя женщина. Глаза уже не были испуганы, они спокойно хранили время в черно-белой дымке. Сад отцвел, а память о весне была жива, она незримо струилась из черных зрачков. Этот немой взгляд был дороже, чем слова. Он был наполнен благодарностью, благословением жить дальше. В глазах сияла застывшая юность, обещавшая надежду. Поздняя ночь ушла, наступило утро.

Раздались тяжелые шаги. Из соседней комнаты вышел угрюмый, всколоченный мужчина. Он сердито посмотрел на Валью, сдвинув густые брови.

— Ты, собственно кто?

— Я? Врач.

— О, как раз в тему! Нет ли у тебя «Антипохмелина»? Кутнули вчера на славу, выпили за юбилей кореша. Как же раскалывается голова — сил нет терпеть. Башка чугунная, тошнит не по-детски. Рассола нет совсем. С покойной женой все и всегда водилось. Ласковая, сердечная баба была, но померла горемыка год назад, оставила нас одних с Васькой. Ни рассола теперь, ни супа горячего — ни черта! Надо хоть чайку дернуть крепенького, по-большому сгонять. Может, попустит. Святые угодники, как же хреново! Что ты зыркаешь, бледная галка? Таблетку гони! Врач ты или не врач, в конце концов?

Свет все так же вяло стекал в окно, не торопясь, не чувствуя сил для пробуждения. Земля еще дремала в тумане, тщетно силилась вернуться к жизни. Осень вступала в свои законные права. Женщина на фотографии уже не улыбалась.

Рыжий жеребенок

Денис Алексеевич, полный, еще красивый, влюбчивый и хлебосольный человек отмечал юбилей в кругу семьи. Он размахивал хрустальным бокалом, громко упивался собственным гостеприимством, отменным здоровьем и недюжинной силой крепкого тела.

— Друзья мои, дорогие, любимые гости. Прощу не отлынивать, ни филонить. Наливаем рюмочки, нагуливаем на зиму жирок. Шестьдесят — это вам не шутка, следует гульнуть с шиком. Вошел я, так сказать, в этот почетный возраст и имею честь гордиться. Суставы не хрустят, глаза огнем горят — жизнь удалась на славу. Давайте выпьем за то, чтобы в моем присутствии врачи скучали, а карманы их стали скудны. Вздоргнем!

Застолье затянулось до глубокого вечера. Расчувствовавшийся, поплывший от обильных возлияний юбиляр сидел, подпирая кулачищем красное лицо, и томно вздыхал.

— Хочу признаться в маленькой слабости. Мне очень нравится одна лошадь.

Гости, не ожидавшие подобного поворота, дружно расхохотались.

— Однако! Впрочем, если чувства твои взаимные, что тут скажешь: совет да любовь!

— Смейтесь, смейтесь! Хотя доля правды есть в вашей насмешке. Я вообще с детства люблю этих животных, но именно к этой лошадке у меня особое отношение. Как только ее вижу, глаз не могу отвести, чувствую родственную душу. И она, пегая стервь, прекрасно знает, что у меня всегда есть для нее что-то. Кусок хлеба, морковь или яблоко. За яблоко вообще мать родную продаст. Но суть не в этом. Последний раз я с ней перестарался — часов шесть возился без перерыва. Покатались немного, потом гладил и долго смотрел в глаза. Напоследок почистил, причесал и помыл. Очень красивое животное, просто бесподобное в своей изящной стати, и, самое интересное, что она это сама отлично понимает. Красуется передо мной, взмахивает пышной гривой, косит влюбленным глазом. И копытом так, копытом в мою сторону... Хороша чертовка! В общем, после этого дня снесло у кобылы крышу. Я не шучу! Начала бегать вокруг меня и не отпускать. Какая-то ревность что ли проснулась. Лезет своей мордой к моему лицу и губами делает так, как они обычно проворачивают, чтобы удержать яблоко перед тем, как его укусить. Честно признаюсь, что я немного пугаюсь такой звериной любви. Что бы это значило?

— А значит это, Дионисий наш блаженный, лишь одно — теперь ты, как порядочный джентльмен, просто обязан жениться. Сбил с пути праведного кобылку — смирись. Предлагаю за это незамедлительно выпить!

Гости чокнулись, оживились. Разговор о лошади внес абсурдную ноту в происходящее. Гул поднялся за столом, все дружно обнимали друг друга, пили за многочисленное потомство юбиляра, кричали, что старый конь борозды точно не испортит. Словом, застолье перешло все разумные пределы. Денис Алексеевич громко перебил всеобщий хохот:

— Однако, друзья мои, если говорить серьезно, тянет меня, как выйду на пенсию, в деревню. Хочется пасторали, сельской идиллии. Устал я от этого шума, глупости человеческой. Вот рвану в тихую местность, заведу пару лошадок и стану самым счастливым человеком в мире. Мечтаю о собственной конюшне при доме. Я уже даже подсчитал: лошадей на собственной конюшне держать весьма недорого: не намного дороже крупной собаки. Эти бесполезные кобели жрут в три горла, глотку раздрают в пустоту, а вот лошадь — создание утонченное, деликатное. Не знаю, какой белены объелись горе-теоретики, которые рассуждают о том, что лошадь на своей конюшне дорого держать. Корма ей подсыпать немного, сенца дармового, а больше никаких затрат и нет, собственно. Летом можно вообще на нее ничего не тратить: выпустить в поле и наслаждаться покоем. Для сельской местности лошадь — чрезвычайно удобное животное. Я совсем не рассматриваю породистых, спортивных жеребчиков. Обычных хочу, тягловых, которых когда-то в деревнях было много, а теперь почему-то пропали. А так

в наличии всегда будет навоз, который можно использовать как удобрение для огорода. Опять же лошадю можно и огород пахать, и грузы перевозить. Учитывая, что тропы и дороги в селах оставляют желать лучшего, а для машины — это убийство, то конь нормально везде пройдет. Так и выходит, что конь — это помощник, кормилец и отрада для души. А утренние и вечерние прогулки на коне полезны и коню, и владельцу. Не так ли? Эх, дожидаться бы вольных деньков! Сяду на пегую кобылку — и рысью в поле, навстречу пламенеющему закату. Красотища!

Софья Михайловна, супруга юбиляра, от волнения замахала руками и мгновенно налилась злостью. Она выплевывала слова как ядовитые стрелы:

— Ты это... не смей, изверг! Напился — будь человеком. Что за чушь тебе лезет в голову на ночь глядя? Сам решил утопиться в хлопотах, и меня за собой потянуть? Я в колхозный труд не нанималась, дудки! Ищи себе другую дуру крепостную! Лошадь твоя — не фея лучезарная, а глупое и пугливое животное. Поверь мне, любовь лошади к своему хозяину — это чистый вымысел и красивая сказка для не желающих взрослеть мальчиков с аденомой. Эта животина будет максимум ссаться при виде тебя и уважать за кормежку. А мозгов у нее — с горошину. Не бывает, и быть не может травоядных с развитым интеллектом. Лошадь — это либо бытовая необходимость, либо развлекуха для пижонов со средствами. Ну, еще в спорте иногда батрачит, хотя отработанных лошадок тоже на мясо в итоге продают. Любишь московскую колбаску — не разводи сопливых сантиментов.

Мать Дениса Алексеевича, скромная и тихая старушка, неожиданно поддержала невестку:

— Ты это... Подумай хорошо, Денисушка. Не наваливай себе на плечи неподъемный груз. Ты уже не молод, а заводить лошадей — дело тяжелейшее. У меня бывший сосед держит двух кобылок постоем в ближайшем Подмоскovie — страсть как дорого и нервотрепно. У владельца постоя свое видение о содержании, у соседа — свое, а у проклятых коней травмы одна за одной. Как издеваются клячи! И вообще, куда не глянь с этими конями — сплошные заботы. Из минусов — придется попрыгать с кормами; поставщики запросто привезут второй сорт — гнилое сено, плохой овес. А много ли надо лошаденке? Колики — и привет, поминай, как звали! Зимой часты перебои с опилками, с доставкой в глухие села. А режим кормления? Рабочий день начинается в шесть утра, а заканчивается ближе к полуночи. Опять же конфликты с соседями начнутся: запашок от навоза, грязь, насекомые, антисанитария. Попробуй за всем усмотри! Про отъезды из дома забудь — зверье не допустит подобной вольности. А характер? Стоит уметь обращаться с лошадю — это крупное, пугливое животное, глуповатое, а потому — опасное. А уметь вовремя оказать животному первую ветеринарную помощь, распознать признаки болезни? Лошадь — это только на вид здоровая махина, а по факту — хрупкая немощь, болеет стремительно и сразу до смерти. Чихнешь на нее, косо посмотришь, булочку в рот засунешь — копыта откинула. Гиря на ноге — твоя лошадь. Собаку, например, можно с собой в отпуск взять, а с лошадю — это уже куда как сложнее. Разве что на коневозке везти... опять же — в копеечку влетит. А с нашей пенсией особо не забалуешь. Заклинаю тебя: очнись! Во-первых, развлекать надо твоих кобылок и жеребчиков. Ты должен ездить на лошади минимум четыре раза в неделю и час-полтора в день по особенной схеме. Лошадь должна иметь постоянную возможность гулять. Во-вторых, ты становишься сам себе конюх. То есть готовься, что ты лошадь чистишь, ухаживаешь за копытами, обязуешься вовремя стричь и следить за состоянием здоровья, а также чистота двора и вывоз навоза тоже на твоей шее. Ах да, когда тепло, то раз в неделю лошадь нужно еще и купать. Очень трудно и дорого держать лошадь, сынок. Это тебе не игрушка, не баловство. Как человеку, так и любому животному, ей тоже захочется общения, чтобы с ней играли, чесали, обнимали, тренировались, гуляли. Где еду будешь брать? Сено, овес? Где будет стоять лошадь? Где станет спать? Животные также испытывают стресс, одиночество, постоянно болеют. А где найти толкового ветврача? Сколько времени ты готов посвятить своей затее? Не издевайся над животными. Лучше подумай зара-

нее: тебе хватит денег, сил и здоровья? Живет это чудо десять — двадцать лет, а в старости хиреет, требует еще более ласкового, щепетильного отношения. Нет, Денис, лучше послушай Сонечку — не твое это. Ты всегда был с ленцой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.